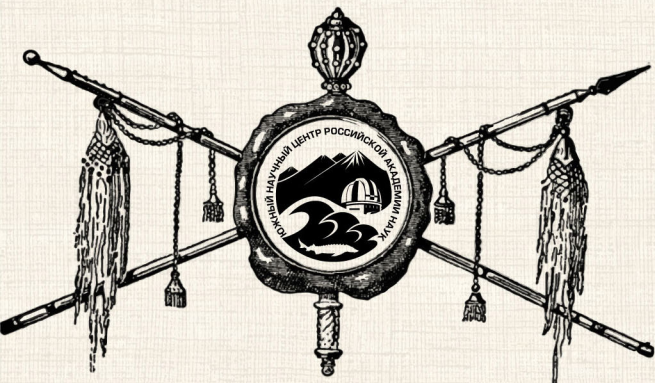

Июль – Сентябрь
July – September

2025

К Научный журнал **Том 1 / Номер 3**
АЗАКОВЕДЕНИЕ

Scientific journal "Kazakovedenie" **Vol. 1 / No. 3**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (ЮНЦ РАН)

Научный журнал
КАЗАКОВЕДЕНИЕ
(16+)

Сетевое издание

Том 1. № 3
2025

Основан в 2024 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционная коллегия:

Баранов Андрей Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель, генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к.соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь) (Ростов-на-Дону)

Утвержден ученым советом ЮНЦ РАН

Издание осуществляется при поддержке ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Сетевое издание «Научный журнал "Казаковедение"»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес редакции: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; e-mail: kazak@ssc-ras.ru
Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE "FEDERAL
RESEARCH CENTRE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES" (SSC RAS)

Scientific journal

KAZAKOVEDENIE

(16+)

Online Media

Volume 1. No. 3
2025

First published in 2024 T
here are 4 issues a year

Editor-in-Chief:

Matishov Gennadij Grigor'evich, D.Sc. (Geography), the academician of RAS

Editorial Board:

Baranov Andrej Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Britvin Nikolaj Nikolaevich, Public figure, Colonel-General (Rostov-on-Don)
Venkov Andrej Vadimovich, Dr (History), Editor (Rostov-on-Don, Russia)
Volvenko Aleksej Aleksandrovich, PhD (History) (Taganrog, Russia)
Kolesnikov Vladimir Aleksandrovich, PhD (History) (Stavropol', Russia)
Kolesnikova Marina Evgen'evna, Dr (History) (Stavropol', Russia)
Luk'yashko Sergej Ivanovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Malov Aleksandr Vital'evich, PhD (History) (Moscow, Russia)
Matveev Oleg Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Matveeva Natal'ya Sergeevna, PhD (History) (Moscow, Russia)
Mininkov Nikolaj Aleksandrovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Ochirov Utash Borisovich, Dr (History) (Elista, Russia)
Pankova-Kozochkina Tat'yana Viktorovna, Dr (History) (Novocherkassk, Russia)
Ratushnyak Oleg Valer'evich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Rvacheva Ol'ga Vladimirovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Ryblova Marina Aleksandrovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Sen' Dmitrij Vladimirovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Skorik Aleksandr Pavlovich, Dr (History), Dr (Philosophy) (Novocherkassk, Russia)
Tyumencev Igor' Olegovich, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Hudoborodov Aleksandr Leonidovich, Dr (History) (Orenburg, Russia)
Shadrina Alla Valer'evna, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Yarovoj Andrej Viktorovich, Dr (Philosophy), PhD (Sociology) (Zernograd, Russia)
Bevza Tat'yana Garrievna, Assistant Editor (Rostov-on-Don, Russia)

Editorial Office: 41 Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006;
e-mail: kazak@ssc-ras.ru URL: <http://en.kazak.ssc-ras.ru>

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Венков А.В.</i> Великий подвиг или «недружественный» акт?	5
<i>Скорик А.П., Шадрина А.В.</i> Воинский тип религиозности донского казачества: опыт академического эссе	17
<i>Нечипорук А.А.</i> Погребальная обрядность казачьего населения Нижнего Дона (археологический контекст)	40

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

<i>Венков А.В.</i> Приказы 28-го Донского казачьего полка по станице Вёшенской как источник по истории Гражданской войны на Дону	48
--	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Скорик А.П., Панкова-Козочкина Т.В.</i> Социальные эстафеты кубанского казачества (к выходу монографии А.В. Дюкарева об исторической памяти)	64
---	----

ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДОВ

<i>Федичев В.В.</i> Донские казаки в изгнании: вопросы эмиграции и реэмиграции XX столетия	85
--	----

ИСТОРИКИ-КАЗАКОВЕДЫ

<i>Скорик А.П.</i> Историк-казаковед А.И. Козлов (к 95-летию со дня рождения)	95
---	----

SCIENTIFIC ARTICLES

<i>Venkov A.V.</i> TA great feat or an "unfriendly" act	5
<i>Skorik A.P., Shadrina A.V.</i> Military type of religiousness of the Don Cossacks: academic essay experience	17
<i>Nechiporuk A.A.</i> Funeral rituals of the Cossack population of the Lower Don (archaeological context)	40

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

<i>Venkov A.V.</i> The orders of The 28 th Don cossack regiment In The Village of Vyoshenskaya as a source on the history of the civil war on the Don	48
--	----

REVIEWS

<i>Skorik A.P., Pankova-Kozochkina T.V.</i> Social relay races of the Kuban Cossacks (to the publication of A.V. Dyukarev's monograph on historical memory)	64
---	----

RESEARCH BY LOCAL HISTORIANS

<i>Fedichev V.V.</i> Don Cossacks in exile: Issues of Emigration and Re-Emigration in the 20 th Century	85
--	----

THE COSSACK HISTORIANS

<i>Skorik A.P.</i> The Cossack historian A.I. Kozlov (For the 95 th anniversary of his birth)	95
--	----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(47)

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ИЛИ «НЕДРУЖЕСТВЕННЫЙ» АКТ?

© 2025 г. А.В. Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается ситуация с захватом казаками в 1637 году Азова. Показывается сложившаяся в тот период международная обстановка в Причерноморье. Доказывается, что казаки хотели сделать из Азова вольный город, и это было не в интересах Русского государства. Захват и удержание Азова были для казаков бесперспективны, поскольку вся территория вокруг города была турецкой. Захват казаками Азова и их набеги на турецкие берега постоянно мешали созданию русско-турецкого союза против Польши.

Ключевые слова: Войско Донское, Россия, Турция, Польша, Азов.

A GREAT FEAT OR AN "UNFRIENDLY" ACT?

A.V. Venkov

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article examines the situation with the capture of Azov by the Cossacks in 1637. It shows the international situation in the Black Sea region at that time. It is proved that the Cossacks wanted to make Azov a free city, and this was not in the interests of the Russian state. The capture and retention of Azov were not promising for the Cossacks, as the entire territory around the city was Turkish. The Cossacks' capture of Azov and their raids on the Turkish coast constantly hindered the creation of a Russian-Turkish alliance against Poland.

Keywords: Don Army, Russia, Turkey, Poland, Azov.

Донские казаки практически с момента своего возникновения стали фактором международных отношений в Причерноморском регионе, но зачастую количественный рост и расширение их ареала нарушали сложившийся баланс сил, и игроки «большой политики» стремились или использовать казаков, или уничтожить их.

Во 2-й половине XVI в., когда казаки становятся «реальностью» причерноморской степи и окружающей ее водной логистики, международная обстановка в регионе была следующей. На севере и по всему течению Волги росло и набирало силу Русское государство. Оно, собственно, и «выдавило» из себя воинов, не сумевших вписаться в новые реалии самодержавия.

Как считали Л.Н. Гумилев и А.М. Панченко, «шестнадцатый век можно назвать веком русского одиночества... Византия и Балканы не так давно стали провинциями Османской империи. Из православных держав только Русь и Грузия (регулярных связей с ней не было) сохраняли независимость» [1, с. 81]. Но геополитическая ситуация упорно навязывала централизованному Русскому государству две «программы». Первая: Россия могла стать логистической сверхдержавой, зарабатывающей на транзите, торговле и перепродаже. Воплощение в жизнь этой програм-

мы требовало укрепления на Балтике и в Волго-Каспийском регионе, дружбы с протестантами и Персией, поддержки купечества. Вторая программа предполагала колонизацию Дикого поля через строительство засечных черт и развитие на отвоеванной территории помещичьего землевладения, важнейшей целью этой программы была поддержка зародившегося и развивающегося дворянства.

Силой, которая активно участвовала в освоении Дикого поля, были казаки.

Изначально взаимоотношения российского правительства и донской казачьей верхушки были настороженными. Известна грамота Ивана Грозного от 3 января 1570 г. «Донским атаманам и казакам... тем бы вы Нам послужили... а Мы вас за службу жаловать хотим» [2, с. 9]. Казачья верхушка была против государственного вмешательства в свои дела. Сакраментальной стала фраза: «Мы на Русь лиха не мыслим. Царствуй белый царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону». Взаимоотношения осуществлялись через Разряд – орган, набирающий (в том числе) наемные отряды.

В это время, как известно, на Дону господствовала идеология, напоминающая идеологию боярской оппозиции времен Ивана IV Грозного. Старинная песня четко определяет отношение к царю и конкретным врагам (известно, что бояре, например, были против войны в Прибалтике и считали, что главный враг России – степные кочевники) [3, с. 104]:

Ох и горд наш батюшка Тихий Дон,
Царю Белому он не кланялся,
У Москвы как жить не спрашивался,
А с Туретчиной и Татарщиной
Саблей острой век здоровался.

Напомним, что олень (на гербе у казаков он изображался пронзенный стрелой) был еще и на гербе князей Шуйских, лидеров боярской оппозиции.

Русское государство, в свою очередь, тоже осваивало Дикое поле, во второй половине 1560-х, второй половине 1570-х, начале 1580-х гг. были основаны почти все русские города Черноземья.

С северо-запада над регионом «нависало» государство, «где короли давно уже были только для смеха» – Речь Посполита [4, с. 193]. Это объединившееся на основе Польского королевства и Великого княжества Литовского государство изначально вело противоречивую политику. Католики-поляки хотели иметь союзника против Швеции и Турции, и чтобы этот союзник не вмешивался в дела Речи Посполитой. Литовцы хотели либо расширить республику, либо вовсе отойти к Москве от Речи; воевать за Польшу против Швеции они не хотели (сами симпатизировали протестантству). Их лидеры мечтали об общем правительстве из Гедеминичей, униатском компромиссе и московском князе на польском престоле. Усилением Польши были заинтересованы в Ватикане: она бы сдерживала немецких и скандинавских протестантов и Габсбургов, давала бы паству и деньги и воевала против турок.

Габсбургам (имперцам) были выгодны отношения с Москвой: с одной стороны, против Польши и Турции, а с другой – против протестантов тевтонцев и шведов.

Турки, воевавшие против Габсбургов и Персии, не хотели получить третий фронт на севере и давили на Россию через консервативное крыло церкви, радующееся появившемуся в Москве патриарху и опасавшееся униатства. К концу XVI в., ведя

постоянные войны на два фронта, османы были заинтересованы в вечной войне между Польшей и Москвой.

Признавшие власть турок крымские татары при поддержке Порты в 1502 г. добились Большой Орды, и Крым стал ее правопреемником. В XVI в. крымчаки, будучи союзниками османов, помогали туркам в Европе и Иране и, как наследники Орды, пытались вернуть Поволжье.

Ордынские амбиции Крыма туркам были безразличны, за исключением периода правления Селима II Пьяницы (1571 г.). Да и собственных сил крымчакам не хватало. Их потери в войнах на стороне турок в Европе и на Кавказе были велики. В переписке с Москвой они даже рассказывали о планах уйти из Крыма в окрестности Киева и жить независимо от турок.

На Диком Поле, разделяющем Россию и Турцию, казачество – донское и запорожское – тесно общалось с татарами (в перерывах между набегами), участвовало в их междоусобицах и вместе с ними выступало против Польши.

Изменение ситуации обозначилось с началом Смуты в России.

Весной-летом 1605 г., когда власть в Москве взял Лжедмитрий I, на юге Московии началась подготовка похода на Крым и в Путивль, лучшую крепость юга, стали свозить запасы и казну.

До военного столкновения дело не дошло. Трагические события Смуты, безвластие заставили все сменяющие друг друга российские власти жить внутренними проблемами. Из внешних сил наиболее опасными для России стали поляки.

Турки, видимо, отдавали себе отчет, что установление в Москве власти польского короля или иного пропольского правительства включит Россию в ряды антитурецкой коалиции. Поэтому за время Смуты не было ни одного серьезного крымского набега на русские земли, поскольку успехом такого набега воспользовались бы поляки.

Пытаясь стабилизировать ситуацию и выбрав в 1613 г. нового царя из династии Романовых, русские власти сразу же стали восстанавливать дипломатические связи с Турцией.

В 1613 и 1615 гг. были направлены посольства в Турцию. Турки оставались верны своей прежней политике. Когда в 1615 г. русские послы прибыли в Турцию, «в Константинополе ждал их почетный прием: великий визирь сказал им: "Вы у нас гости добрые, приходите к нам с делом добрым и любительным, и государь нам велел вам почесть воздавать свыше всех послов великих государей и ставит себе государя вашего великим и неложным другом и приятелем". Но казаки не замедлили помешать делу» [5, с. 59].

В первые годы после Смутного времени, пользуясь слабостью государства, казаки добились права беспошлинной торговли по всей территории России и осуществления взаимоотношений через Посольский приказ, но при этом получали из Москвы жалование за определенные услуги по охране дальних подступов к границе, по сопровождению посольств и т.п., то есть установились взаимоотношения, напоминающие сюзеренитет – вассалитет: «Эти люди видели в себе рыцарей и обладали некоторыми рыцарскими чертами характера, типичными для вольных военных слуг – вассалов своего сюзерена-государя и нетипичными для русских служилых людей, закрепощенных службой государству» [6, с. 468].

Во время Смуты, когда долгое время турки запрещали крымским татарам ходить в набеги на русские земли, пограничный Дон стал относительно безопасным

местом и туда стали стекаться «навоевавшие» служилые люди, а когда основные военные действия на территории России закончились, туда же потекли те, которые «не навоевались». Резко возросло количество казачьих набегов на земли крымских татар и на земли непосредственно турецкие. Нападали как донские казаки, так и запорожские. И если запорожцы к тому времени формально считались подданными польского короля, который рассматривался турками как естественный противник, то донцы, не являясь формально московскими подданными, получали жалование от русского правительства, и это осложняло русско-турецкие переговоры. Русские послы пытались сгладить ситуацию, преподнося подарки визирю и другим турецким чиновникам, но «казаки пересиливали соболей» [5, с. 61]. И русские послы вынуждены были заявлять: «Хотя бы турецкие люди донских казаков до одного человека побиили, то наш великий государь вашему за то не постоит...» [5, с. 61].

Турки, казалось, были такими объяснениями удовлетворены, и на последующем дипломатическом приеме польский посланник был посажен ниже московских.

После 1618 г. заинтересованность в союзе с Турцией у русского правительства возросла. По Деулинскому перемирию Польше отошел от России Смоленск, и вернуть его своими силами для предельно ослабленной Смутой стране казалось невозможным.

Турки, вынужденные постоянно ожидать войны на два фронта, тоже были заинтересованы в союзнике против католической Европы.

В 1620-е гг. турки несколько раз слали в Москву послов «с предложением воевать вместе Польшу» [5, с. 191]. Россия была согласна на совместные военные действия, и в 1622 г. было направлено очередное посольство в Турцию. Но казаки демонстративно мешали переговорам и «поехали также на море в присутствии посланников» [5, с. 191].

В 1627 г. турки опять предлагали России союз против поляков. В Турции особенно активно идею союза с Россией лоббировала греческая православная диаспора. Грек Кантакузен в качестве турецкого посла, начиная с 1627 г., несколько раз ездил в Москву и звал в совместный поход на поляков. И в 1628 г. русское посольство было направлено в Константинополь уточнять детали. И опять казаки напали на крымских татар и выжгли два города в Крыму.

Грек Кантакузен в 1630 г. опять звал русских в совместный поход на поляков. И опять вроде бы договорились. Казаков же царь Михаил Федорович предал опале, а патриарх Филарет отлучил их от церкви. Вместе с Кантакузеном русские послы отправились в Турцию, но на этот раз турки подвели – у них началась война с Ираном. Казаки на некоторое время притихли. В 1632 г. русское правительство, готовясь к войне с Польшей, об опале и отлучении забыло, но потребовало присяги на верность – крестного целования. Казаки ответили: «И крестного, государи, целования на Дону, как зачался Дон казачьими головами, не повелось», [7, с. 324] – и долго перечисляли, когда и как они служили России, но креста не целовали.

В первой трети XVII в. стало проявляться двуличие донской казачьей верхушки. В 1627 г. при войсковом атамане Епифане Радилове прошел круг. «Под явным московским давлением этот круг принимал решение о запрете "воровских" походов на Волгу, о смертной казни за такие походы и за помощь в организации волжского "воровства" ссудами в разной форме. Это решение стало частью войскового права. Однако оно не дало результатов и "воровские" походы продолжались, поскольку в них было материально заинтересовано все донское казачество» [8, с. 130]. Домо-

витые казаки сами в «воровских» походах старались не участвовать, но с «воровскими» казаками «не только знали, но и давали им ссуды на "воровские" походы, в т.ч. порохом, свинцом, иногда даже лодками» [8, с. 130], а потом получали часть добычи.

В 1630-е гг. казачье сообщество на Дону сильно разрослось. К этому времени относятся многочисленные удачные совместные морские походы донских и запорожских казаков, которые известный донской историк В.Н. Королев окрестил «Босфорской войной». Идеологическим прикрытием войн того времени часто была религия. У донских казаков был конфессиональный враг – турки, захватившие Константинополь, центр православного христианства. На экономическом уровне шла борьба за рыбные промыслы с турками, преградившими выход в устье Дона и Днепра, борьба за пастбища с кочевниками (ногайцами, татарами, калмыками). Причем экономический фактор осознавался и как борьба за освобождение православных русских людей, которые являлись одной из основных статей дохода татар и ногайцев, промышлявших работорговлей.

Кстати, при захвате турецкого Азова казаки отбили 713 пленных, но «русских людей» среди них оказалось всего 150, остальные 563 были неудачливыми донскими казаками, попавшими в плен во время набегов [9, с. 96].

С одной стороны, через руки казаков проходила (или скапливалась) огромная добыча. С другой стороны, зона проживания и активности казаков стала предельно опасна для их соседей, в первую очередь – турок (крымские татары, ногайцы и черкесы сами вели такую же разбойную жизнь, только грабили другие территории), и тогда следовало ожидать оттока населения от побережья и появления военных судов на смену торговым. Для разбойного сообщества в таком случае видится два пути: из криминальной структуры превратиться в «охранную» (что казаки отчасти и сделали, но из разоренной Смутой России больших денег ждать не приходилось), либо криминальную зону превратить в офшорную.

Основой для такой зоны мог стать богатый Азов, вокруг которого казаки всё время «промышляли». Захват Азова мог стать первым шагом на пути создания независимого государства наподобие пиратских республик в Атлантике и на Средиземном море. Идею создания вольного города могли подать выходцы из Новгорода.

Четкому решению захватить Азов предшествовала агитационная кампания. Еще в 1635 г., как писал В. Сухоруков, казаки единодушно заговорили: «Если бы государь повелел нам взять Азов, то бы не лилась кровь христианская, православные не изнемогали бы у бусурман в рабстве и нетрудно бы тогда было покорить самый Крым и ногаи; хотя бы не более двух тысяч человек прибавил к нам из украинских городов только для виду, мы Азов город давно бы взяли» [10, с. 188].

Впрочем московскому правительству теперь было не до покорения Крыма и ногайцев. После проигранной войны с поляками и подписания Поляновского мира русские власти стали отгораживаться от разорительных татарских набегов, строить новую мощную засечную черту. Но отгораживаться от Степи в глазах многих казаков значило – отгораживаться от Дона.

В это время как раз возрастает интерес к казакам в Европе: «Активизация казачьих военно-морских операций и Босфорская война (постоянные набеги казаков на окрестности Стамбула В.Н. Королев назвал "Босфорской войной". – А. В.) вызвали огромный интерес к казачеству в Западной Европе, где рассматривалось несколько планов участия казаков в сокрушении Османской империи путем нападений на Анатолию и Стамбул» [11, с. 660]. В использовании казаков были заинтересованы

Венеция и Ватикан: «Контакты с запорожскими казаками пыталась установить Испания» [11, с. 660]. И действия казаков были на руку некоторым другим европейским странам.

Первый раз решение о взятии Азова казаки озвучили в 1635 г., когда вышли в море вместе с запорожцами. Они вместе собирались промыслить под Керчью, а на обратной дороге взять Азов. Даже дату осады назначили – на Петров день. Но появление в море турецких галер заставило казаков отказаться от своего дерзкого плана. И донцы, и запорожцы стали возвращаться восвояси. На обратном пути запорожцы захватили польскую крепость Кодак, считавшуюся неприступной, и это, видимо, еще больше раззадорило донцов. Вообще запорожские казаки пользовались на Дону большим авторитетом, поскольку количественно превосходили донцов в несколько раз.

Большое влияние на планы донцов оказало изменение международной обстановки. Турки втянулись в неудачную войну с Ираном. Пользуясь этим, крымский хан Инает-Гирей, усилившись присоединением к нему орд Большого и Малого Ногай, перестал подчиняться туркам, напал на Кафу, где стоял турецкий гарнизон, и убил кафинского пашу. Турки послали на крымчаков аккерманского владельца Кантемира. Польский король поддержал крымского хана. С его ведома против Кантемира вместе с крымчаками выступили пять тысяч запорожцев, «из грошей», и 600 реестровых казаков.

Видимо, решение захватить Азов окончательно оформилось у казаков в конце 1636 г. Но для такой операции нужны были боеприпасы, и 21 ноября в Москву была послана станица во главе с самим войсковым атаманом Иваном Каторжным. Привезенная Каторжным отписка гласила, что казаки «наги, босы и голодны», что многие орды «хотят под наши казачьи городки войною приходить и наши нижние казачьи городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья нет» [5, с. 204]. То есть, казаки просили свинец и порох для оборонительной войны. Но еще зимой, до возвращения Каторжного, «все нижние и верхние донские городки были оповещены войсковыми старшинами, чтобы все казаки, совсем готовые к походу, в полном вооружении и снаряжении, по весне явились в Главное Войско для решения важнейшего и неотложного дела... все до единого донцы знали, зачем их вызывали в главное войско, и все ехали с твердым решением воевать ненавистный Азов и во что бы то ни стало добыть его» [12, с. 88]. И толмач русского посольства Буколов, оказавшийся в это время на Дону, слышал разговоры казаков: «Если к нам будет государская милость, позволит в Азов приходить к нам с Руси на житье охочим и вольным всяким людям и запасы всякие к нам привозить, то они Азов не покинут, а станут в нем жить» [13, с. 114].

Пока Каторжный был в Москве, стало известно, что в Азов прибыл турецкий посол Фома Кантакузин и собирается ехать дальше в Москву. 26 февраля 1637 г. Каторжного отпустили с грамотой из Москвы. В грамоте говорилось, что вскоре за турецким послом поедет на Дон русский пристав Чириков и повезет казакам жалование, а казаки должны помириться с азовцами, принять из Азова Кантакузина и передать его Чирикову.

После отъезда Каторжного в Москву 8 марта прибыла посольская станица Тимофея Яковлева с известием, что Кантакузин перебрался из Азова к донцам.

Как писал С.М. Соловьев, Кантакузин поехал в Россию «для торговли, но под видом посланника» [5, с. 203]. Сама эта формулировка вызывает вопросы.

Обычно турецкие послы ждали в Азове, когда за ними приедут для сопровождения русские приставы. Те добирались водным путем, прибывали на Дон в конце весны. Кантакузин ехал в Россию не первый раз и всё это знал. Но он явился к казакам, не дожидаясь приезда русского пристава. «Приехавши на Дон, Фома послал сказать казакам, будто султан прислал к ним жалование, 4 кафтана; казаки отвечали: "Прежде к великому государю посылаемы были от султана послы и посланники, но ничего к нам, казакам, от султана не привозили; ясно, что он, Фома, затевает это сам собою и кафтаны нам дает от себя; у Донского войска государевым жалованием всего много, и эти его подарки нам не нужны". Но кафтаны были привлекательны, и казаки, помедлив немного, взяли их у Кантакузина» [5, с. 203]. Ясно, что четыре кафтана в качестве жалования для всего Войска никто всерьез не рассматривал. Даже по сравнению со скудным царским жалованием это выглядело насмешкой, жалкой подачкой. Скорее всего, это была попытка турецкого чиновника подкупить какую-то часть казачьей верхушки. И даже не попытка подкупа, а проверка – «возьмут – не возьмут». И время было выбрано удачно – о ситуации в России мы уже говорили. Что касается турок с их имперской политикой, то позже они в открытую предлагали казакам переселиться на Средиземное море. Этим были бы успокоены северные границы Порты, а все противники турок на Средиземном море испытали бы на себе, что такое казачьи набеги.

О чем говорил Кантакузин с казачьими старшинами с февраля по апрель 1637 г., неизвестно, но в апреле Войско Донское, презрев царские повеления, выступило на Азов.

В разгар осады Азова, как только русский пристав явился за турецким послом, казаки этого посла, Фому Кантакузина, убили, обвинив в шпионаже. Порох, привезенный приставом вместе с другим жалованием, казаки использовали для взрыва азовской крепостной стены.

11 июля казаки взяли привезенное царское жалование. В Москву они написали: «А как Азов взяли, и мы, государь, приказали твоему государеву дворянину быти в Азов с твоим государевым жалованием» [10, с. 200].

Итак, турецкий посол был убит, турецкий город взят казаками, и русский дворянин выплатил царское жалование казакам в стенах взятого турецкого города. Причем было известно, что «Азов со времени Баезида II Вели (Святого), правившего в 1481–1512 гг., являлся султанским хассом – личным владением дома Османов» [11, с. 611].

Туркам давался повод объявить России войну, а Россию принуждали выпутываться из сложившейся ситуации и тратить время на ее прояснение и осмысление.

Еще один факт придавал взятию Азова явный вид государственной измены. В штурме Азова принимали участие запорожские казаки, формальные подданные польского короля. Толмач Буколов ясно высказался об этом: «Да в те ж поры пришли на Дон из Запорог черкасы запорожские степью с коньми с 1000 ч[еловек], а чаяли тово, что донские казаки пойдут на море. И черкасы [,] сложась с донскими казаками [,] приговорили идти с ними ж под Азов. И пошли донские казаки и запорожские черкасы под Азов после Велика дни на другой неделе в среду, и Азов осадили» [13, с. 114].

Мы видели, что Россия несколько раз безуспешно пыталась создать союз с Турцией для совместного похода на поляков, но союз и, естественно, поход срывались, так как донские казаки вместе с запорожцами выходили на море и грабили турецкое

побережье. Теперь донские казаки вместе с польскими подданными захватили турецкий город. Впрочем, вряд ли это подходило под понятие «государственная измена», так как казаки на верность России не присягали, но явно был виден выход из-под контроля и проведение своей «недружественной» по отношению к России политики.

И всё же в Москву отправили отписку о взятии Азова, а с ней отправили посольство из пяти человек, видимо, кого было не жалко. В отписке от запорожцев открестились: «А ссылки де у донских атаманов и казаков з запорожскими черкасы о том не бывало, и на помочь к ним из Запорог и с моря черкасы запорожские прибыльные люди н[ы]нешние весны не бывали. А которые де запорожские черкасы у них на Дону живут и те под Азовом в Войске были и н[ы]не с ними ж» [13, с. 118].

В Москве никак не могли разобраться и запрашивали: «...А атаманов и казаков добрых к нам не прислали, кого подлинно спросить, как тому вперед быти; а прислали есте одного атамана Потапа Петрова, а с ним четырех казаков, молодых людей» [14, с. 570]. Потапа Петрова с «молодцами» в Москве задержали и стали ждать точных сведений. Но донцы в следующей отписке сообщили, что крымские татары пошли на русские земли, а они, донские казаки, отправили отряды «промышлять» над татарами. Как оказалось, на татар они не ходили, а укрепляли Азов.

Из Москвы стали казаков упрекать, обвиняли Ивана Каторжного и Тимофея Яковлева, что знали о предстоящем походе на Азов, но в Москве не сообщили, и требовали, чтоб прислали новое посольство, «лучших людей». Донцам еще написали, что очередной набег крымских татар был подан крымчаками как месть за взятие Азова, что крымский посол говорил, «что будто вы, атаманы и казаки, Азов взяли с нашего царского повеления» и помощь от царя получили «для Азовского взятия» [14, с. 594, 595].

Султану же написали, что казаки взяли Азов самовольно, ссоры с Турцией Россия не хочет и за казаков не стоит, «хотя их, воров, всех в один час велите побить» [10, с. 206].

Казакам в Москве не верили и в грамоте от 26 ноября 1637 г. требовали прислать отписку о настоящем положении дел на Дону и в Азове и прислать бумаги убитого Кантакузина [14, с. 611].

Казаки 3 декабря 1637 г. в отписке предложили, «если будет Азов годен», чтобы царь «указ об Азове учинил» [14, с. 643]. То есть, припугнули войной с Турцией. А грамот Кантакузина они якобы не нашли [14, с. 644].

В последующей переписке между Доном и Москвой позиция казаков несколько раз менялась. Жизнь в отбитом городе наладить было трудно. После выкупа плененных торговля со стороны Турции с Азовом прекратилась, а других торговых партнеров поблизости не было. Многие казаки стали недовольны взятием Азова – один раз город разграбили, но больше вокруг грабить стало некого. Казаки Черкасского и Манычского городков, чаще других «промышлявшие» вокруг Азова, даже в 1641 г. отказались защищать город («мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки») [15, с. 177].

В 1638 г. казаки не столько просили жалования, сколько требовали, чтобы к ним пропускали для торговли людей из «польских и украинских городов» и делали это «без задержания и зацепки» [14, с. 709, 725].

Донской историк Е.П. Савельев считал: «Азов сделался христианским вольным городом» [7, с. 331].

В зависимости от ситуации, когда становилось голодно и люди из Азова начинали «разбредаться», казаки заявляли, что готовы передать город русскому царю, в своих грамотах писали, что всё происходит «около твоей государевой отчины Азова» (21 ноября 1639 г.) [14, с. 982]. Но когда в Азов прибыло посольство из Ирана, воевавшего с Турцией (персы были очень рады, что турки получили такую пощечину), и даже пообещало казакам жалование (его якобы отбили горские черкесы), то донцы о своих обещаниях отдать город царю забывали.

В 1640 г., когда казаки потерпели поражение на море и ждали прихода под Азов турецких войск, атаман Наум Васильев с казаками написали в Москву, что казаки взяли Азов «в вотчину» царевичу Алексею Михайловичу. Но привезший грамоту атаман Дементий Гаврилов этого не подтвердил, но уверил, что из города донцы не уйдут. Впрочем, из его речей вытекало, что жизнь после взятия Азова стала хуже: «А была-де им добыча, как Азов был за турскими людьми, и рыбные снасти привозили в Азов из турецких городов, а из русских-де городов снастей рыбных не привозят, и рыбы им ловить нечем, потому им стало и нужно» [15, с. 63–64].

Как считал Л.Н. Гумилев, «пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков» [16, с. 266].

Непосредственно перед приходом турок, когда стало ясно, что затея с вольным городом провалилась (Азовское и Черное моря не Атлантика, турецкая блокада торговать не даст), с Дона постоянно писали, что Азов взят Божьей милостью «вам государям в вотчину» [15, с. 50]. Но у России в то время не хватало силы ввязываться из-за такого «подарка» в войну с Турцией.

И осознавая отношение Москвы к себе и к своей аванюре, казаки как-то сказали в Азове туркам: «А нас на Руси не почитают и за пса смердящего» [6, с. 448].

Когда казаки всё же отбились от турецкой армии в 250 тысяч человек и сами понесли великие потери, вообще встал вопрос о существовании казачества на Дону. В грамоте, которую привез в самом конце 1641 г. атаман Наум Васильев, казаки подтверждали, что взяли Азов «на счастье» Алексею Михайловичу, ему «в вечную славу и в вотчину» [10, с. 208], и просили прислать к Рождеству в Азов царского воеводу, иначе грозились город бросить из-за обилия потерь и множества раненых – «перераненых, без глаз, и без рук, и без ног стало много» [15, с. 261]. Потери казаков действительно были огромны. В осаду сажались 7590 «отборных оружных» казаков, а после осады преследовать уходящих турок вышла одна тысяча [9, с. 135, 167].

Царь от Азова всё равно отказался из-за вызовов внешней политики, так как «все внимание было обращено на Запад, все силы государства были направлены туда» [5, с. 270].

С точки зрения теории пассионарности Л.Н. Гумилева, у донских казаков произошёл пассионарный надлом. Как говорил Александр Македонский, «людям, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладко жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу» [16, с. 265]. Но большая часть защитников Азова погибла, и, как мы увидим, в дальнейшем верхи казачества стали исповедовать уже другие ценности.

Казаки оставили Азов 1 мая 1642 г. Вскоре они получили жалование и наказ, чтобы с турками, вернувшись в Азов, помирились «и жили с ними смирно, задоров никаких не чинили, и на море не ходили, и судов не громили, и сёл и мест турецкого не воевали» [10, с. 210].

Но турки вскоре решили «поквитаться с казаками за азовский позор. Самостоятельно отразить этот натиск казакам оказалось не под силу, они несли огромные потери и молили Москву о помощи» [17, с. 33].

Имел ли захват Азова какую-либо перспективу для казаков? «Вольный христианский город»? Мы помним судьбу всех «вольных городов» в условиях образования и укрепления империй. Помним судьбу того же Новгорода. Да и чисто географическое положение не давало каких-либо перспектив. Все земли и воды вокруг Азова на тот период были турецкие.

А если бы казаки не захватили Азова и сохранили силы? Впрочем, мы помним, что «история не имеет сослагательного наклонения». Но помним и то, что, накопив сил, казаки рискнули побороться со всей Россией во главе с «самым романтическим героем нашей истории» и только, будучи разбиты, присягнули России на верность. Да и верхушка казаков этих «романтиков» не поддержала.

Но будем исходить из реалий.

В апреле 1644 г. казаки писали в Москву, что они «людьми на Дону в конец оскудели в... бусурманские... приходы, и в осады, и во многие большие битвы, люд у нас стал повыбит весь, а малым нам людом без твоей государевой помощи без ратных людей противу их бусурманских больших приходов стоять будет не уметь... и в конец будет погибнуть» [18, с. 115].

А некоторые атаманы получили от государства земельные пожалования и стали помещиками. В 1643 г. бывший войсковой атаман Тимофей Яковлев Лебяжья Шея получил 750 четвертей земли. А в 1646 г. Осип Лосев и Томила Карякин – по 500 четвертей за их отличие при обороне Азова.

С этого времени взаимоотношения Дона и Москвы «корректируются». Само русское правительство посылает на Дон на усиление казачества 3000 набранных в России вольных людей (из которых на Дону буквально на следующий год остается половина), а в 1648 году на Дон является полк русских солдат, который остановился около Черкасского городка и окопался.

Опасность внешнего, европейского, воздействия на казаков оставалась: «С середины 1640-х гг. в связи с началом венецианско-турецкой войны Венеция провела серию переговоров с Польшей и казаками об ударах по Османской империи со стороны Черного моря. Главная надежда при этом возлагалась на Войско Запорожское, однако его действия были скованы борьбой с Речью Посполитой...» [11, с. 660].

Взаимоотношения казачьей верхушки с Москвой после Азовского сидения продолжали развиваться. Идея превратить криминальную зону в офшорную провалилась, оставалось из криминальной структуры превратиться в «охранную».

Донцы, несколько раз нарушившие царскую волю, относительно отношений к себе Московской власти не обольщались. И позже, оглядываясь на слободских казаков, обращенных в гусары, на распущенное Запорожье, на упраздненных реестровых, многие на Дону, видимо, были рады тому, что имели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л.: Сов. писатель, 1990. 126 с.
2. История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. 1775–1813–1875–1913. Часть первая / составил Б.Р. Хрещатицкий. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 408 с.
3. Скрынников Р.Г. Иван Грозный: подробная биография. М.: Родина, 2022. 448 с.
4. Валишевский К. Иван Грозный. Репринтное воспроизведение издания 1912 года. М.: ИКПА, 1989. 420 с.
5. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. М.: Мысль, 1990. 718 с.
6. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1998. 512 с.
7. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времен и до конца XVIII века. Историческое исследование в 3 частях. Репринтное воспроизведение изданий 1915–1918 годов. Часть 3.: История Дона и донского казачества. Ростов н/Д.: Памятники Отечества, 1990. 443 с.
8. Мининков Н.А., Сень Д.В. Классификация казачьих сообществ (войск): научно-методическое сопровождение учебного материала // Казачество на службе Отечеству: мат-лы ежег. междунар. стратегической сессии. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. С. 120–138.
9. Венков А.В. Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М.: Вече, 2017. 336 с.
10. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д.: ГинГо, 2001. 516 с.
11. Королев В.Н. Босфорская война. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 704 с.
12. Родионов И.А. Тихий Дон. Краткий очерк истории донского казачества. СПб.: Типолит. т-ва «Свет», 1913 (обл. 1914). 224 с.
13. Служба донских казаков XVII век: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В.А. Гусев. Волгоград, 2015. Вып. 5. 312 с.
14. Донские дела. Книга первая. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1898. 1006 (34) с.
15. Донские дела. Книга вторая. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1906. 1110 (64) с.
16. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ТОО «Мишель и Ко», 1993. 512 с.
17. Никитин Н.И. О взаимоотношениях вольного казачества с Российским государством в XVI – начале XVIII века // Казачество на страже отечества. Сборник научных статей по истории русского казачества. М.: Снежный ком, 2023. С. 22–46.
18. Пушкарев С.Г. Донское казачество и Московское государство в XVII веке // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 105–119.

REFERENCES

1. Gumilev L., Panchenko A. 1990. *Chtoby svecha ne pogasla. Dialog* [To prevent the candle from going out. Dialogue]. Leningrad, Sovetsky Pisatel. 126 p.
2. *Istoriya lejb-gvardii kazach'ego Ego Velichestva polka. 1775–1813–1875–1913* [History of the Life Guards of His Majesty's Cossack Regiment. 1775–1813–1875–1913. Part one. Compiled by B.R. Khreschatytsky. St. Petersburg, Partnership of R. Golike and A. Vilborg, 1913. 408 p.
3. Skrynnikov R.G. 2022. *Ivan Groznyj: podrobnaya biografiya* [Ivan the Terrible: a detailed biography]. Moscow, Rodina. 448 p.
4. Valishevsky K. 1989. *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Reprint of the 1912 edition. Moscow, IKPA. 420 p.
5. Solovyov S.M. 1990. *Sochineniya* [Essays]. In 18 books. Vol. 9–10. Moscow, Mysl. 720 p.
6. Mininkov N.A. 1998. *Donskoe kazachestvo v ehpokhu pozdnego Srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-on-Don, Publishing House of Rostov State University. 512 p.
7. Savelyev E.P. 1990. *Istoriya kazachestva s drevnejshikh времен do konca XVIII veka* [The history of the Cossacks from ancient times to the end of the XVIII century]. Historical research in 3 parts. Reprint reproduction of editions from 1915–1918. Rostov-on-Don. 443 p.
8. Mininkov N.A., Sen D.V. 2023. Classification of Cossack Communities (Armies): Scientific and Methodological Support for Educational Material. *Kazachestvo na sluzhbe Otechestvu* [Cossacks in the Service of the Fatherland: Proceedings of the Annual International Strategic Session]. Rostov-on-Don; Taganrog, Southern Federal University Publishing House. P. 120–138.
9. Venkov A.V. 2017. *Azovskoe sidenie. Geroicheskaya oborona Azova v 1637–1642 gg.* [Azov Sitting. The Heroic Defense of Azov in 1637–1642]. Moscow, Veche. 336 p.

10. Sukhorukov V.D. 2001. *Istoricheskoe opisaniye Zemli Vojska Donskogo* [Historical description of the Land of the Don Army]. Rostov-on-Don, Publishing house "GinGo". 516 p.
11. Korolev V.N. 2002. *Bosforskaya vojna* [The Bosphorus War]. Rostov-on-Don, Rostov University Publishing house. 704 p.
12. Rodionov I.A. 1913. *Tihij Don. Kratkij ocherk istorii donskogo kazachestva* [The Quiet Don. A brief outline of the history of the Don Cossacks]. St. Petersburg, Tipolit. Tovarishchestvo "Svet", (obl. 1914). 224 p.
13. Gusev V.A. (compiled by). 2015. *Sluzhba donskih kazakov XVII vek: materialy po istorii i genealogii kazachestva* [Service of the Don Cossacks in the 17th Century: Materials on the History and Genealogy of the Cossacks]. Volgograd. Issue 5. 312 p.
14. *Donskie dela* [Don Affairs]. Book One. St. Petersburg, Printing House of the Main Department of Estates 1898. 1006 (34) p.
15. *Donskie dela* [Don Affairs]. Book Two. St. Petersburg, Printing House of the Main Department of Estates 1906. 1110 (64) p.
16. Gumilev L.N. 1993. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Moscow, Michelle and Co. 512 p.
17. Nikitin N.I. 2023. *On the Relations of the Free Cossacks with the Russian State in the 16th – Early 18th Centuries. Kazachestvo na strazhe otechestva* [Cossacks on Guard of the Fatherland]. Collection of Scientific Articles on the History of the Russian Cossacks. Moscow, Snezhny Kom. P. 22–46.
18. Pushkarev S.G. 1994. The Don Cossacks and the Muscovite State in the 17th Century. *Voprosy istorii* [Voprosy istorii]. No. 11. P. 105–119.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕНКОВ Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

VENKOV Andrey Vadimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: andrey_venk@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4455-2822

© А.В. Венков, 2025.

*Дата поступления в редакцию: 25.06.2025.
Дата принятия статьи: 23.07.2025.*

УДК 39 + 930.85

ВОИНСКИЙ ТИП РЕЛИГИОЗНОСТИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА: ОПЫТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭССЕ¹

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
(Новочеркасск, Россия)

© 2025 г. А.В. Шадрина

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. Статья посвящена обоснованию понятия «воинский тип религиозности» применительно к повседневности донского казачества, обусловленной преобладающим характером его боевой жизнедеятельности. Среди генерализующих архетипов донской казацкой культуры свое принципиальное место занимает вера, которая подразумевает религиозную веру в Бога и в Иисуса Христа как Сына Божьего, а в соответствии с посланием св. ап. Павла к евреям, она есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. Обобщенный психологический портрет казака позволил выделить триаду осмысления веры в казацкой повседневности. Во-первых, когнитивная ступень, при которой религиозная вера выступает для большинства казаков в качестве рассудочной уверенности в существовании Бога, признание Всевышнего осознается лишь своим умом, как определенная средневековая экзистенция чего-то вне себя, принимается сам факт наличия Бога, но при таком восприятии кардинально не меняется внутренний мир казака. Во-вторых, фидуциарная ступень, когда казак в своем духовном росте непременно поддерживает морально-этические отношения человеческого доверия к Богу, а не просто рассудочно соглашается с фактом его существования. В-третьих, воцерковленная (третья и высшая) ступень духовного восхождения донского казака достигается им лишь тогда, когда религиозную веру он воспринимает как абсолютную верность и преданность Богу.

Традиционно воинский тип религиозности донского казачества подразумевал ограниченное количество ситуативных треб, когда частные богослужения совершались исключительно по мере надобности. Он по определению имеет социовитальный характер, и материальная сторона в религиозных традициях донцов интересовала зачастую гораздо больше, нежели чисто духовные потребности. Кроме того, воинский тип религиозности предполагал наличие у каждого казака определенного предмета религиозного культа (ладанки, мощевика, складни). Понимание воинского типа религиозности невозможно без апеллирования к другим важным элементам веры у казаков, носящим одновременно духовный и материальный характер: к односумству, мужскому братству, заговору на заживление ран и т.д. Воинский тип религиозности донского казачества частично проявлялся в своеобразном казацком миссионерстве военизированного порядка, поскольку казаки считали себя ратничьими защитниками православного христианства в сложившейся культурно-исторической зоне конфессионального фронта.

Ключевые слова: воинский тип религиозности, донское казачество, заговоры, ладанки, мощевика, мужское братство, односумство, религиозный фронт, складни, социовитальный характер.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта 124012200178-4.

MILITARY TYPE OF RELIGIOUSNESS OF THE DON COSSACKS: ACADEMIC ESSAY EXPERIENCE

A.P. Skorik

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

A.V. Shadrina

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the concept of "military type of religiosity" in relation to the daily life of the Don Cossacks, due to the prevailing nature of their combat activities. Among the generalizing archetypes of the Don Cossack culture, faith occupies its fundamental place, which implies religious faith in God and in Jesus Christ as the Son of God, and in accordance with St. Paul's epistle to the Hebrews, it is the fulfillment of what is expected and confidence in the invisible. A generalized psychological portrait of a Cossack made it possible to identify a triad of understanding faith in Cossack everyday life. Firstly, the cognitive stage, when religious faith acts for the overwhelming majority of Cossacks as a rational confidence in the existence of God, and the recognition of the Almighty is obtained only with one's mind, as a certain medieval existence of living something outside of oneself, as a certain fact of the presence of God, and this does not fundamentally change the inner world of the Cossack. Secondly, the fiduciary stage, when a Cossack in his spiritual growth necessarily supports moral and ethical relations of human trust in God, and does not simply rationally agree with the fact of his existence. Thirdly, the church-going (third and highest) stage of spiritual ascent of a Don Cossack is achieved by him only when he perceives religious faith as absolute fidelity and devotion to God.

Traditionally, the military type of religiosity of the Don Cossacks implied a limited number of situational requirements, when private services were performed exclusively as needed. By definition, it has a socio-vital character, and the material side in the religious traditions of the Don Cossacks was often of much greater interest than purely spiritual needs. In addition, the military type of religiosity assumed that each Cossack had a certain object of religious worship (leather pouches for storing aromatic substances, mosheviki, folding icons). Understanding the military type of religiosity is impossible without appealing to other important elements of faith among the Cossacks, which are both spiritual and material in nature, to monogamy, male brotherhood, a conspiracy to heal wounds, etc. The military type of religiosity of the Don Cossacks was partially manifested in a unique Cossack missionary work of a militarized nature, since the Cossacks considered themselves warrior defenders of Orthodox Christianity in the established cultural and historical zone of the confessional frontier.

Keywords: military type of religiosity, Don Cossacks, folk health conspiracies, leather pouches for storing aromatic substances, mosheviki, male brotherhood, odnoshumstvo (men's collective, tradition), religious frontier, folding icons, socio-vital character.

Среди генерализующих архетипов донской казачьей культуры свое принципиальное место занимает **вера** и хотя это достаточно объемное понятие сугубо духовного порядка, но традиционно в общекультурном смысле и в прозаичном казачьем обиходе речь идет исключительно о религиозной вере, вере в Бога и в Иисуса Христа как Сына Божьего. Классическое толкование религиозной веры в этом смысловом теологическом дискурсе изучаемой нами казачьей повседневности мы обнаруживаем в библейских текстах, прежде всего в апостольском послании св. ап. Павла, получившем наименование «Послание к Евреям». Здесь вопрос заключается не в толковании богоизбранности иудеев, а в научном поиске и нахождении наиболее аутентичной интерпретации ключевого для нас понятия.

Вера же, если следовать постулатам апостольского послания св. ап. Павла, есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (в другом же переводе этого библейского текста вера – это твердая убежденность в том, на что мы надеемся,

и уверенность в реальности невидимого) (Евр. 11: 1). «Без веры угодить Богу невозможно» (Евр. 11: 6). Христианство есть «вера, действующая любовью» (Гал. 5: 6).

Тем не менее вера в широком и узком смысле этого многослойного феномена цивилизационного порядка **в понятийном отношении** буквально пронизывала все сферы жизнедеятельности донских казаков, прежде всего их многообразную воинскую обыденность на Тихом Дону и за его территориальными пределами, непременно находилась в самом центре станичного и хуторского повседневного пространства, глубоко охватывала и надежно накрывала своим духовным покровом всё местное казачье сообщество, являлась прочным фундаментом семейного казачьего уклада. Истинность коренных традиций донской старины (кстати, кадеты Донского императора Александра III казачьего кадетского корпуса сегодня живут и учатся, следуя казачьему девизу: «Верны заветам старины») независимо от фактического нарратива социальной реальности или какого-либо логического обоснования неизменно спланивала казачество Дона. Изначальное целеполагание всей совокупности войсковых торжеств на Дону, целостности престольных и годовых праздников для донского казачества, культурного ансамбля привычных донских казачьих обрядов было направлено на формирование православной мировоззренческой позиции и устойчивой психологической установки на безусловное принятие догматов христианства как связующего звена в жизненном круге донского казака-воина, на утверждение неукоснительной решимости в совершении общественного (мирного и/или боевого) и домашнего богослужения, на поддержание стойкой потребности посещать храм Божий, а главное – обязательно молиться в должной форме и в определенный час, соблюдать все положенные посты, неизменно чтить своих родителей и поминать далеких предков не только по православному календарю, но и позову души, бескорыстно помогать обездоленным и великодушно наделять милостыней крайне нуждающихся.

Народные пословицы донских казаков четко зафиксировали нормы обычного права одновременно в благоговейном и социовитальном отношении к Всевышнему: «Закон один для донца: чтить Бога, мать и отца», «Кабы не Бог, кто бы донцам помог?!» [1]. Естественно, в первую очередь, донские казаки надеялись на божественную помощь в их традиционном ратном деле, хотя при этом часто любили и любят в наши дни приговаривать: «На Бога надейся, да сам не плошай». Народный казачий фольклор подчеркивал принципиальную важность для служилого казака религиозной веры, категорическую неприемлемость безбожия и неизбежное положение социального аутсайдера для неверующего донского казака, и эти представления соответствуют казачьей пословице: «Казаку цена – грош, коли к Богу не вхож» [1]. Ничто не могло выступить никаким оправдательным обстоятельством для казака-безбожника: ни боевые заслуги, ни тяжелая жизненная ситуация, ни авторитет в родной станице или хуторе, ни грамотность на фоне непросвещенности казачьего сообщества. А потому донцы гутарили: «Учен казак, он знает много, но не обойтись ему без Бога». О неотвратимости личностной расплаты за допущенные человеческие грехи повествовала другая казачья пословица: «Бог не Микишка, как ударит, так и шишка» (в более жестком варианте пословицы вместо слова «шишка» употребляли – «крышка»). Как традиционно рассуждали донские казаки, ответственность за совершенные ими грехи, в том числе в ратных делах, неизбежно несли не только они сами лично, но страдали и их ближайшие родственники (родители, дети, братья, сестры и др.), хотя, может быть, кара насту-

пала совсем не сразу после самого неблагоприятного деяния: «Бог не скор, да меток, бьет и стариков, и малых деток». Казак даже после своей смерти, после трагической гибели в славном бою с противником, по устоявшемуся мнению донцов, всё равно будет держать ответ перед Богом за свои прижизненные поступки: «Сколько казаку не биться, а пред Богом явиться» [2, с. 252].

Высказываемые суждения о религиозной вере донского казачества не могут не учитывать квалитологический характер духовной веры казака, наличия/отсутствия у него глубинного религиозного чувства, искреннего православного верования в Бога, аксиологические аспекты веры в системе традиционных жизненных ценностей донского воина, поэтому, на наш взгляд, точнее будет говорить о религиозности донского казачества, чтобы выяснить реальную степень его коллективной и индивидуальной веры в Бога, а не довольствоваться декларациями о приверженности казачества православию (что сегодня в практике взаимодействия представителей Русской православной церкви и реестрового казачества наблюдается в избытке), не идеализировать образ верующего донского казака, не ограничиваться желаемыми представлениями о воцерковленной казачьей душе, о замечательном добровольном союзе между Богом и казаком-воином.

Таким образом, мы будем отстаивать авторскую позицию о **воинском типе религиозности донского казачества**, позволяющем проследить три ступени духовного восхождения донского казака, обусловленные превалирующим характером его боевой повседневности.

Во-первых, когнитивная ступень. Религиозная вера является для большинства казаков рассудочной уверенностью в существовании Бога, но такое признание Всевышнего лишь своим умом можно отнести к определенной средневековой экзистенции жития чего-то вне себя, воспринималось как некий факт наличия Бога, при этом кардинально не меняется внутренний мир казака, ибо само принятие бытования Бога далеко от глубинного понимания Божественного откровения. Исторически донской казак проявлял набожность, заметное усердие в религиозных делах и требах, старался посещать храм Божий, однако такая казачья набожность в некотором смысле поверхностна: вот казак помолился, вот он поставил заветную свечу перед святыми образами – и дело сделано. Казак справил необходимый молебен, он выполнил привычный обряд и считает свое дело веры завершенным. Как он потом будет соотносить такую веру со своими реальными поступками, будет ли он выстраивать свою повседневную жизнь по этой вере, вопрос остается открытым. Вот здесь и появляется тот самый исторический феномен воинского типа религиозности, бытование которого мы стремимся доказать. Существует ключевой момент бифуркации в постижении христианской добродетели, сопряженной с высшей степенью человеческого доверия молящегося казака к Богу как Благому и Мудрому Вседержителю с дальнейшей личной готовностью непременно следовать Его благой воле. Однако среди огромного пласта донских казачьих пословиц, отражающих глубинные архетипы казачьей культуры, можно встретить немало прямых социально-психологических установок на исключительное казачье осуждение слепой надежды на Всевышнего, на неприятие безоглядной веры и молитвы казака Богу: «Пока казак Богу молился, конь с копыт свалился», «Бог то Бог, да вот конь сдох», «Кто надеется на небо, тот и на Дону без хлеба», «Будешь только молиться Николе да Спасу, не будет в курене ни хлеба, ни квасу» [2, с. 253–254].

Во-вторых, фидуциарная ступень, на которой казак в своем духовном росте непременно поддерживает морально-этические отношения человеческого доверия к Богу, а не просто рассудочно соглашается с фактом его существования, причем в случае возникновения различных форс-мажорных обстоятельств, неожиданного появления скорбных жизненных ситуаций или естественного столкновения казака с повседневными трудностями, особенно в боевой обстановке, он обязательно вспомнит про Бога и станет усердно молиться, подразумевая, прежде всего, социальные экспектации на Божественное провидение. Находящийся в изначальном уязвимом жизненном положении, казак оправданно возлагает надежду на Бога, опирается на свою веру, рассчитывает на Его социовитальное и духовное попечительство, и такой казак уже старается соотносить свою жизнь с верой в Бога.

В морально-этические отношения доверия к Богу, подчеркнем, включено меньшинство донского казачества, ибо в таких отношениях чистая человеческая совесть имеет исключительное значение, чего по определению служивому казаку в воинской повседневности реализовать практически невозможно. Казак доверяет Богу самое сокровенное, хотя сам он не всегда бывает верен Богу, и при этом он традиционно оправдывает свои нередко вспыхивающие человеческие страсти чрезвычайной порочностью окружающих людей, чаще всего неказачьих, как правило евреев. Такой казак вполне искренне следует общепринятым нормам и правилам православной религиозной обыденности, но он полностью не избавлен от иллюзий и заблуждений (исторических в том числе), редко старается побеждать свои пороки, не всегда бывает готов сам чем-то существенным пожертвовать ради Бога. Увы, заветный христианский долг исповеди безукоризненно исполнялся и исполняется меньшинством донских казаков. Религиозные основы казачьего уклада жизни на Дону под влиянием модернизационных общественных изменений неизбежно разрушаются, что в качестве генерализующей тенденции регионального исторического процесса обозначилось во второй половине XIX в. и имело дальнейшие негативные последствия. Вместе с тем донские казачьи пословицы отражают исключительное доверие казаков к Богу (что является позитивной тенденцией): «Бог не без милости, казак не без счастья», «Не сохранит Господь града, не сохранит ни стража, ни ограда», «Никто не может, так Бог поможет», «Коротка молитва "Отче наш", да спасает», «Кто добро творит, того Бог благословит». И, конечно же, в этом фольклорном сонорно-ассоциативном ряду есть главная пословица донских казаков: «Слава Богу, что мы казаки», сопровождающая и завершающая практически все публичные мероприятия донского казачества.

В-третьих, воцерковленная (третья и высшая) ступень духовного восхождения донского казака достигается им лишь в тот момент, когда религиозную веру он воспринимает как абсолютную верность и преданность Богу, чего изначально ждет от него Спаситель: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин. 14: 15). Поэтому, если первая ступень духовного религиозного роста означала для казака признание неопровержимости факта существования Бога своим умом (когнитивный казачий опыт, или экзистенция), вторая ступень обеспечивалась исключительным личностным доверием казака к Богу своим сердцем (эмоциональная практика веры донского казачества, или традиция), то третья ступень уже заключалась в коллаборации своей воли казака-воина с волей Божьей и в готовности следовать благой воле Бога (самоограничение свободы для казака, или вера), в понимании, что Бог есть любовь. Только истинная вера может выражать любовь, поскольку

истинная любовь немыслима без верности, а отсюда следует приобщенность казака-воина к православной церкви, к обязательному соблюдению традиционных религиозных обрядов, но это вовсе не исключает глубокого внутреннего труда казака над собой (утверждения в преданности вере), к чему оказываются готовы лишь немногие представители казачества, чем обычно выделяются старообрядцы и без чего невозможно обретение евангельских добродетелей. Не у всякого служилого казака хватит свободного времени и жизненных возможностей для регулярного посещения церковных служб в храме Божьем, а коллективное молебствование в полевых условиях есть следование старинной казачьей традиции и прямое отражение социовитальных экспектаций донского казачества, а, значит, мы в таком случае вновь возвращаемся к воинскому типу религиозности казаков Дона. Из семи церковных таинств (крещения, миропомазания, евхаристии, исповеди, елеосвящения, священства, брака) в боевой повседневности невозможно обеспечить должное принятие святых Христовых таинств и даже некоторых из них для православных казаков в полном объеме, с личностным участием каждого верующего. Да, крещение, исповедь и елеосвящение могут быть доступны казаку в полевых условиях в ограниченном виде, как и выполнение церковных заповедей и обрядов.

Вот такая получается воцерковленность в социальной реальности военизированной казачьей общности и практика религиозного духовного восхождения, третьей ступени которого достигают немногие, в идеальном варианте – лишь монахи, другими словами, казаки, принявшие иноческий постриг после неизбежного отхода от мирских дел, естественного удаления в казачий монастырь после завершения славной боевой карьеры и в результате глубокого погружения в мир святой веры в Бога, а из нее вытекают все святые добродетели: молитва, любовь, покаяние, смирение, пост, кротость, милосердие и др. Естественно, верность Богу нашла свое культурантропологическое отражение в казачьих поговорках: «Не слушай, где куры кудахнут, а слушай, где Богу молятся!», «Не по нашему хотенью, а по Божью изволенью», «Не торопись, сперва Богу помолись!» «Что Богу не угодно, то и не годно», «Бог наставит и пастыря приставит» [1]. И как смысловой вывод принципиально звучит поговорка: «Казак без веры – не казак».

В результате социологического опроса, проведенного группой ростовских ученых в сентябре – октябре 2022 г. на актуальную тему «Социальный и психологический портрет современного российского казачества» в 13 войсковых казачьих обществах Государственного реестра казачьих обществ Российской Федерации, была установлена частота встречаемости ответов респондентов на вопрос о персонифицированных личностных качествах, «предпочтительных для меня лично», позволяющих идентифицировать себя с казаком/казачкой.

Анализ данного социологического среза **общественного мнения в казачьей среде на Дону** показал, что бо́льшая часть участников исследования в войсковом казачьем обществе «Все великое Войско Донское» среди личностных качеств выделяет религиозность (33,7 %) [3, с. 156]. Если следовать известной казачьей триаде при характеристике обобщенного психологического портрета казака: «Казакom нужно родиться, казакom нужно быть, казакom нужно стать». Утверждение «казакom нужно родиться» признает наследуемые и передаваемые из поколения в поколение личностные качества казачьей принадлежности. Высказывание «казакom нужно быть» акцентирует внимание на «личностных качествах взаимопомощи, отваги, преданности воинскому долгу, приверженности семейным ценностям,

религиозности (выделено нами. – *Авт.*), чувства собственного достоинства, коллективизма», а вот утверждение «казак должен стать» подразумевает сегодня значимую роль казачьего образования как фактора «сохранения, поддержания и приобретения качеств узнаваемой личности казака» [3, с. 156].

Обращаясь к исторической ретроспективе в применении обозначенной триады при характеристике обобщенного психологического портрета казака, мы подчеркиваем первостепенное значение боевого опыта, транслируемого в казачьем сообществе через налаженные социальные каналы коммуникации, но формирование должных личностных качеств казака невозможно без культурантропологического влияния церкви, этот мотив наблюдается в поговорке: «Казак без веры – не казак». Однако в современном войсковом казачьем обществе «Всеволокное Войско Донское» веру в Бога среди признаков, по которым современный человек относит себя к казакам, считает важной для себя характеристикой только лишь каждый третий донской казак (31,7 % опрошенных), согласно вышеназванному социологическому опросу, и это при самом позитивном сценарии в оценке ключевых индикаторов, и, увы, всего-навсего каждый десятый (9,5 % респондентов) при самом негативном сценарии в оценке индикаторов казачьей идентичности [3, с. 157, 159]. В общем, справедливо высказывание: «Православный – не тот, кто больше всех читает молитвы, чаще других ходит в храм, громче всех об этом рассказывает, а тот, у кого дети православные». Это примечательная метафора является символом настоящей ответственности казаков-родителей за своих дражайших чад. Тогда православные традиции не будут угасать и никогда не прервутся в казачьих станицах и хуторах на Дону.

Традиционно **воинский тип религиозности** донского казачества **подразумевал**, во-первых, ограниченное количество ситуативных треб, когда частные богослужения совершались исключительно по мере надобности, например, исповедь умирающих и отпевание казаков, не предполагавшие наличия специальной богослужебной утвари; во-вторых, торжественное принесение групповых обетов (далеко не всегда казаками соблюдавшихся) и чтение коллективных молитв в связи с критическими событиями в казачьей повседневности, например отправлением в поход за зипунами, тяжелой войной с соседями-неприятелями, вспышкой эпидемии и другими форс-мажорными обстоятельными; в-третьих, использование различных оберегов и религиозных символов: ладанок, «Живых помочей», складней, которые казаки носили на груди; в-четвертых, произнесение казаками молитв, тексты которых несколько отклоняются от канонических, но с обращением к Богу в целях реализации актуальной повседневной потребности. Вот как выглядела молитва Богу о помощи (в интерпретации известного казачьего поэта Я.С. Мишковского), искренне и убедительно произносимая «запорізьким кошовим Харко»:

Зжалься, доле, надо мною,
Над козацькой головою,
Зжалься, вкажи сѣбѣ!
Прылыны до мѣнѣ з нѣба,
Дай, чого тѣпѣра трѣба,
Щоб я пам'ятав тѣбѣ! [4, с. 287].

В этой молитве отчетливо выражено казачье понимание веры как одного из главных феноменов жизни казака, где соединяется молитва-просьба, образ Бога,

вера в его невероятную силу и возможности, и всё это обретает признание в случае удовлетворения определенного материального интереса. Таким образом, образуется эпистемологическая сфера, когда данный тип религиозности может быть интерпретирован в рамках виталистской концепции, когда известная формула «казак без веры – не казак» приобретает несколько иной смысл.

Воинский тип религиозности донских казаков по определению **имеет социо-витальный характер**, и материальная сторона в религиозных традициях донцов интересовала зачастую гораздо больше, нежели чисто духовные потребности, о чем свидетельствует существование «казацких» своекоштных мужских монастырей (что является проблемой отдельного исследования). При этом в казачьей среде заметна тенденция принятия церковных усилий по богослужению как некоей обязательной официальной программы, которую необходимо выполнить и соблюсти безусловные для исполнения религиозные практики, и в итоге мы наблюдаем показную религиозность, в частности на примере большого количества массовых проказацких мероприятий в настоящее время (казацких кругов, конференций, фестивалей и др.). Такая «официальная» религиозность не означает полного отказа от веры православной как таковой, но, подчеркнем еще раз, она была в прошлом и существует в современной казачьей среде. Таким образом, крайним негативным проявлением в обозначенном типе религиозности можно назвать показную набожность, противоположностью которой является безверие.

Между тем воинский тип религиозности донского казачества характеризуется устойчивым библейским выражением «за други своя», которое часто встречается в интерпретационных теологических текстах, но в Писании фиксируется лишь один раз, а именно в 15-й главе Евангелия от Иоанна при передаче христианам апостолом изречения Иисуса Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13). В полном варианте Христова заповедь при сохранении базисной идеи краткой версии имеет больше смысловых перспектив и звучит следующим образом: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. **Нет больше той любви**, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15: 12–15). Итак, евангельская фраза «Нет больше той любви...» однозначно утверждает, что самопожертвование есть высшая добродетель для верующего. В Евангелии заповедь Христа говорит об истинной любви, об уподоблении Богу через самопожертвование.

В интерпретационном толковании заповеди Христовой на современный лад при субстантивном анализе воинского типа религиозности донского казачества, на наш взгляд, речь идет о таких генерализующих ценностях казачьей культуры как коллективизм и братство, которыми донские казаки издревле дорожили, тщательно берегли их в своем сообществе, целенаправленно воспитывали в молодых поколениях и неизменно передавали потомкам. Максима «Сам погибай, а товарища выручай» прочно вошла в воинскую повседневность донского казачества, и она крайне редко нарушалась в казачьей среде, ибо без ее духовного признания и неизменной реализации в боевой обстановке казак просто переставал быть казаком.

На Дону этот императив казачьей воинской культуры исторически оформился в казачью **традицию односумства**, которая, согласно сохранившемуся народному

преданию, появилась в стародавние времена, когда у донских казаков сложился обычай проживать вместе небольшими мужскими коллективами (братствами), примерно по 10–20 человек в одном курене (жилище, коше, зимовнике и пр.), дружно вести совместное хозяйство с неразделенным получением натуральных продуктов и материально-финансовых доходов, свято исполнять заповеди Христовы, как говорили казаки: «Держись веры предков, поступай по обычаям своего народа». Условия военизированного образа жизни казаков требовали с молодости постоянной отлучки из дома, пребывания в частых военных походах. «Казака, – свидетельствует народная песня, – воспитала и взлелеяла не семья, не мать, а кормилец Дон Иванович, да чуждадельная сторона». Символом традиции односумства, как правомерно подчеркивает в своей докторской диссертации М.А. Рыблова, являлась «общая сума или котел, в котором варилась "общая каша". В свою очередь, сума или котел выступали в качестве символа коллективной доли казачьего сообщества» [5, с. 32].

Таким образом, модель хозяйственного поведения мирного времени переносилась казаками также на военную повседневность, и донцы оставались неразлучными друзьями в военных походах, постоянно поддерживали друг друга в кровопролитных сражениях с противником и вместе делили полученную военную добычу (дуван дуванили) на дуванной поляне, в качестве которой долгое время служила равнинная часть Монастырского урочища (в районе современной станицы Старочеркасской Аксайского района Ростовской области), а также соборно служили молебны до похода за зипунами и при возвращении из него. В итоге длительное совместное проживание, общие многомесячные походы за зипунами, военная тактика коллективного боя с противником, допускающая индивидуальное воинское мастерство, братское разделение военной добычи породили понятие «односумы», когда существовал единый источник жизненного благополучия (одна сума, которую пополняли всем сообществом), и, соответственно, казаки-односумы заложили на Дону казачью традицию односумства. Односумы практически с мгновенной готовностью спешили прийти на помощь друг другу в совершенно любой ситуации и с абсолютной уверенностью знали, что всегда могут положиться на своего односума так же, как на самого себя. Донской обычай односумства проявлялся едва ли не в родственных отношениях в воинском коллективе между казаками, и эти сверхдружеские отношения односумов в боевой обстановке неизбежно переносились на казачьи семьи, на казачий быт и неизменно поддерживались в мирной повседневности.

Казаки из одной станицы (хутора), как правило, по сложившейся традиции попадали служить в один казачий полк Войска Донского, и это еще больше сближало их в воинской повседневности. Они хранили разные предметы своего нехитрого обихода в общей обозной повозке или в одной суме, а потому и называли друг друга, как в старину, «односумами», и так же, как их далекие предки, делили друг с другом радости и горести походной военной жизни, совершали коллективные полковые молебны по должным поводам. Оставшиеся дома в донских станицах и хуторах жены обычно сами устанавливали тесные контакты между собой, и эти дружеские межличностные связи помогали пережить казачкам сложные времена отсутствия мужей в родном курене. Жен донских казаков-односумов также нередко в повседневном обиходе называли «односумками» или «полчанками». На станичном базаре часто можно было услышать во время житейского спора такие неопровержимые женские аргументы: «Да ты мне не родня! А вот она мне – полчанка, надо уважить ее!» В донских станицах Черкасского округа Области Войска Донского, по сложившейся во

второй половине XIX в. народной традиции (о чем писал М.Н. Харузин [6, с. 85–86]), казачки очень часто в случае длительной задержки в получении писем от мужей во время их военной службы собирались вместе по 3–4 подруги (односумки) и писали мужьям письма, затем несли их в Новочеркасск для опускания в почтовый ящик, потом уже 3–4 недели ждали вместе ответа. Кроме того, если старинное односумство, а позже станичное казачье общество вступалось за оговоренного, то никто не имел права наказать этого казака. С учетом того естественного обстоятельства, что через одни и те же казачьи воинские подразделения проходило несколько поколений казаков за многочисленные годы военной службы, неизбежно значительная часть населения донских станиц и хуторов могла породниться через традицию односумства, а это, в свою очередь, сплачивало станичное казачье сообщество при выполнении обязанностей военной службы и в решении насущных проблем культурно-хозяйственной повседневности.

Одной из внешних черт односумства, отчетливо различимых на старинных казачьих фотографиях, является то, как как донские казаки-односумы располагались во время фотосъемки. Они вместе съели на военной службе не один «пуд соли», прошли бок о бок через кровопролитные сражения, бесконечно доверяли друг другу в бою и были неразлучными друзьями в мирной жизни. Поэтому на общих фотографиях видно, как казаки тесно стоят рядом, положив руку на плечо впереди сидящих товарищей, а еще они по привычке просовывали ладонь под погон своим односумам. Для казаков старого времени это считалось явным символическим знаком особой воинской дружбы, крепкого боевого братства, прочной спайки сослуживцев в походной полевой жизни.

Таким образом, антропологизм авторских интенций в трактовке традиции односумства (как одного из базовых культурных акторов) донского казачества позволяет нам **позиционировать казака** в реконструируемой исторической реальности **в качестве *homo duplex***, двойственного по своей сущности (ситуативно реализующейся при разных жизненных обстоятельствах) и характеризующегося как индивидуальными, так и общественными проявлениями, где вторая ипостась более важна, читается в односумстве явственнее и выступает как принципиальная индикация для мужского сообщества донских казаков. Вот эта двойственность и становится субстантивной характеристикой (идентификационным признаком) казачьего менталитета, в том числе путеводной социальной звездой для воинского типа религиозности донского казачества.

В анализе донской казачьей традиции односумства мы обнаруживаем тройственный **культурантропологический бриколаж** процессуального порядка, восходящего также к ранее процитированному нами библейскому тексту из Евангелие от Иоанна. **Во-первых**, речь идет о старинной донской казачьей максиме «С Дону выдачи нет!», ибо попавший на Дон и принятый казаками человек становится одним из них, и он уже не может быть рабом или иным социальным аутсайдером, он может быть только другом, которому казаки предлагают свой кров и пищу, передают казачьи предания, и кем бы ни был этот человек раньше по происхождению, он теперь является вольным донским казаком. **Во-вторых**, традиция односумства находится в одном сонорно-ассоциативном ряду с традицией куначества, ибо донские казаки воспринимали кунака в тех же социокультурных параметрах, что и односума, хотя, естественно, изначальное происхождение кунака имело иной социальный лифт для казачьего сообщества. **В-третьих**, цели

и задачи государственной воинской службы казаков войскового казачьего общества, Всевеликого Войска Донского, на наш взгляд, требуют возродить исторический принцип постаничного формирования казачьих воинских частей молодежью с казачьих территорий в рамках традиции односумства, а также комплектование офицерского состава казаками, знающими казачьи воинские традиции и казачью историю, причем такой многолетний социальный опыт уже накоплен в Платовской сотне ЮРГПУ (НПИ) имени М.И. Платова.

Воинский тип религиозности донского казачества обусловлен сакральным отношением донцов к исторической территории их расселения в Восточной Европе, и эти обширные земли Подонья – Приазовья (в российской истории их также называют Диким полем), расположенные в умеренном климатическом поясе, в зоне рискованного земледелия и в бассейне одной значимой реки Дон, казаки считали назначенными для них Богом, изначально присужденными Всевышним им в вечное владение, отсюда происходит локально-историческое **понятие «Казачий Присуд»**, здесь коренятся истоки благоговейного отношения донских казаков к своей малой Родине, когда со всей суровостью закаленных воинов они говорили: «Присуд казачий не дом свинячий», «Один Присуд, одна вера, одна кровь!», а казакманы до сих пор подчеркивают: «Одна вера, одна земля, одна история, один народ!», «За Присуд, за волю, за народ!». Можно по-разному относиться к вышеизложенным высказываниям донских казаков, но очевидно одно: донцы всегда были готовы защищать с оружием в руках историческую территорию своего расселения, свой Богом данный Казачий Присуд, свою историческую дорогу в прошлое, свое место в настоящем и свой путь в будущее с именем Всевышнего на устах.

Проведенный М.А. Рыбловой анализ исторических и историографических источников, «содержащих трактовку понятия "казакования", показал, что "казачьи земли" определяются в них как зона "Казачьего Присуда", а "казакование" как право избирать должностных лиц и чинить расправу согласно казачьему обычаю». Это позволило Марине Александровне в своей докторской диссертации «вычленив некий каркас, служащий основанием для формирующихся в Диком поле казачьих сообществ. Очевидно, что сами казаки признавали структурообразующими такие понятия, как «своя власть», «свой суд», право избирать тех, кто будет тебя ограничивать и наказывать в случае несоответствия казачьей «обычности» [5, с. 35–36]. В этой связи у казаков есть второе значение понятия «казачий присуд» (которое прописывают строчными буквами в начале слова) как свод норм обычного войскового права, «важнейшей особенностью которого было то, что члены донских обществ не включались в зону действия общероссийской юрисдикции: даже если кто-то из казаков совершал преступление, находясь в Москве, «суд и расправу» над ним, как правило чинило войско. На всех без исключения членов казачьего братства распространялся принцип «С Дону выдачи нет!» [7, с. 27]. Отсюда следует первичность «казакования» (стремления быть казаком во всех его ипостасях) по отношению к религиозности воинского типа, носящей для донского казачества субстантивный характер.

Донцы столетиями бились с многочисленными противниками за свой Казачий Присуд, где они сохраняли казачью волю, казачью демократию, реализовывали право на свободную хозяйственную деятельность и очень бережно относились к своей земле, поэтому зачастую развертываемая властями и предпринимателями промышленно-индустриальная деятельность на Дону в прошлом вызывала и

в настоящее время вызывает эмоциональное возмущение казаков («Ня дадим ухламить Присуд! Забароним земь пращюрафф заради чад!»). Можно вспомнить историю строительства Грушевско-Донской железной дороги в начале 1860-х гг. с протестами казаков Новочеркасска и серию акций в начале 2010-х гг. защитников природы, местных жителей и казаков против разработки медно-никелевых Еланского и Ёлкинского месторождений в бассейне реки Хопёр, в районе города Новохопёрск Воронежской области.

Кроме того, нужно иметь в виду, что высказываемые ныне в публичном пространстве суждения о Казачьем Присуде нередко очень близки к смысловой грани казачьего национализма. Его приверженцы ежегодно в наши времена даже отмечают дату 17 мая как день защитника Присуда, поскольку 17 мая (4 мая по старому стилю) 1918 г. бывший атаман Всевеликого Войска Донского, казачий генерал П.Н. Краснов (ныне согласно действующему российскому законодательству являющийся военным преступником как коллаборационист, присягнувший фашистской Германии и не подлежащий никакой реабилитации) подписал приказ Всевеликому Войску Донскому № 1 и объявил при этом «Основные законы Всевеликого Войска Донского» как суверенного казачьего государственного образования, независимого от России.

Территория Казачьего Присуда исторически получила для донских казаков три генерализующие взаимосвязанные характеристики: природно-географическую, нормативно-правовую, политико-административную. **Во-первых**, если рассматривать Казачий Присуд в природно-географическом отношении, то речь идет не только о традиционном степном и лесостепном бассейне (казачьей) реки Дон, но и обо всех других местах, населенных и защищаемых донскими казаками. **Во-вторых**, в юридическом отношении Казачий Присуд представляет собой установленную административным образом область, на которую в историческом прошлом распространялось действие норм казачьего обычного войскового права во времени, в пространстве и по кругу лиц и определялись территориальные пределы юрисдикции казачьего войскового суда. **В-третьих**, в политико-административном отношении это подведомовая территория, где главенствовала верховная власть казачьих кругов и исполнительная власть атаманов, а ныне в административно-территориальном плане эта территория охватывает пять субъектов Российской Федерации: Ростовскую область, Волгоградскую область, Луганскую Народную Республику, Донецкую Народную Республику, а также частично север Краснодарского края, южные районы Воронежской области и юго-запад Республики Калмыкии.

Воинский тип религиозности у донских казаков сформировался в результате отсутствия у них ежедневной возможности посещения христианских храмов и сопровождения повседневных потребностей священниками, а также постоянного совершения убийств либо ради наживы, либо ради спасения собственной жизни. Такой тип религиозности отличался ярко выраженным социовитальным характером («У донцов осётр почитаем как святой Пётр»), в соответствии с которым казак обращался к Богу в чрезвычайных ситуациях, когда его жизнь находилась в непосредственной опасности. При этом после того, как опасность миновала, он вновь возвращался к прежнему образу жизни.

Принимаемые в чрезвычайных ситуациях казачьим кругом **коллективные обеты** исторически являлись достаточно распространенной формой покаяния у казачества, когда донцы публично акцентировали внимание на серьезном осозна-

нии своих совершенных грехов, выражали глубокую печаль и скорбь, исходящие от уязвления совести, искренне переживали отступление от Божьих заповедей, высказывали желание скорейшего очищения от грехов, жажду преобразования их неправедной жизни, уповали душевными надеждами на Господа, признавали экзистенциальную вину казачьего сообщества, обращались с молитвенными просьбами к Богу о прощении и принимали решение на круге об отказе от совершения грехов, заявляли о своей любви и стремлении к Богу. Казаки говорили при этом о радикальном пересмотре своих жизненных взглядов и сложившейся системы коллективных ценностей. Согласно нередко принимаемым обетам, донские казаки периодически группами отправлялись на богомолье в казачьи монастыри (Чернеев Никольский мужской монастырь, Борщевский Свято-Троицкий мужской монастырь и др.), а также многократно посещали более отдаленные обители (например, Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, или в просторечии Соловки), где они старательно отмаливали грехи, после чего, как мы подчеркивали, донцы вновь возвращались к привычному образу жизни.

Кроме того, воинский тип религиозности предполагал наличие у каждого казака определенного предмета религиозного культа, который греет душу и радует сердце, подобно тому, как в наши дни мы наблюдаем такие предметы в среде активных российских участников специальной военной операции на Украине. Понимание воинского типа религиозности невозможно без апеллирования к другим важным элементам веры у казаков, носящим одновременно духовный и материальный характер, к односумству, мужскому братству, заговору на заживление ран, и т.д. [8, с. 66].

Из повседневных личных предметов религиозного культа у донских казаков большое распространение получили **ладанки** – это личные вещицы в виде кожаного мешочка для нательного ношения с помещенной внутри частицей ладана (благовонного вещества из затвердевшей смолы деревьев с добавлением в нее ароматических эфирных масел и натуральных трав). Ладан обычно применяют для совершения богослужебных обрядов, поскольку у него есть важное естественное качество, ведь при сгорании он выделяет благовонный дым, называемый фимиамом, символизирующим трепетные молитвы верующих, также легко возносящиеся в Небеса, как фимиам. Обычно ладанку на кожаном шнурке казаки носили на шее вместе с нательным православным крестом, чаще скрытно под одеждой, чтобы не выставлять священный предмет на всеобщее обозрение. Несколько реже у донцов встречались ладанки-мощевиками (или их просто называли мощевиками) в виде небольших ковчегцев (миниатюрных ларцов) с помещенными в них частичками мощей известных святых. Такие ладанки-мощевики могла позволить себе свободно носить в повседневности казачья старшина, ибо оказывалось довольно сложно приобрести этот священный предмет по богослужебным и материально-финансовым обстоятельствам. В отдельные ладанки казачки аккуратно зашивали горсть родной земли, и такой кожаный мешочек на шнурке мать лично вешала на шею сыну или жена мужу при отправке на военную службу. Кроме того, в ладанки помещали специальные присыпки для заживления ран, секрет изготовления которых надежно хранили в казачьих семьях.

Ценный мощевик 4 июля 1849 г. войсковой наказной атаман Войска Донского, генерал-лейтенант М.Г. Хомутов пожертвовал Старочеркасскому Воскресенскому войсковому собору. Это «высокой чеканной работы серебряный осьмиконечный

украшенный пятью эмальными иконами и стоящий до 400 руб. ассигнациями крест для вложения внутрь онаго древняго, сооруженнаго в 1676 году Атаманом Яковлевым, где между прочими мощами почивают и мощи преподобного Михаила» [9, с. 119]. Здесь налицо стремление войскового наказного атамана М.Г. Хомутова сохранить старинную казачью православную реликвию, оставить память о себе, связав свой дар церкви с именем византийского подвижника X в. преподобного Михаила Малеина и отметить дорогим подарком свою первую годовщину пребывания в должности войскового наказного атамана Войска Донского с 3 июля 1848 г. Так внутри подарка войскового наказного атамана М.Г. Хомутова оказался другой подарок, поскольку в пожертвованном кресте находился крест с мощами, который носил на «персях своих» во время военных походов войсковой атаман Корней Яковлев, подаренный, в свою очередь, ему Александрийским иеромонахом, возвращавшимся домой из Лубенского монастыря¹ через донские земли в Александрию [10, с. 145]. Внутри же подаренного донскому атаману Корнею Яковлеву небольшого четырехконечного сребропозлащенного креста помещались частицы мощей большой группы святых, особо почитаемых Русской церкви: святого Пророка и Крестителя Господня Иоанна Предтечи, святителя Иоанна Златоуста, святого Василия Великого, святителя Иоанна V Милостивого (патриарха Александрийского), святого равноапостольного царя Константина, преподобного Пимена Великого, преподобномученика Анастасия Перского (Персиянина), святого великомученика Меркурия Кесарийского, святого апостола первомученика и архидиакона Стефана, святителя и чудотворца Спиридона Тримифунтского, святого бессребреника Космы Аравийского (Киликийского), священномученика Афиногена, преподобного Ефрема Сирина, византийского подвижника, преподобного Михаила Малеина, святого бессребреника Кира Александрийского, священномученика Анфима Никомидийского, святого архимандрита Кумпеноса, преподобного Александра Свирского-чудотворца, праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, святителя Николая Чудотворца и преподобномученицы Феодосии Константинопольской. На этом кресте с многочисленными мощами святых имелась именная надпись: «Крест сей Войскового Атамана Корнилия Яковлева, сделан 184 года декабря в 1-й день, т.е. 7184 год (1676)» [11, с. 136]. Частицы мощей, перечисленных 21 значимых святых для Русской церкви, несут в себе целую совокупность знаковых систем, воспроизводимых в общении, прежде всего, между православными людьми, и особых верований в значение знаков, а это дает возможность для нас интерпретации культуры казачества, «во-первых, как многоуровневого образования (вербальных, визуальных и пр. знаковых систем и их комбинаций), во-вторых, как объединения или пересечения знаковых множеств. Каждая культурная общность обладает спецификой знакового множества, отличающей ее от других культурных образований, но в то же время семейство множеств и семейство семейств знаковых множеств объединены хотя бы одной, общей для всех, системой знаков, что позволяет рассматривать их как единое образование» [12, с. 153].

В качестве предметов религиозного культа у донских казаков выступали **«Живые помочи»** – это переписанный от руки 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго», нередко вшивавшийся в одежду казака. Судя по всему, магической силой на-

¹ Мгарский (Лубенский) Спасо-Преображенский монастырь (ныне в Полтавской епархии Украинской православной церкви (Московский патриархат)) по преданию существовал в домонгольский период, но по доказанной дате, основан в 1619 г. игуменом Исаией Копинским на средства княгини Раины Вишневецкой.

делялись слова псалма: «Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его, долготою дний исполню его и явлю ему спасение Мое». Несмотря на то, что Церковь не трактовала этот псалом как надежную вещественную гарантию спасения от смерти, именно военная действительность сформировала у донцов потребность иметь с собой материальную вещь, наделенную особыми магическими свойствами. Молитвенные тексты, преимущественно переписанные от руки, как правило, складывались в ладанки, а они вместе со святым образком и горстью родной земли, что зашивали в полотняный (кожаный) мешочек, чаще всего вешались на шнурке на шею казака-воина. Вот такой получался тройной охранительный комплекс предметов для защиты от всех напастей казака в далеких от родных станиц и хуторов краях. Позднее уже печатные тексты молитв, прежде всего «Живые помочи» начали закладывать в шов рубахи, причем, даже в советские времена (и мы с такими фактами сталкивались лично) традиция отправлять молодого казака на воинскую службу с припрятанным сверточком «Живых помочей» по-прежнему бережно сохранялась в семейном быту, и она стала неотъемлемой частью военной казачьей повседневности, достаточно широко распространенной и в настоящее время, например у российских участников СВО.

К числу личных предметов религиозного культа у донских казаков-воинов принадлежали **складни** – особый тип образков. Они представляли собой небольшую складывающуюся конструкцию из нескольких миниатюрных медных икон, что обусловлено легкостью производства таких предметов из данного металла. Складни немного реже встречались в казачьей воинской повседневности, нежели ладанки, и в основном использовались трехстворчатые или двухстворчатые, реже четырех- или пятистворчатые священные вещи. Физический размер складня и боковых створок определялся величиной «средника», то есть центральной части иконы. Створки (здесь не имеется в виду двухсоставной складень) равнялись по ширине половине средника и тем самым закрывались встык вовнутрь, для чего иногда на складне использовался еще и затворный замок. Изначально складни изготавливались только для нагрудного ношения, но затем стали появляться складни большего формата, в частности для использования в качестве походного (а нередко и домашнего) иконостаса. Таким образом, существовали личные нательные (как правило, наперсные, или нагрудные) и богослужебные ставные (поставные, киотные) складни. Складни казаки носили на груди вместо нательного креста, одевали на пальцы рук в виде перстня или фиксировали на запястье в качестве браслета, либо просто укладывали священную памятную вещь в карман личной одежды или же размещали отдельно в суме. Казаками также использовались специальные «путные» складни для совершения молитвы в дороге, встречались у донцов складни домашние, размещавшиеся в красном углу куреня и складни больших размеров, называемые «походными», которые часто применялись в крестных ходах и прочих религиозных процессиях. По свидетельству архиерея Павла Алеппского, побывавшего в России в XVII в., складни имелись у каждого ратника (русского воина) [13, с. 136].

Иконография складней весьма и весьма богата, однако чаще всего встречаются образцы с изображением Господа Иисуса Христа в среднике и на боковых створках ликов святых, Богородицы и ангелов. Иногда иконография складней посвящалась конкретным событиям из Священного Писания. Соответственно, выбор складня для ношения и молитвы зависел от духовно-религиозных предпочтений верующего казака и казачьего сообщества.

Воинский тип религиозности донского казачества частично проявлялся в своеобразном казачьем миссионерстве военизированного порядка, поскольку казаки считали себя ратничьими защитниками православного христианства **в сложившейся культурно-исторической зоне конфессионального фронта**, или, как гутарили донцы: «Спаси нас Боже от Папы Римского да от хана Крымского», «От беса – крестом, от врага – пестом», а в более жестком варианте: «Или крест надень, или штаны сними». При этом они официально не являлись специальными представителями православной церкви, не готовились целевым образом для осуществления миссионерской деятельности и не направлялись для ведения религиозной пропаганды среди населения сопредельных территорий, не занимались христианизацией инаковерующих и целенаправленным воцерковлением отдельных заблудших душ бывших православных. В заявлении Синодального комитета Русской православной церкви по взаимодействию с казачеством от 27 декабря 2011 г. подчеркивается: «Казаки исторически являются носителями и защитниками традиционных для русского государствообразующего народа ценностей служения государству и исповедания православия» [14].

Немало христианских образов мы видим в ранних казачьих песнях-думках, например: «Гей, казаки вы, диты-друзи! // Прошу вас, добре выдбайте, от сна вставайте. // Святыи Отче наш читайте, // Веры своей христианской в поругу не давайте!» Донские казаки с конца XVI в. как заметная военная сила в Черноморско-Каспийском макрорегионе и на Кавказе могли вполне результативно постоять за поруганные православные святыни и людей православного вероисповедания в борьбе с татарами, ногайцами, турками и другими историческими противниками (называемыми в просторечии обобщенно «басурманами»), для которых важным способом жизнеобеспечения считались сбыт награбленного при набегах многообразного имущества и торговля захваченными пленными. Одним из самых известных исторических сюжетов защиты донскими и запорожскими казаками православного мира выступает Азовское осадное сидение 1637–1642 гг. В отписке от 3 декабря 1637 г. о взятии крепости Азов, среди главных причин своих боевых действий донские казаки называли глумление турок над православной верой и разорение церквей [15]. Помимо геополитических, военно-стратегических и патриотических аспектов этого исторического события, надо иметь в виду разгром казаками в Азове одного из крупнейших и известных на Востоке невольничьих рынков, где на свободную продажу за два столетия турецкого владычества свободно выставались тысячи православных пленников. Отсюда в различные азиатские города и в Османскую империю вывозились физически крепкие русские «рабы», мужчины и женщины, захватывавшиеся крымскими татарами и другими кочевниками во время набегов на окраинные русские города и селения. В рабы обращались также пленные донские и запорожские казаки, схваченные завоевателями во время удачных для них стычек. Только лишь в первой половине XVII в., по разным оценкам, в рабство на Восток продали в Крыму и Азове около 150–200 тыс. русских. Отбить православных пленников для казаков считалось настоящей воинской удачей.

Отражением воинского типа религиозности донского казачества и одним из символов его независимости являлись **относительно автономный порядок богослужения** и долгое отсутствие на Дону постоянных храмов Божьих. Существование учрежденной в XIII в. Сарской и Подонской епархии, в которую формально вошли земли Дикого поля, начавшие осваиваться казаками в XVI в., никоим образом

не влияло ни на религиозные воззрения представителей донской вольницы, ни на строительство на их земле храмов, ни на появление духовенства. Город-крепость Азак населяли разные народы, и когда в 1389 г. здесь проезжал в направлении по пути в Константинополь митрополит Пимен, то его встретила «Русь, живущая тамо» [16, с. 90]. Греческая церковь во имя Иоанна Предтечи, предположительно построенная в 1471 г. в Азаке, была хорошо известна донским казакам. Этот храм прочно вошел в историю донского казачества в связи с захватом казаками Азова и их дальнейшей заботой об этой церкви [17, с. 2]. Первое упоминание о часовне на Нижнем Дону относится уже к существованию казачьего Монастырского городка [18].

Даже в середине XVII в., как писал В.А. Харламов, «приискать себе место» бежавшим на Дон вдовым священникам и «служить при их (казачьей) церкви» в донских степях оказывалось невозможно, поскольку церковная жизнь на Дону еще не оформилась и православные церкви отсутствовали [19, с. 36]. Бежав на Дон, священник изначально не мог надеяться на то, чтобы там продолжить, хотя и незаконно, священнослужение, то есть привычную для него социально-духовную деятельность. Скорее всего, до начала XVI в., во избежание монашеского пострига и в целях элементарного человеческого выживания, он присоединялся к казакам, к казачьим братствам, полностью разделяя их военно-походный образ жизни. Воронежский историк Л.Б. Вейнберг, отличавшийся достаточно радикальными воззрениями при характеристике казачьей вольницы, подчеркивал эту историческую тенденцию и писал: «Попы степной окраины во всё продолжение XVII в. ничуть не выделялись из среды народа и даже соперничали с ними в грабеже, разврате и пьянстве» [20, с. 16]. Упоминания о существовании на Дону вплоть до XVII в. «беглых попов», периодически привлекаемых казаками для совершения тех или иных ситуативных треб, нередко встречаются еще в дореволюционной историографии [21, с. 271; 22]. Одной из причин ухода духовенства на Дон, по мнению профессора Н.А. Мининкова (и с ним мы согласны), являлась торговля, но исторические источники, свидетельствующие о торговле священниками «вином, зельем и свинцом» датируются серединой XVII в. [23, с. 129].

Таким образом, на протяжении XV – первой половины XVI в. духовенство появлялось на Дону в процессе миграции населения, преимущественно из центральных районов Руси. Основной причиной миграции духовенства было вдовство священников, выступавшее основанием для запрещения священнослужения и необходимости принятия ими монашества. Поскольку на раннем этапе формирования казачьей вольницы отсутствовала потребность в священнослужителях и, соответственно, в наличии церквей, священники вынужденно ассимилировались с казачеством, полностью разделяя их повседневные занятия и военно-походный образ жизни. Однако это не исключает возможности обращения казаков к таким священникам за совершением треб, например исповеди и отпевания.

Важнейшим этапом организации церковной жизни донских казаков середины XVI в. стало основание Монастырского городка [24, с. 149; 16, с. 99], находившегося вблизи столичного Черкасска, а первое упоминание о нем датируется 1593 г. [25, с. 133]. На Дону вплоть до начала XVIII в. священников выбирали на казачьем кругу, когда царь Петр I решил отстранить войсковой круг от церковных дел и подчинил в 1718 г. донские приходы воронежским архиереям. Однако донские казаки еще долго под страхом наказания запрещали своим священникам слушаться распоряжений архиерея [2, с. 260].

Воинский тип религиозности донского казачества обуславливался особенностями религиозного мировоззрения донских казаков и их **отношением к повседневному пониманию догматов православной церкви**. Христианство провозглашало бессмертие души, говорило о ее бесконечной жизни, и принятая православная вера предупреждала о Страшном суде Господнем, о вечных муках, ожидающих не исправимых грешников. Вместе с тем, православие духовно возвещало не смерть, но воскресение из мертвых, поэтому в Символе веры подчеркивается: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь» [26, с. 35]. Эти заключительные слова Символа веры окружали изображение мертвой головы Адама со скрещенными под ней костями на черном знамени первоочередного 17-го Донского казачьего генерала Бакланова полка. 26 августа 1904 г. вечным шефом полка назначили генерала-лейтенанта Я.П. Бакланова, который командовал полком в начале 1850-х гг., и его имя присоединили к имени полка. Именно Бакланову принадлежит идея выбора формы, цвета и надписи на полковом знамени, овеянная легендой о получении командиром полка посылки с шелковым знаменем от русских монахинь, бережно ими вышитом. Ныне полк с таким же именем сражается в составе казачьей добровольческой бригады «Дон» в зоне СВО.

При анализе воинского типа религиозности донского казачества мы наблюдаем **два вектора воздействия** на содержательные смыслы этого понятия: с одной стороны, речь идет о влиянии военизированного образа жизни казаков на состояние и характер их религиозности, а с другой – явственно прослеживается внушение, исходящее от религиозной веры, что целенаправленно учила казака не бояться возможной смерти на войне и всецело уповать на Промысел Божий. В итоге побуждения от религиозной веры утверждалась социально-психологическая модель казачьего поведения в условиях военного конфликта: кто в душе боялся Бога, тот не боялся неприятеля на поле боя. Душой и телом преданный Промыслу Божию казак терпеливо переносил лишения и нелегкие испытания военно-полевой жизни, смело и спокойно шел навстречу опасности. Усвоение казаками базисных христианских заповедей – возлюбить ближнего своего, как самого себя, и положить душу за други своя – поднимало казаков на недостижимую ступень нравственной высоты [2, с. 267]. Донских казаков во время героической обороны Азова их атаман Осип Петров вдохновлял словами: «Вот храм Божий, защитим его – или умрем близ алтаря Господня: смертью за веру покупают небо» [14].

А вот **клятва станичного атамана** после прошедших его выборов: «На Христом Животворящем Кресте, на Священном Писании присягаю: служить верно, не щадя головы (жизни) и живота (имущества) своего. Беречь казачью честь, преумножать достояние станицы. Беречь казаков! Я ваш отец, вы мои дети!» Она сохранилась у донских казаков до настоящего времени.

Широкое распространение в среде донского казачества получила **присяга православного казака**, утвержденная приказом Атамана Всевеликого Войска Донского № 447 от 6 июля 1918 г. на основании решения Донского Войскового Круга. Вот ее полный текст:

«Обещаюсь честью Донского Казака перед Всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству.

Обещаюсь служить ему до последней капли крови, всеми силами способствуя славе и процветанию Войска Донского. Обязуюсь повиноваться Большому Войсковому Кругу и избранному Им Донскому Атаману. Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества.

Обещаюсь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг Донского Казака и Войска.

Обещаюсь быть честным, добросовестным, храбрым казаком и не нарушать своего обещания из-за корысти, родства, дружбы или вражды.

В заключение данного мною обещания осеняю себя крестным знаменем, целую Святое Евангелие и Честный Крест и нижеподписуюсь» [27].

Религиозная вера пронизывала практически все сферы жизни казака-воина. Широко известны следующие выражения в повседневном обиходе казаков: «Спаси Христос» как форма благодарения, приветствие «Здорово дневали» с ответом «Слава Богу». В казачьих пословицах и поговорках также легко обнаружить явные христианские мотивы: «Крест на шее да шашка сбоку – не скоро быть смертному сроку», «Казаку Бог помогает и казацкое счастье», «Бог не без милости, казак не без счастья», «Если казак не зевает, в бою не плошает, то ему и Бог помогает», «В Бога верь, врага – бей, землю ори, жинку – пори», «Прежде не хвались, а Богу помолись». Процитируем также текст старинной донской казачьей песни:

Он и там, твой батенька,
У Христа на небесах.
Он там Богу молится,
Христу поклоняется:
Ой, Боже, мой, Боже,
Да спустишь же ты, Боже,
Да с небес да на землю –
Свою чаду поглядети.

Мальчики на Дону с самого нежного возраста посвящались в казаки по воинскому обряду, но с церковным благословением. Уже на сороковой день отец надевал сыну шашку, подстригал волосы в кружок, сажал на коня и, возвращая его матери, говорил: «Вот тебе казак». Когда у младенца прорезались зубы, родители, посадив его на лошадь, возили в церковь служить молебен Иоанну Воину о том, чтобы сын был храбрым казаком. При отправлении в путь казаки произносили простейшую молитву: «Господи, я в путь иду, Тебя с собой зову. Ангел вылетай, дорожку мне очищай, а Мать Божия меня спасай». Наряду с каноническими версиями молитв в традиционной повседневности религиозное чувство у донского казачества проявлялось в многообразных народных вариантах молебствований, и эта тема, связанная с такой частью традиционной духовной культуры, как народное правослаvie и народная медицина, отражена в заговорах, приметах, поверьях, текстах об использовании оберегов, представленных в материалах этнолингвистических экспедиций, собранных в 1987–1996 гг. в казачьих станицах и хуторах Ростовской и Волгоградской областей. Ростовский исследователь Б.Н. Проценко, цитирует в том числе и примечательные воинские заговоры донских казаков из рукописного сборника XVII в., обнаруженного Л.Н. Майковым, где, в частности, приводится заговор

казаков-воинов: «Есть море-окиан; на том море-окияне стоит столб, на том столбе стоит царь, высота его с земли и до небеси, и от востока и до запада, и от юга и до севера; и тому ж замолвит и заповедает своим языком всякому железу овому и неовому св. мученик Христов Мина Минуй, и всякому страж во страны преподобный Тихон. Утиши всякое стреляние встречу, св. евангелист Христов Лука, неверных людей, моих супостатов. Падите, железа, в свою мать-землю! Ты же, береза, в свою ж мать-землю, а вы, перья, в свою птицу пернату, а птица в бонт и в сыню, а рыба в море – от меня, р. Б. (имярек), всегда, ныне...» [28, с. 244].

Таким образом, **воинский тип религиозности** донского казачества **обусловлен** искренними надеждами казаков на Бога и святых угодников, что придавало им неисчерпаемые силы в борьбе с историческими противниками, в тяжелых военных походах и боевых буднях, в душевном стремлении вернуться к своим куреням живыми и здоровыми. Донцы от чистого сердца молились Богу при отправлении в поход за зипунами, а позже совершали богослужения при выходе на военную службу. При возвращении домой в казачьи городки, в родные станицы и хутора донские казаки непременно служили благодарственные молебны. Одновременно в воинской повседневности сосуществовали вольные пересказы житий святых и заговоры на заживление ран, употребление Баклановской настойки от болезней и отказ от богослужений по этому поводу, народные молитвы и обращения к Богу строго по текстам молитвословов, трактовки вещей снов и легенды о героических подвигах казаков, видения образов Богоматери и сказания об атаманах, доступные толкования Священного Писания и побасенки о чудесах в чужих краях, рассказы о праведниках и предания о богатырях-предках.

Религиозное чувство в его народном (а отнюдь не в церковном) варианте никогда не покидало донских казаков: ни в военных походах, ни в мирной жизни, ни в организации молебствований, поэтому жена, провожая мужа на войну, как женское заклинание произносила: «На этом коне уезжаешь, казак, на этом коне и домой возвращайся с победой!».

Основу казачьего духовно-нравственного мировоззрения при воинском типе религиозности донского казачества составлял **постулат «о сопротивлении злу силой»**. Именно здесь для донцов пролегал тот самый фронт прогресса, культурно-антропологический переход между двумя крайними состояниями межкультурной коммуникации. Осмысление казаками сущности всеобщего «зла» и базисное понимание субстантивности «добра», а, главное, проведение четких смысловых границ между ними, и уже на этой основе принятие на себя огромной коллективной и индивидуальной ответственности за радикальное пресечение пагубного зла насильем может совершить только настоящий донской казак-воин с вызревшим религиозно-нравственным чувством, что очень прочно закалилось глубоким осознанием необходимости кровопролития во имя сверхличностных интересов – защиты от посягательств православной веры, любимого Тихого Дона и славного Отечества!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дон волною серебрится: частушки, пословицы и поговорки Дона. Ростов н/Д.: Книжное издательство, 1979. 190 с.
2. История и культура казачеств России / В.В. Касьянов, О.В. Матвеев, Л.М. Галутво. Краснодар: Традиция, 2025. 416 с.
3. Социальный и психологический портрет современного казачества / Г.С. Денисова, В.В. Ковалев, А.В. Черная [и др.]; отв. ред. Г.С. Денисова. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2024. 186 с.
4. *Скорик А.П., Федина И.М.* Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII–первая треть XX вв.). Новочеркасск: Лик, 2016. 420 с.
5. *Рыблова М.А.* Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2009. 51 с.
6. *Харузин М.Н.* Сведения о казацких общинах на Дону: материалы по обычному праву, собранные Михаилом Харузиным. Вып. 1. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1885. 388 с.
7. *Рыблова М.А.* Казаки и казачки в обрядовой и трудовой жизни донской общины. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 384 с.
8. *Скорик А.П., Шадрина А.В.* Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 2. С. 61–74. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5
9. *Левитский Г.*, прот. Краткое историческое описание Старочеркасской соборной церкви во имя Обновления храма Воскресения Христова // Донские войсковые ведомости. 1852. Часть неофициальная. № 11. С. 117–120.
10. *Левитский Г.*, прот. Краткое историческое описание Старочеркасской соборной церкви во имя Обновления храма Воскресения Христова // Донские войсковые ведомости. 1852. Часть неофициальная. № 14. С. 145–146.
11. *Левитский Г.*, прот. Краткое историческое описание Старочеркасской соборной церкви во имя Обновления храма Воскресения Христова // Донские войсковые ведомости. 1852. Часть неофициальная. № 13. С. 135–138.
12. *Скорик А.П., Лукичев П.Н.* Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества // Полис (Политические исследования). 1992. № 3. С. 153–155.
13. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским: (по рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел) / пер. с араб. [и предисл.] Г. Муркоса. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1898. Вып. 3. 167 с.
14. Заявление Синодального комитета Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством: [Официальный сайт Московского патриархата. 27 декабря 2011 г. 10:30 мск]. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/1859711.html> (дата обращения: 19.05.2025).
15. Казачество и православие. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/1859711.html> (дата обращения: 19.05.2025).
16. История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / [ред. коллегия: В.И. Кузнецов (отв. ред.) и др.]. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1965. 528 с.
17. *Левитский Г.*, прот. Древности Азова // Донские войсковые ведомости. 1871. № 56. С. 2.
18. *Левитский Г.*, прот. Монастырское урочище или Монастырский городок // Донские войсковые ведомости. 1866. № 22. С. 112–113; № 26. С. 141–142.
19. *Харламов В.А.* Очерк из истории отношений войсковой власти к Донскому духовенству в XVIII веке // Донская церковная старина. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1906. Вып. 1. С. 33–49.
20. *Вейнберг Л.Б.* Распространение христианства на Украине (Краткий исторический очерк, составленный по неизданным документам). Воронеж: Типолит. Губернского правления, 1889. 80 с.
21. *Савельев Е.П.* Средняя история казачества (Историческое исследование): в 3 ч. Новочеркасск, 1916. Ч. 2. С. 185–299.
22. *Пивоваров С.*, свящ. Из донской старины: записки свящ. Пивоварова // Казачий вестник. 1884. № 2. С. 1–2; № 5. С. 1–2; № 10. С. 2; № 14. С. 2–3; № 19. С. 2–3; № 24. С. 3; № 30. С. 1–2; № 40. С. 1–2.
23. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 352 с.
24. *Балуев П.С.* Исторические и статистические описания станиц и городов, посещаемых г. военным министром при объезде Его Превосходительством Области Войска Донского в 1900 г. / сост. Генерального штаба полковником П.С. Балуевым. Новочеркасск: Области Войска Донского типография, 1900. 242 с.
25. *Королев В.Н.* Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак, 2007. 239 с.
26. Требник: в 2 ч. Св.-Троицкая Сергиева Лавра. 1992. Ч. 1. 540 с.

27. Присяга православного донского казака: исторический вариант 1918 года / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Официальный сайт университета. URL: <https://www.npi-tu.ru/science/Scientific-and-innovative-potential/nii/ikirk/realizatsiya-obrazovatelnykh-programm-dlya-kazachestva/> (дата обращения: 21.05.2025).

28. Проценко Б.Н. Духовная культура донских казаков: заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы: [Материалы этнолингвистических экспедиций в Ростовской и Волгоградской областях, 1987–1997 гг.]. Ростов н/Д.: Изд-во Института массовых коммуникаций, 1998. 322 с.

REFERENCES

1. *Don volnoyu serebritsya: chastushki, poslovitsy i pogovorki Dona* [Don is silvered by the wave: chastushkas, proverbs and sayings of the Don]. Rostov-on-Don: Knizhnoe izdatel'stvo, 1979. 190 p.
2. Kas'yanov, V.V., Matveev, O.V., Galutvo, L.M. 2025. *Istoriya i kultura kazachestva Rossii* [History and culture of the Cossacks of Russia]. Krasnodar, Traditsiya. 416 p.
3. Denisova, G.S., Kovalev, V.V., Chernaya, A.V. [et al.]; Denisova, G.S. (ed.). 2024. *Sotsialnyy i psikhologicheskiy portret sovremennogo kazachestva* [Social and psychological portrait of the modern Cossacks]. Rostov-on-Don, Publishing House of the Southern Federal University. 186 p.
4. Skorik, A.P., Fedina, I.M. 2016. *Kubanskiy khutor: fazy i povsednevnoy topokhronnoy evolyutsii (konets XVIII–pervaya tret' XIX vv.)* [Kuban farm: phases and everyday life of toponchronic evolution (late 18th – first third of the 20th centuries)]. Novocherkassk, Lik. 420 p.
5. Ryblova, M.A. 2009. *Muzhskie soobshchestva donskikh kazakov kak sotsiokulturnyy fenomen XVI – pervoy treti XIX v.* [Men's communities of the Don Cossacks as a sociocultural phenomenon of the 16th – first third of the 19th centuries: PhD Abstract]. St. Petersburg. 51 p.
6. Kharuzin, M.N. 1885. *Svedeniya o kazatskikh obshinakh na Donu: materialy po obychnomu pravu, sobrannye Mikhailom Kharuzinym* [Information about the Cossack communities on the Don: materials on customary law collected by Mikhail Kharuzin]. Iss. 1. Moscow, Tipografiya. M.P. Shchepkina. 388 p.
7. Ryblova, M.A. 2022. *Kazaki i kazachki v obryadovoy i trudovoy zhizni donskoy obshchiny* [Cossacks and Cossack women in the ritual and labor life of the Don community]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publisher. 384 p.
8. Skorik A.P., Shadrina A.V. 2024. *The socio-vital nature of religiosity in the everyday life of the Don Cossacks. Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 15. No. 2. P. 61–74. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5
9. Levitskiy G., prot. 1852 Brief historical description of the Starocherkassk Cathedral Church in the name of the Renewal of the Temple of the Resurrection of Christ. *Donskie voyskovye vedomosti* [Don Military Gazette]. 1852. Chast' neofitsial'naya. No. 11. P. 117–120.
10. Levitskiy G., prot. 1852 Brief historical description of the Starocherkassk Cathedral Church in the name of the Renewal of the Temple of the Resurrection of Christ. *Donskie voyskovye vedomosti* [Don Military Gazette]. 1852. Chast' neofitsial'naya. No. 14. P. 145–146.
11. Levitskiy G., prot. 1852 Brief historical description of the Starocherkassk Cathedral Church in the name of the Renewal of the Temple of the Resurrection of Christ. *Donskie voyskovye vedomosti* [Don Military Gazette]. 1852. Chast' neofitsial'naya. No. 13. P. 135–138.
12. Skorik A.P., Lukichyov P.N. 1992. Stanitsa ili stolitsa: kul'turologicheskiy aspekt vrozozhdeniya kazachestva [Stanitsa or capital: cultural aspect of the revival of the Cossacks]. *Polis (Politicheskie issledovaniya)* [Polis (Political studies)]. No. 3. P. 153–155.
13. Murkosa G., transl. 1898. *Puteshestvie antiohijskogo patriarha Makariya v Rossiyu v polovine XVII v., opisannoe ego synom, arhidiaonom Pavlom Aleppskim: (po rukopisi Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannykh del)* [The Journey of the Antiochian Patriarch Macarius to Russia in the Mid-17th Century, Described by His Son, Archdeacon Paul of Aleppo: (Based on the Manuscript of the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs)]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostey rossijskikh pri Moskovskom universitete. Iss. 3. 167 p.
14. *Zayavlenie Sinodal'nogo komiteta Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi po vzaimodeystviyu s kazachestvom. Oficial'nyj sayt Moskovskogo patriarhata 27 dekabrya 2011 g.* [Statement of the Synodal Committee of the Russian Orthodox Church for Cooperation with the Cossacks: Official website of the Moscow Patriarchate. December 27, 2011, 10:30 a.m. Moscow time]. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/1859711.html> (accessed: 19.05.2025).
15. *Kazachestvo i pravoslaviye* [Cossacks and Orthodoxy]. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/1859711.html> (accessed: 19.05.2025).
16. Kuznecov V.I. (ed.). 1965. *Istoriya Dona s drevnejshih vremyon do Velikoj Oktyabr'skoj socialistschesko revolyucii* [History of the Don from ancient times to the Great October Socialist Revolution]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publisher. 1965. 528 p.
17. Levitskiy G., prot. 1871. Antiquities of Azov. *Donskie voyskovye vedomosti* [Don Military Gazette]. No. 56. P. 2.

18. Levitskij G., prot. 1866. Monastery tract or Monastery town. *Donskie vojskovye vedomosti* [Don Military Gazette]. No. 22. P. 112–113; No. 26. P. 141–142.
19. Harlamov V.A. 1906. An essay on the history of relations between military authorities and the Don clergy in the 18th century. *Donskaya cerkovnaya starina* [Don church antiquity]. Novocherkassk: Chaŝtnaya Donskaya tipografiya, 1906. Iss. 1. P. 33–49.
20. Vejnberg L.B. 1889. *Rasprostranenie hristianstva na Ukraine (Kratkij istoricheskij ocherk, soŝtavlennyj po neizdannym dokumentam)* [The Spread of Christianity in Ukraine (A Brief Historical Essay Based on Unpublished Documents)]. Voronezh, Tipolitografiya Gubernskogo pravleniya. 80 p.
21. Savel'ev E.P. 1916. *Srednyaya istoriya kazachestva (Istoricheskoe issledovanie)* [The Middle History of the Cossacks (Historical Research)]: in 3 parts. Novocherkassk, 1916. Part. 2. P. 185–299.
22. Pivovarov S., priest. 1884. From the Don Antiquity: Notes of Priest Pivovarov. *Kazachij vestnik* [Cossack Herald]. 1884. No. 2. P. 1–2; No. 5. P. 1–2; No. 10. P. 2; No. 14. P. 2–3; No. 19. P. 2–3; No. 24. P. 3; No. 30. P. 1–2; No. 40. P. 1–2.
23. Mininkov N.A. 1998. *Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)]. Rostov State University Publisher. 352 p.
24. Baluev P.S. 1900. Istoricheskie i ŝtatistiŝeskie opisaniya ŝtan i gorodov, poseshchaemykh gospodinom voennym ministrom pri ob'ezde Ego Prevoskhoditel'stvom Oblaŝti vojska Donskogo v 1900 g. [Historical and ŝtatistical descriptions of the villages and towns visited by the Minister of War during His Excellency's tour of the Don Army Region in 1900]. Novocherkassk, Oblaŝti Vojska Donskogo tipografiya. 242 p.
25. Korolyov V.N. 2007. *Donskie kazach'i gorodki* [Don Cossack towns]. Novocherkassk, Donchak. 239 p.
26. *Trebnik* [Trebnik]: in 2 parts. Sv.-Troickaya Sergieva Lavra, 1992. Part 1. 540 p.
27. *Prisyaga pravoslavnogo donskogo kazaka: istoricheskij variant 1918 goda* [The oath of the Orthodox Don Cossack: historical version of 1918] / Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). URL: <https://www.npi-tu.ru/science/Scientific-and-innovative-potential/nii/ikirk/realizatsiya-obrazovatelnykh-programm-dlya-kazachestva/> (accessed: 21.05.2025).
28. Procenko B.N. 1998. *Duhovnaya kul'tura donskih kazakov: Zagovory, oberegi, narodnaya medicina, pover'ya, primety/ Materialy etnolingviŝtiŝeskih ekspeditsij v Rostovskoj i Volgogradskoj oblaŝtyah, 1987–1997 gg.* [The spiritual culture of the Don Cossacks: Conspiracies, amulets, folk medicine, beliefs, omens. Materials of ethnolinguistic expeditions in the Rostov and Volgograd regions, 1987–1997]. Rostov-on-Don, Izd-vo Instituta massovykh kommunikatsij. 322 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СКОРИК Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Российская Федерация.

SKORIK Alexander Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation; Platov South Russian State Polytechnic University; Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1283-8137

ШАДРИНА Алла Валерьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела гуманитарных исследований; Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

SHADRINA Alla Valeryevna, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Humanitarian Studies; Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: bergson@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1925-0216

© А.П. Скорик, 2025
© А.В. Шадрина, 2025

Дата поступления в редакцию: 28.05.2025.
Дата принятия статьи: 07.08.2025.

УДК 902/904

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ДОНА (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)

© 2025 г. А.А. Нечипорук

ООО «Дельта-Л», (Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. Археологическое изучение погребального обряда донского казачества находится на начальном этапе. Согласно имеющимся сведениям, за долгий период он претерпел ряд трансформаций, которые характерны для похоронной обрядности восточнославянского населения в целом. На Нижнем Дону исследован ряд некрополей конца XVII – 1-й пол. XX в., материалы которых позволили получить новые сведения о структуре погребального обряда этого периода. Исследованные памятники охватывают в той или иной мере всё разнообразие практиковавшихся способов организации мест погребений: общие кладбища как на курганах, так и вне их, прицерковные кладбища, захоронения в храмах, а также отдельные погребения вне кладбищ. Результаты исследования лягут в основу дальнейшего изучения погребального обряда нижнедонского региона, пополнив базу данных по указанной проблематике.

Ключевые слова: Новое время, Нижний Дон, казаки, погребальная обрядность, курган, кладбище, погребение, погребальный инвентарь.

FUNERAL RITUALS OF THE COSSACK POPULATION OF THE LOWER DON (ARCHAEOLOGICAL CONTEXT)

A.A. Nechiporuk

LLC "Delta-L", (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. Archaeological researching of the funeral rites by Don Cossacks have started not so long time ago. Based on available information, they have got some changes over time, which are generally typically for the funeral rites of the Russian population. There were researched on the Lower Don several burial grounds of the late 18th — 1st 20th centuries. The found materials let got new information about the structure of the funeral rite of this period. The result of this researching is base for further study of the funeral rites of the Lower Don region and supplement knowledge base about funeral rites in general.

Keywords: modern times, Low Don region, cossacks, funeral rituals, mound, cemetery, burial, funeral equipment.

Погребальная обрядность казачьего населения Нижнего Дона археологически практически не изучалась, оставаясь долгие годы в поле зрения преимущественно этнографов (здесь, прежде всего, стоит отметить работы Т.Ю. Власкиной) и краеведов. Настоящая работа написана в продолжение тезисно опубликованных автором некоторых наблюдений по указанной тематике с целью привлечь к участию в ее разработке большего количества археологов и специалистов в смежных областях науки [1, с. 228–234].

Первым археологом, целенаправленно исследовавшим памятники материальной культуры донского казачества, был З.А. Витков. В 1951 г. он раскопал небольшую часть некрополя Нижне-Кундрюченского городка [2, с. 32–33]. Однако продолжения этим работам не последовало, и на несколько десятилетий данное направление выпало из тематических археологических исследований. В процессе масштабных работ по застройке и хозяйственному освоению территорий, начавшихся в конце 1960-х годов, археологи периодически обнаруживали погребения

Нового Времени, впущенные в существующие курганные насыпи, а также целые кладбища. Но поскольку такие объекты выходили за формальную верхнюю хронологическую границу археологических памятников (рубеж XVII–XVIII вв.), они если и фиксировались, то предельно сжато (и в таком случае информация о них осталась в научных отчетах), либо не фиксировались вовсе. В последнее время в связи с изменением законодательства ситуация стала кардинально меняться и интерес к памятникам материальной культуры, относящихся к истории донского казачества XVI–XIX вв., в значительной степени вырос. Среди них немаловажную роль играют погребальные комплексы, в изучении которых в последние годы наметился определенный прогресс.

Сформировавшееся в степях Нижнего Дона казачье население понимало назначение курганов и воспринимало их как часть погребального пространства, связанного в том числе и с мифическими или реальными предками [3, с. 219]. Согласно казачьим представлениям, в курганах всегда хоронили воинов [4, с. 74]. Народные предания зафиксировали практику устройства казаками кладбищ на курганах. В связи с чем курганы иногда называли «могилами» (например, Гиреева могила, могила Попова, могила Лежинева и пр.) или в донских говорах – «могилками» [3, с. 219]. Однако устные источники крайне редко охватывают периоды старше середины XIX в. [5, с. 24], поэтому для определения хронологических рамок использования курганов в качестве кладбищ необходимо привлекать археологические источники. Здесь важно отметить, что все известные автору исследованные комплексы датируются XVIII – 1-й половиной XX в. В связи с этим вопрос об обустройстве кладбищ на курганах в более ранний период пока остается открытым. Кроме того, пока нет четкого представления о массовости этого явления и его географическом охвате в пределах исторических границ земель Войска Донского. Количество фиксируемых кладбищ на курганах не столь значительно, чтобы можно было рассматривать приоритетность такого размещения [5, с. 26]. Относительно географических границ ситуация более сложная и требует отдельного изучения. К примеру, большее количество кладбищ на курганах и дюнах в дельте и низовьях Дона обусловлено скорее чисто утилитарными факторами – регулярной подтопляемостью данной территории.

Что касается кладбищ, располагавшихся вне курганов, то в силу объективных причин обнаруживаются они гораздо реже. Это происходит случайно, во время строительных работ или же при проведении археологических разведок и раскопок более древних поселений, расположенных вблизи или внутри современных или уже не существующих населенных пунктов (станций и хуторов). Но помимо кладбищ в казачьей среде были распространены захоронения во дворах жилых усадеб, обнаружить которые археологическими методами гораздо сложнее. К захоронениям вне кладбищ относятся также массовые (братские) могилы, которые в основном являлись различного рода санитарными захоронениями. Согласно законодательству, умерших от «заразных болезней» было положено хоронить вне общих кладбищ, на отведенных для этого специальных местах, которые надлежало огораживать и обносить глубоким рвом [6, с. 869].

Помимо общих кладбищ, на Дону получила распространение общероссийская традиция хоронить в оградах церквей и даже в особых случаях внутри самих храмов. Чести быть погребенным внутри церкви или собора удостаивались преимущественно войсковые атаманы, что объяснялось понятием воинской святости

и сакрального смысла воинского подвига [7, с. 48]. Ярким примером может служить перезахоронение в 1911 г. в Войсковом кафедральном соборе г. Новочеркаска донских атаманов, героев войны 1812 г. – графа М.И. Платова (1753–1818 гг.) и графа В.В. Орлова-Денисова (1780–1843 гг.), а также генерал-лейтенанта И.Е. Ефремова (1774–1843 гг.) [8, с. 5–6]. Туда же были перенесены из Петербурга и останки генерал-лейтенанта Я.П. Бакланова (1809–1873 гг.).

Захоронения в оградах церквей практиковались повсеместно. Однако археологически ни одно из них полноценно не исследовалось. Все подобного рода работы носили эпизодический характер и выполнялись не профессиональными археологами, а различными активистами или же в отдельных случаях сотрудниками музеев. Велась эти работы без надлежащей фиксации и дальнейшей камеральной обработки полученных материалов, что повлекло за собой утрату ценной информации. Так, в 1993–1994 гг. сотрудниками Старочеркасского музея-заповедника у стен домово́й церкви Во имя Донской иконы Божией матери, на атаманском подворье, при проведении работ по реставрации и реконструкции были исследованы несколько разграбленных каменных склепов, в которых были погребены члены семьи Ефремовых [9, с. 202]. В 2013 г. в слободе Дячкино Тарасовского района сотрудниками и учащимися Шахтинского имени Я.П. Бакланова казачьего кадетского корпуса в поисках могил участников войны 1812 года – генерал-лейтенанта А.А. Карпова, генерал-майора П.М. Грекова (8-го) и генерал-майора Г.А. Дячкина – было проведено вскрытие семейного склепа Дячкиных – Карповых, располагавшегося при церкви Трех Святителей [10; 11, с. 87, 94].

По своему вероисповеданию донские казаки традиционно придерживались православия. Причем доля старообрядцев среди них, начиная с конца XVII в., была достаточно высокой [5, с. 25], что и определяло характер похоронной обрядности. При этом в районах со смешанным населением, состоящим из казаков и иногородних, практиковалось разделение мест погребения. В дельте Дона даже супругов, если один из них происходил из казачьей, а другой из крестьянской семьи, хоронили на разных кладбищах [5, с. 26]. В казачьих станицах иногородних хоронили на наименее престижных участках кладбищ – вдоль западной и северной ограды [12, с. 45]. Такое расположение «чужих» покойников было прослежено при раскопках курганного могильника «Алитуб-IV» в Аксайском районе [5, с. 29].

Казаки хоронили, как правило, в обычных прямоугольных грунтовых ямах, ориентированных по линии запад – восток. Яма, согласно этнографическим сведениям, могла быть как простой, так и с подбоем [13, с. 55]. При этом сооружение подбоев («могил с подкопом») считалось старожилками одной из старинных местных традиций [12, с. 37] и чаще всего связывалась с казаками-старообрядцами. Однако археологически исследованных христианских комплексов, где четко фиксируется наличие подбоя, за исключением одиночного погребения в исторической части г. Ростова-на-Дону [14, с. 116], на данный момент автору не известно. Имеющийся же материал указывает на то, что данная традиция хорошо представлена и в других регионах Российской империи и, судя по всему, была привнесена на Дон в ходе миграций пришлого населения из внутренних территорий страны. Кроме того, нужно не забывать, что могилы с подбоем широко распространены были у ногайцев, татар и других народов, традиционно исповедовавших ислам и довольно плотно населявших в том числе и нижнедонские земли. Одна из таких подбойных могил – погребение № 121 с парным захоронением, была исследована М.А. Деняевым в 2016 г.

на одном из некрополей в северо-восточной части станицы Старочеркасской [15, с. 41]. Участок некрополя, где зафиксировано это погребение, автор соотнес с предполагавшейся в непосредственной близости Татарской слободой.

Отдельного внимания заслуживает планиграфия самих кладбищ, которые, согласно законодательным нормам, следовало обносить оградой или валом со рвом. На Нижнем Дону эти требования выполнялись не всегда и не везде, о чем красноречиво говорит отношение войскового наказного атамана генерал-майора П.С. Фомина, в котором он пишет следующее: «...В большей части станиц кладбища не обнесены вовсе оградами; есть случаи, где остались следы прежних огорож, ныне разрушенных, от недостатка присмотра. Мне известна даже станица, где кладбище издавна устроено в самом центре ее, на площади у церкви, и при том вовсе не обнесено оградой... Столь неудовлетворительное состояние кладбищ доказывает прискорбное равнодушие к ним жителей» [16, с. 226]. Остатки рва, огораживающего кладбище, были зафиксированы на исследованном Р.В. Прокофьевым в 2009 г. могильнике Крест, расположенном возле х. Дугино [17, с. 14–15].

Погребения в насыпи кургана, как правило, не имеют строгой системы размещения. Рядность в таких случаях часто не соблюдалась, преобладало формирование родовых участков, чему способствовала практика подзахоронений [13, с. 55]. При этом сами кладбища были достаточно компактными: под одним могильным холмиком на разной глубине могло находиться от 2 до 6 погребенных, образуя нечто вроде семейного склепа. Такая планировка была прослежена, к примеру при исследовании кургана «Грачевский Х», расположенного в х. Грачев Боковского района [18, с. 57, рис. 16] или кургана 1 курганного могильника «Алитуб-IV» [19, с. 12, рис. 20]. Наличие могильных рядов, характерных для общих кладбищ, свойственно сформировавшимся стационарным станичным и городским некрополям. Рядность, к примеру, была прослежена на могильнике Крест, а также на одном из некрополей Черкаска, исследованного М.А. Деняевым в 2016 г. [15, с. 34]. При этом наиболее престижной считалась восточная часть кладбища, обладающая положительной символикой [5, с. 29].

Положение костяков в могилах стандартно – вытянуты на спине, головой на запад (с отклонениями к северу или югу, в зависимости от сезонности). При этом положение рук вариативно – на груди, на животе, на костях таза, что не противоречит православной погребальной практике. Для совершения одиночных захоронений использовались деревянные гробы. На могильнике Нижнекундрюченского городка зафиксировано использование деревянных колод вместо гробов [2, с. 33]. О конструкции гробов сведений крайне мало, ввиду их очень плохой сохранности в погребениях. Можно лишь с уверенностью сказать, что преобладали составные дощатые гробы. С их остатками связано частое обнаружение в могилах кованых железных гвоздей. Отсутствие или наличие гвоздей в могиле, а также их количество в ряде случаев имело определенное значение, поскольку они могли быть связаны с магическими практиками [5, с. 30–32].

Захоронения содержат довольно мало погребального инвентаря, что во многом усложняет датировку и этнокультурную атрибуцию данных комплексов. Немногочисленный инвентарь представлен в основном нательными крестами, деталями костюма (пряжки, пуговицы и пр.), а также монетами, различными сосудами и пр. Такой важный элемент, как одежда, сохраняется, к сожалению, крайне плохо. Немногим лучше обстоит дело с обувью, которую можно разделить на погребальную

и бытовую. Имеются сведения, что некоторые казаки приготавливали себе к смерти лапти, в которых их клали в гроб [20, с. 3]. В более позднее время – 2-я половина XIX – XX в. погребальный инвентарь мог дополняться бытовыми предметами, необходимыми умершему при жизни: очки, курительные принадлежности, расческа и пр. [12, с. 42], а также вещами, имеющими религиозное значение: распятие, икона. В мужские погребения могли класть оружие [21, с. 68] или прибивать на крышку гроба скрещенную с ножами шашку.

Важной частью захоронений является надгробная конструкция. Она, как правило, у казаков была представлена деревянным крестом или же каменным надгробием. Последним отдавалось предпочтение. По сведениям Т.Ю. Власкиной, каменным резным надгробным памятникам предшествовали небольшие необработанные камни, которые издавна клали на могилы [13, с. 54]. Археологически подобный случай зафиксирован Н.Б. Скворцовым при раскопках одного из погребений на месте Староигорьевского казачьего городка [22, с. 205]. В нём массивный камень песчаника, просев со временем в рыхлый грунт, находился непосредственно в заполнении ямы. Кроме того, известны единичные случаи использования камней в самих захоронениях. Так, в разрушающемся погребении грунтового могильника «Дедово» было отмечено наличие под черепом и тазом скелета небольших плоских камней [23, с. 13]. Помимо камней в погребальном обряде использовались кирпичи. Их либо клали на могильный холмик, либо в некоторых случаях в сами могилы. В женском погребении кладбища на кургане 1 курганного могильника «Алитуб-IV» под ступнями усопшей внутри гроба лежал кирпич [5, с. 35–37]. Такое нестандартное его использование объясняется религиозными представлениями, связанными с аскезой и христианским благочестием [5, с. 37]. Традиция размещать в погребении кирпич или камень под головой или реже ступнями была широко распространена на Руси, что подтверждается и результатами археологических раскопок. К примеру, размещение под правой ступней погребенного кирпича, а под левой – осколка известняковой плиты, отмечено в одном из склепов Георгиевского погоста Старой Ладogi [24, с. 110–111].

Погребальная обрядность, бытовавшая среди казачьего населения Нижнего Дона, судя по имеющимся археологическим и этнографическим данным, хотя и имела некоторые локальные особенности и отличия, в целом отражала общерусские традиции (и шире – восточнославянские). Имеющийся на данный момент археологический материал не позволяет полноценно проследить развитие и эволюцию погребального обряда донских казаков. Это связано с тем, что захоронений ранних, четко датированных XVI–XVII вв., практически не известно, а основной исследованный массив погребений относится к XVIII – началу XX в., когда Область Войска Донского уже была интегрирована в состав Российской империи. На этом этапе наблюдается унификация погребальной обрядности, но с сохранением локальных особенностей и появлением ряда престижных компонент, таких как похороны парадом [13, с. 53].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Нечипорук А.А. Погребальный обряд донских казаков по археологическим данным // Казачество на службе Отечеству: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2022 г.) / Южный федеральный университет. Ростов н/Д., 2022. С. 228–234.

2. *Бойко А.Л., Толочко И.В.* К вопросу об истории археологического изучения нижнедонских казачьих городков // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VIII Токаревские чтения): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2019 г.). Ростов н/Д., 2019. С. 19–42.
3. *Власкина Н.А.* Курганы в культурном ландшафте донских казаков (по данным топонимики) // Язык как система и деятельность – 3: мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д., 2012. С. 219–221.
4. *Рыблова М.А.* Сакральные локусы и их почитание в традиции донских казаков // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26. № 4. С. 70–82.
5. *Власкина Т.Ю.* Комплекс погребений XIX – середины XX в. курганного могильника «Алитуб-IV»: этнографический комментарий // Проблемы ранней истории казачества: мат-лы Межрег. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 14–15 марта 2023 г.). Ростов н/Д., 2023. С. 23–43.
6. Копия с журнальной статьи Донской духовной консистории от 19 декабря 1882 года, относительно погребения умерших от заразительных болезней // Донские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 23. 1882. С. 868–869.
7. *Будюкин Д.А.* Общественное и религиозное значение внутрихрамового погребения военачальников в России XVIII–XIX вв. // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 47–51.
8. *Попов Х.И.* Герои Дона: Граф М. Ив. Платов. Граф В. В. Орлов-Денисов. Генерал-лейтенант Ив. Ефр. Ефремов. Генерал-лейтенант Як. П. Бакланов: к перенесению прахов Донских героев в усыпальницу при Новочеркасском кафедральном соборе. Новочеркасск, 1911. 46 с.
9. *Жукова Л.М.* Родовое кладбище Ефремовых // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 13. С. 202–213.
10. *Цветов С.* Отчет об экспедиции в слободу Дячкино // ГБОУ РО «Шахтинский Я.П. Бакланова казачий кадетский корпус»: [сайт]. URL: <https://baklanov-korpus.ru/otchet-ob-ekspedicii-v-slobodu-dyachkino> (дата обращения: 23.03.2024).
11. *Венков А.В.* Жизнь и служба Отечеству генерала А.А. Карпова // Russkaya Starina. 2021. 12 (2). С. 87–94.
12. *Власкина Т.Ю.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды донских казаков // Традиционная культура. 2004. № 4 (16). С. 35–47.
13. *Власкина Т.Ю.* К истокам современных тенденций в развитии народных погребально-поминальных традиций на Дону // Вторичные формы традиционной народной культуры: мат-лы науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). Краснодар, 2010. С. 52–57.
14. *Нечипорук А.А.* Археологическое исследование исторических некрополей Ростова-на-Дону в контексте региональной истории // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (IX Токаревские чтения) «Казачество России между Европой и Азией: опыт исторического и культурного взаимодействия (к 80-летию со дня рождения выдающегося историка казачества В.Н. Королева)»: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 9 октября 2020 г.). Ростов н/Д., 2021. С. 111–118.
15. *Деняев М.А.* Основные итоги исследований казачьего некрополя Черкасского городка в 2016 году // Изучение и сохранение исторических некрополей: мат-лы Регион. науч.-практ. конф. (г. Таганрог, 27–28 мая 2022 г.). Таганрог, 2022. С. 32–56.
16. О приведении в порядок кладбищ в станицах войска Донского // Донские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1870. № 8. С. 225–227.
17. *Прокофьев Р.В.* Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. Ростов н/Д., 2014. 397 с.
18. *Магиря-Курсанова А.П.* Отчет об археологических раскопках кургана «Грачевский X» в Боковском районе Ростовской области в 2019 г. Ростов н/Д., 2020. 158 с.
19. *Деняева А.С.* Иллюстрации к отчету об аварийно-спасательных археологических раскопках кургана № 1, выявленного объекта археологического наследия «Курганного могильника «Алитуб IV» в Аксайском районе Ростовской области; курганов № 1, № 2 выявленного объекта археологического наследия «Курганного могильника "Самбек VIII"» в Неклиновском районе Ростовской области в 2020 году. Т. III. Ростов н/Д., 2021. 146 с.
20. В царстве мрака // Приазовский край. 1902. № 224. С. 3.
21. *Яровой А.В.* Воинская культура казачества: символическое пространство и ритуал. Ростов н/Д., 2011. 214 с.
22. *Скворцов М.Б.* О раскопках и возможной локализации Старогригорьевского казачьего городка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 9 (132). С. 202–207.
23. *Хахонина Т.Е.* Отчет об археологической разведке правобережья р. Северский Донец в Усть-Донецком районе Ростовской области в 2006 г. Ростов н/Д., 2007. 140 с.
24. *Григорьева Н.В.* Склепы Георгиевского погоста Старой Ладogi // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 109–116.

REFERENCES

1. Nechiporuk A.A. 2022. Funeral rite of the Don Cossacks according to archaeological data. *Kazachestvo na sluzhbe Otechestvu* [Cossacks in the service of the Fatherland]: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. (Rostov-on-Don, SFU, November 28, 2022). Rostov-on-Don. P. 228–234.
2. Boyko A.L., Tolochko I.V. 2019. On the history of the archaeological study of the Lower Don Cossack towns. *Vojna i voinskie tradicii v kul'turah narodov Yuga Rossii (VIII Tokarevskie chteniya)* [War and military traditions in the cultures of the peoples of Southern Russia (VIII Tokarev Readings)]. Rostov-on-Don, May 17–18, 2019. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don. P. 19–42.
3. Vlaskina N.A. 2012. Mounds in the cultural landscape of the Don Cossacks (according to toponymy). *Yazyk kak sistema i deyatel'nost'* – 3 [Language as a system and activity – 3]. Proceedings of the International Scientific Conference. Rostov-on-Don. P. 219–221.
4. Ryblova M.A. Sacred loci and their veneration in the tradition of the Don Cossacks. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and Religions of Eurasia]. 2021. Vol. 26. No. 4. P. 70–82.
5. Vlaskina T.Yu. 2023. The complex of burials of the XIX – mid-XX century. The burial mound «Alitub-IV»: an ethnographic commentary. *Problemy rannej istorii kazachestva* [Problems of the early history of the Cossacks]. Proceedings of the interregional scientific and practical conference, Rostov-on-Don, March 14–15. P. 23–43.
6. Kopya s zhurnal'noj stat'i Donskoj duhovnoj konsistorii ot 19 dekabrya 1882 goda, otnositel'no pogrebeniya umershih ot zarazitel'nyh boleznej. *Donskie eparhial'nye vedomosti* [The Don Diocesan Gazette]. The department is official. No. 23. 1882. P. 868–869.
7. Budyukin D.A. 2015. The social and religious significance of the inter-temple burial of military leaders in Russia of the XVIII–XIX centuries. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal. No. 4. P. 47–51.
8. Popov H.I. 1911. *Geroi Dona: Graf M. Iv. Platov. Graf V. V. Orlov-Denisov. General-lejtenant Iv. Efr. Efremov. General-lejtenant Yak. P. Baklanov: K pereneseniyu prahov Donskih geroev v usypal'nicu pri Novocherkasskom kafedral'nom sobore* [Heroes of the Don: Count M. I. Platov. Count V. V. Orlov-Denisov. Lieutenant General Ivan Yefr. Yefremov. Lieutenant General Yak. P. Baklanov: For the transfer of the ashes of the Don heroes to the tomb at the Novocherkassk Cathedral]. Novocherkassk. 46 p.
9. Zhukova L.M. The Yefremov family cemetery. *Izvestiya Rostovskogo oblas'nogo muzeya kraevedeniya* [News of the Rostov Regional Museum of Local Lore]. Vol. 13. P. 202–213.
10. Tsvetov S. 2024. Report on the expedition to Dyachkino settlement. *GBOU RO "Shahtinskij Ya.P. Baklanova kazachij kadetskij korpus"* [Shakhtinsky Ya.P. Baklanova Cossack Cadet Corps]: [website]. URL: <https://baklanov-korpus.ru/otchet-ob-ekspedicii-v-slobodu-dyachkino> (accessed: 03.23.2024).
11. Venkov A.V. 2021. The life and service to the Fatherland of General A.A. Karpov. *Russkaya Starina*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 87–94.
12. Vlaskina T. Yu. 2004. Funeral and memorial customs and rituals of the Don Cossacks. *Tradicionnaya kul'tura* [Traditional culture]. Vol. 4. No. 16. P. 35–47.
13. Vlaskina T.Yu. 2010. Towards the origins of modern trends in the development of folk funeral and memorial traditions on the Don. *Vtorichnye formy tradicionnoj narodnoj kul'tury* [Secondary forms of traditional folk culture]: proceedings of the scientific and practical conference Krasnodar, November 26–27, 2010. Krasnodar, 2010. P. 52–57.
14. Nechiporuk A.A. 2021. Archaeological investigation of historical necropolises of Rostov-on-Don in the context of regional history. *Vojna i voinskie tradicii v kul'turah narodov Yuga Rossii (IX Tokarevskie chteniya) «Kazachestvo Rossii mezhdru Evropoj i Aziej: opyt istoricheskogo i kul'turnogo vzaimodejstviya (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya istorika kazachestva V.N. Koroleva)* [War and military traditions in the cultures of the peoples of Southern Russia (IX Tokarev readings) «The Cossacks of Russia between Europe and Asia: the experience of historical and cultural interaction (On the 80th anniversary of the birth of the outstanding historian of the Cossacks V.N. Korolev)»] (Rostov-on-Don, October 9, 2020). Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don. P. 111–118.
15. Denyaev M.A. 2022. The main research results of the Cossack necropolis of Cherkassy town in 2016. *Izuchenie i sohranenie istoricheskikh nekropolej* [Study and preservation of historical necropolises]. Materials of the Regional scientific and practical conference (Taganrog, May 27–28, 2022). Taganrog. P. 32–56.
16. O privedenii v poryadok kladbishch v s'tanichah vojska Donskogo [On putting cemeteries in order in the villages of the Don army]. *Donskie eparhial'nye vedomosti* [Don Diocesan Gazette]. The department is official. 1870. No. 8. P. 225–227.
17. Prokofiev R.V. 2014. *Raskopki u hutora Dugino v del'te Dona v 2009 godu* [Excavations at the Dugino farm in the Don Delta in 2009]. Rostov-on-Don. 397 p.

18. Magirya-Kirsanova A.P. 2020. *Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh kurgana "Grachevskij X" v Bokovskom rajone Roštovskoj oblasti v 2019 g.* [Report on the archaeological excavations of the Grachevsky X mound in the Bokovsky district of the Roštov region in 2019,] Roštov-on-Don. 158 p.

19. Denyaeva A.S. 2021. *Illyustracii k otchetu ob avarijno-spasatel'nyh arheologicheskikh raskopkakh kurgana №1, vyyavlennogo ob»ekta arheologicheskogo naslediya «Kurgannogo mogil'nika «Alitub IV» v Aksajskom rajone Roštovskoj oblasti; kurganov № 1, № 2 vyyavlennogo ob»ekta arheologicheskogo naslediya «Kurgannogo mogil'nika «Sambek VIII» v Neklinovskom rajone Roštovskoj oblasti v 2020 godu* [Illustrations to the report on emergency rescue archaeological excavations of mound No. 1, the identified archaeological heritage site of the «Alitub IV Burial Mound» in the Aksai district of the Roštov region; mounds No. 1, No. 2 of the identified archaeological heritage site of the «Sambek VIII Burial Mound» in the Neklinovsky district of the Roštov region in 2020]. Vol. III. Roštov-on-Don. 146 p.

20. In the kingdom of darkness. *Priazovskij kraj* [The Azov region]. 1902. No. 224. P. 3.

21. Yarovoy A.V. 2011. *Voinskaya kul'tura kazachestva: simvolicheskoe prostranstvo i ritual* [Military culture of the Cossacks: symbolic space and ritual]. Roštov-on-Don. 214 p.

22. Skvortsov B.N. 2018. On the excavations and possible localization of the Starogrigoryevsky Cossack town. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. Vol. 9. No. 132. P. 202–207.

23. Khakhonina E.N. 2007. *Otchet ob arheologicheskoy razvedke pravoberezh'ya r. Severskij Donec v Ust'-Doneckom rajone Roštovskoj oblasti v 2006 g.* [Report on the archaeological exploration of the right bank of the Seversky Donets River in the Ust'-Donets region of the Roštov region in 2006]. Roštov-on-Don. 140 p. ill.

24. Grigorieva N.V. 2017. *Crypts of the St. George churchyard of Staraya Ladoga. V kamne i bronze. Sbornik statej v chest' Anny Peskovo* [In stone and bronze. Collection of articles in honor of Anna Peskova]. St. Petersburg. P. 109–116.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НЕЧИПОРУК Александр Александрович – ведущий археолог, ООО «Дельта-Л», Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

NECHIPORUK Alexander Alexandrovich – leading Archaeologist of LLC "Delta-L", Roštov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: nechip25@mail.ru

© А.А. Нечипорук, 2025

Дата поступления в редакцию: 05.05.2025.

Дата принятия статьи: 03.07.2025.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 94(470.45)

ПРИКАЗЫ 28-го ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА ПО СТАНИЦЕ ВЁШЕНСКОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ

© 2025 г. А.В. Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. Статья посвящена изучению неоднозначного исторического факта – восстанию белого казачьего полка, занятию им окружной станицы, где находился штаб Северного фронта белых, и попыткам установить мир с советской властью путем переговоров.

Автору удалось разыскать в фондах РГВА два подлинных приказа по станице Вёшенской, подписанные выборным командиром 28-го казачьего полка Донской белой армии Я.Е. Фоминым. Согласно тексту этих приказов, полк сверг в окружной станице власть белых и взял ее в свои руки. В полном объеме эти приказы впервые вводятся в научный оборот. Автором использованы методы источниковедения и археографии. Проведен текстологический анализ.

Казакам удалось достаточно легко и без жертв развалить Северный фронт белых, но их идея заключить мир с большевиками провалилась, так как Красная армия продолжала наступление. Сравнивая тексты двух приказов, можно увидеть, как менялась риторика казаков, захвативших станицу.

Результаты исследования позволяют уточнить настроения белых донских казаков в начале 1919 г., их стремление заключить мир с большевиками и выйти из войны.

Ключевые слова: казаки, 28-й казачий полк, штаб Северного фронта, мирные переговоры, наступление.

Публикация подготовлена по теме НИР «Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронта» в соответствии с государственным заданием ЮНЦ РАН на 2025 г. (00-24-15, № 124012200178-4, направление ПФНИ 6.1.2.8).

THE ORDERS OF THE 28TH DON COSSACK REGIMENT IN THE VILLAGE OF VYOSHENSKAYA AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE CIVIL WAR ON THE DON

A.V. Venkov

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article is devoted to the study of an ambiguous historical fact – the uprising of a White Cossack regiment, its occupation of the district village where the headquarters of the Northern Front of the Whites was located, and attempts to establish peace with the Soviet government through negotiations. Methods and materials. The author managed to find two authentic orders for the village of Vyoshenskaya in the archives of the Russian State Military Archive, signed by the elected commander of the 28th Cossack Regiment of the Don White Army, Y.E. Fomin. According to the text of these orders, the regiment overthrows the White government in the district village and takes control of it. These orders

are being introduced into scientific circulation for the first time. The author has used methods of source studies and archaeography. A textual analysis has been conducted. Analysis. The Cossacks were able to easily dismantle the White Northern Front without any casualties, but their idea of making peace with the Bolsheviks failed as the Red Army continued its offensive. By comparing the texts of the two orders, we can see how the rhetoric of the Cossacks who captured the village changed. The results of the study allow us to clarify the mood of the White Don Cossacks in early 1919, their desire to make peace with the Bolsheviks and end the war.

Keywords. Cossacks, 28th Regiment, Northern Front Headquarters, peace negotiations, offensive.

Опубликованные документы относятся к событиям начала 1919 года, когда в ходе гражданской войны белая Донская армия стала разлагаться, а ее воинские части начали самостоятельно покидать фронт. Наиболее активно повел себя 28-й Верхне-Донской полк, который занял место расположения Северного фронта белых, фактически взломал оборону этого фронта и облегчил частям Красной армии продвижение по северным округам Дона.

28-й полк (до августа 1918 – 1-й Верхне-Донской) был одним из лучших полков белой Донской армии. Сформирован он был, в отличие от других частей, которые формировались по станицам (30-й Мешковский, 31-й Мигулинский, 32-й Вёшенский и др.), из казаков всех станиц Верхне-Донского округа 1911 года призыва. Офицеры полка тоже были подобраны не по станицам, а по всей области, среди них были сподвижники ставшего на Дону символом контрреволюционера есаула **Чернецова**.

Изначально казаки полка были настроены оборонительно, не хотели воевать на «русской территории». 23 августа 1918 года под хутором Шумилиным полк отказывался переходить границу Донской области. Но офицеры принудили полк к повиновению, десять казаков Казанской станицы были отданы под трибунал и расстреляны.

Но последующие удачные наступательные бои показали прекрасную подготовку полка. Известный всему Дону генерал **А.К. Гусельщиков**, командир 23-го Гундоровского Георгиевского полка, лучшего полка Донской армии, «дал 28-му полку имя "Непобедимый", ибо первая сотня его по печальной ошибке вступила в бой с георгиевцами и после целого дня ожесточенного боя принудила их отступить, взяв два пулемета. Единственное поражение гундоровцев своими же» [1].

28-й полк отличился еще в нескольких боях. Но в ноябре 1918 г. началась революция в Германии, с уходом германских войск материальное снабжение белых резко ухудшилось. Бежавшие из плена красноармейцы рассказывали, что «казацкие полки и монархические банды ходят совершенно голые и босые, что же касается жалования, то таковое не получают уже три месяца». Красные войска Южного фронта давили на ослабевшие белые части, начались ожесточенные бои. Сами белые признавали: «В непрерывных боях последних двух месяцев... выбыло из строя 40 % казаков и 80 % офицеров» [2, с. 33].

В 28-м полку от прежнего состава осталось 20–25 % казаков, а «пополнения приходили уже не те».

В декабре 1918 г. Л.Д. Троцкий своим воззванием подыграл начавшемуся процессу разложения белых казаков: «Ненависть к Краснову нередко переносится на казаков вообще. Всё чаще раздаются голоса рабочих и крестьян: "Нужно истребить всех казаков; тогда наступит мир и спокойствие в южной России". Это конечно неверно и несправедливо. Но чем дольше казаки будут оставаться с оружием

в руках у Краснова, тем суровее будут расправляться с ними солдаты Красной армии. Выход один: порвать с Красновым и вернуться к мирному труду... От имени Совнаркома объявляю: "Казачи, которые сложат оружие и подчинятся Советской власти, не понесут никакого наказания". Возвращайтесь мирно к семьям. Воронеж. 10 декабря 1918 г. Троцкий» [3, л. 33]

4 января 1919 г. началось генеральное наступление Красной армии, имевшее целью ликвидацию контрреволюции на Юге. Три дня кровопролитных боев с переменным успехом послужили переломным моментом в настроении верхнедонских казаков.

«Казачи открыли фронт на Богучарском направлении на Рождество старого стиля», – писал прославленный советский военачальник, будущий маршал А.И. Егоров [4, с. 68].

Державшие здесь фронт 29-й Казанский, 31-й Мигулинский и 28-й Верхне-Донской полки, сформированные в Верхне-Донском округе, отошли на границу Донской области. Отсюда казанцы и мигулинцы пошли в свои станицы. А казаки 28-го полка выбрали нового командира полка, казака **Я.Е. Фомина**, и решили идти на окружную станицу Вёшенскую, где находился штаб Северного фронта белых. Следует отметить, что на Вёшенскую выступили лишь пешие сотни полка, конные сотни всё еще держали фронт.

За спиной Фомина стояла группа казаков, настроенных просоветски. Наиболее активными были **И.Г. Мельников** и **А.П. Кухтин**. Адъютантами Фомина стали красноармеец **Кароль** и иногородний **Симоненко**. Видимо, их рассматривали как связующее звено с Красной армией и местными иногородними (ни одна из этих персоналий в приказах не упоминается).

12 января в окружной **станице Вёшенской**, в штабе Северного фронта белых, узнали, что 28-й полк договорился с красными о мире на условии выдачи офицеров с одной стороны и «жидов-комиссаров» – с другой. Насколько эти сведения соответствовали действительности – неизвестно. Но теперь полк шел в Вёшенскую, чтобы устранить единственное препятствие для заключения такого мира – штаб фронта – и «избить всех офицеров». Разведка, посланная навстречу бунтовщикам, донесла, что действительно три пешие сотни 28-го полка (500 штыков, 24 пулемета) находятся в хуторе Решетовке в 15 верстах от станицы.

14 января 1919 г. три пешие сотни 28-го полка вступали в станицу Вёшенскую и выстраивались на площади. Командующий и начштаба Северного фронта, генералы **Иванов** и **Зембрицкий**, наблюдали за этим из окна здания штаба.

В станице установилось двоевластие. Вошедшие в Вёшенскую казаки разоружили караул у гауптвахты и выпустили 25 арестованных. Затем они своей властью завернули обоз со снарядами, следующий в Хоперский округ и выписали возчикам отпускные свидетельства. При штабе фронта не было достаточно частей, чтобы хоть как-нибудь сопротивляться.

Положение на фронте стало критическим. В ближнем тылу белого фронта, в районе Калача, скопилось масса оставивших позиции частей, которые смешались с вновь прибывшими полками и представляли собою в течение нескольких дней топчущуюся на месте в нерешительности массу.

Тогда же, 14 января, бросили позиции 32-й Вёшенский полк и конные сотни 28-го полка. Они без боя оставили Калач и в ночь на 15 января двинулись на слободы Криуша – Подгорная, в сторону Донской области. Северо-Западный отряд Северного фронта белых развалился окончательно.

В Вёшенской 15 января казаки 28-го полка выставили караулы к артиллерийским складам в хуторе Базки, к мосту через Дон и к телефонной станции. 16 января они выставили караул к казначейству и складам. Командование Северным фронтом бездействовало.

Офицеры штаба, полковник **Овчинников** и есаул **Степанов**, пытались использовать против казаков 28-го полка инженерную сотню и в пришедшую недавно в станицу обозную команду Гундоровского полка. Но офицеры инженерной сотни сказали, что казаки ненадежны и скорее поддержат 28-й полк, а не штаб. Гундоровцы же заявили, что «во внутренние дела станицы» вмешиваться не хотят. Генерал А.К. Гусельщиков обещал прислать помощь недели через две.

Создавалось впечатление, что все безобразия в станице творятся с санкции штаба. Командование решило бежать за Дон в **ст. Каргинскую**, взяв с собой оперативный отдел. Строевой и хозяйственный отдел пока оставались в Вёшенской.

Ночью с 16 на 17 января Иванов, Зембрыцкий и несколько офицеров штаба бежали в Каргинскую.

С 14 часов 17 января фронт управлялся генералами по телефону Каргинская – Вёшенская. Однако сам по себе факт работы штаба уже не мог изменить положения на фронте. Конные сотни 28-го полка двинулись на соединение к своим пешим сотням (т.е. в Вёшенскую). Вёшенский и Слащевский полки, боевой состав которых к тому времени достигал всего 200 шашек, последовали за 28-м.

Таким образом, разложившиеся полки верхнедонских казаков с территории «русской» ушли на территорию «донскую». Теперь от них следовало ждать переговоров с предложениями мира «без аннексий и контрибуций».

С бегством белого командования из Вёшенской казаки 28-го полка заняли все учреждения. Офицеров без бумаг от 28-го полка из станицы не выпускали.

18 января в Вёшенской собрался запланированный станичный сбор. Приехавшие на станичный сбор из хуторов старики вели себя уклончиво. Яростные выступления Фомина и его адъютанта красноармейца Кароля, направленные против офицеров, встретили внешне сочувственно, но и только.

В конце концов, представители от хуторов под председательством станичного атамана и в присутствии трех членов станичного правления заслушали казаков 28-го полка «по поводу оставления ими фронта» и вынесли приговор: «1) Просить казаков 28-го Донского казачьего пехотного полка послать теперь же из своего полка делегацию на Северный фронт для переговоров по поводу перемирия с красными. Кроме того, послать делегацию по этому вопросу в Красную гвардию. 2) Немедленно упразднить полевой суд. 3) Упразднить милицию. 4) Привлечь к несению гарнизонной службы к 28-му Донскому казачьему пешему полку 2-ю и 3-ю пешие сотни. 5) Границы Донской области впредь до выяснения о перемирии с красными открытыми не оставлять. 6) Карательные отряды упразднить...» [5, с. 406–407]. Эти пункты постановления, построенные несколько вразнобой, подписали 33 выборных (согласных с казаками 28-го полка), всего же на сборе присутствовало 111 выборных, 40 человек вообще проигнорировали сбор и не явились.

Итак, 22 % присутствовавших на сборе высказались за перемирие с красными и упразднение органов красновской военной диктатуры, 52% выборных воздержались, но противоположного постановления не вынесли, 26% на сбор не явились. Подобное разделение голосов почти полностью совпадает с классовым расслоением казачества Юго-Востока России.

Приговор не имел законной силы, поскольку его подписали меньше половины выборных, но казаков 28-го полка это не остановило. Тотчас же были выбраны делегаты и посланы на фронт и в соседние станицы сказать, чтоб казаки «отошли на свою границу и начали переговоры о мире».

Атаман **П.Н. Краснов** лично прибыл в станицу Каргинскую, где, согласно донесению командующего Северным фронтом генерала М.М. Иванова, ныне находился штаб фронта. Но Иванова в Каргинской не было. Он не смог собрать в станице Каргинской достаточно сил для подавления мятежа 28-го полка и уехал в Новочеркасск «для личного доклада атаману». По дороге они разминулись.

Краснов, прибыв в Каргинскую, начал разбирательство. Несмотря на его приезд, штыков в Каргинской не прибавилось.

19 января в Каргинской на сходе Краснов расписывал зверства красных и призывал покарать изменников из 28-го полка.

Вечером того же дня казаки 28-го полка заняли в Вёшенской здание штаба Северного фронта и арестовали офицеров строевого и хозяйственного отделов.

Краснов писал в мемуарах, что хотел лично ехать в Вёшенскую и навести порядок, но мешали холод и ночь, да и бывшие с ним представители союзников не захотели. Донской атаман уехал в Новочеркасск, пригрозив, что со временем сотрет Вёшенскую с лица земли.

20 января казаки Казанского полка, узнав, что Краснов уехал в Новочеркасск, отслужили молебен и направили делегатов в Богучар предложить красным мир на условии неприкосновенности границ Донской области.

Красноармейские части местного формирования, выйдя на границу Донской области, также утратили наступательный порыв. Мобилизованные крестьяне, освободив свою территорию, не хотели идти «к казакам». Разведка велась слабо. О том, что в казачьих полках разложение и стремление к миру, что целые части бросают фронт, командование 8-й армии и Южного фронта узнало лишь после 20 января, после приезда в Богучар делегации из **Казанской**. Пока донесения из передовых частей шли в штабы, 112-й Богучарский полк заключил с казаками «перемирие с обещанием не вступать в пределы Донобласти» [2, с. 50]. Казаки же обещали, что сами установят у себя Советскую власть.

22 января в Вёшенской делегация от 28-го полка явилась к окружному атаману Дронову и потребовала, чтобы он подписал им полномочия на ведение переговоров о мире и поездке на Северный фронт. Дронов отказался подписывать какие-либо бумаги и вскоре бежал из станицы. В Вёшенской на несколько часов установилось формальное безвластие. Тогда и был издан публикуемый «Приказ № [1] по 28-му Донскому конному полку и станице Вёшенской. 9(22) января, ст. Вёшенская...» [6, л. 2 – 2 об.].

Таким образом, 22 января 1919 года 28-й Верхне-Донской Непобедимый полк взял власть в станице в свои руки.

Новая власть наложила запрет на операции окружного казначейства, установила своих контролеров на почте, телеграфе, в интендантстве и на артиллерийских складах, запретила издавать газету «Верхне-Донской край». Против станицы Каргинской были выставлены заставы с пулеметами. Это было признание Советской власти с оговорками об установлении ее мирным путем, что диктовалось нежеланием и боязнью развязать войну внутри округа, сознанием собственной малочисленности.

Казак 28-го полка, набранные в полк с территории всего округа, из Вёшенской постепенно расходились, кто сам, кого увозили жены и родители.

Конные сотни 28-го полка были распущены белым командованием по домам, чтоб не увеличивать силы мятежников.

Отныне на первое место для казаков стала задача не допустить вступления Красной Армии на территорию округа, и они приняли самое активное участие в мирных переговорах. Штаб 28-го полка в это время напоминал многопартийный парламент. Здесь заседали Фомин и Мельников («командир и комиссар») в окружении друзей и соратников, здесь собирались пленные красноармейцы, вооруженные Фоминым, сюда же были призваны его приказом несколько офицеров, произведенных из простых казаков.

Перемирие между Богучарским полком Красной армии и Казанским казачьим полком еще не было миром. 24 января новая делегация – два казака – под конвоем (чтоб не помешали свои контрреволюционеры) поехала в Богучар заключать мир. Поехали наиболее революционно настроенные и, презрев наказания станичников заключить мир на условии неприкосновенности границ, в Богучаре заявили: «Мы постановили братскую войну кончить и пойти против кадетов». Один делегат (**Булаткин**) был направлен в штаб 12-й дивизии красных, а второй с двумя коммунистами Богучарского полка вернулся в ст. Казанскую. Во время переговоров Казанский полк снял свои заставы против Богучара и перенес их в свой тыл. Оставшиеся в строю казаки соглашались перейти на сторону красных или сдать оружие.

Реввоенсовет 12-й дивизии ответил казакам: «...выслушав заявление от имени фронтовиков станицы о желании прекратить войну с Советской властью и признать Советскую власть, пришел к следующему: 1) заявление принять к сведению... 2) Казаки и полки, которые пожелают перейти на сторону Красной Армии, будут приняты по-братски. Полки могут переходить с командным составом, с того момента, как полк перейдет на сторону Советской власти, полк считается на положении советского полка... 3) РВС 12-й дивизии предлагает всем казачьим частям с оружием в руках и командным составом переходить на нашу сторону... Полки должны переходить со всем имуществом, оружием и представить списки тех, кто уклонился от перехода на сторону Советской власти; если командиры будут препятствовать переходить казакам на нашу сторону, они должны быть казаками арестованы и выданы Советской власти; 4) для дальнейших переговоров и передачи инструкций и приказа переходить на нашу сторону полкам командиром назначается член военно-революционного совета дивизии...» [7, л. 218].

Из штаба 8-й армии красных были сразу же посланы телеграммы:

«РВС Южфронта, копия РВСР, копия предсовобороны Ленину.

Военная, вне всякой очереди... из штаба 8, 26 января, 3 ч. 45 мин.

(Копия донесения из 12-й дивизии с постановлением).

РВС армии просит сделать указания о степени правильности отношения к происшедшему военсовета 12 дивизии и спрашивает о немедленной присылке инструкций на будущее время о порядке и характере сношений с изъявляющими желание перехода на нашу сторону частями казачьих войск. Реввоенсовет **Весник, Базилевич**» [7, л. 218].

Переговоры осложнялись радикальными изменениями в казачьей политике.

В конце 1918 года у командования и политического руководства Южного фронта сложилось мнение, что «по станицам и хуторам Донской области почва для

Советов весьма благоприятная и прочная» [8, л. 28]. 20 декабря Донское бюро РКП(б) докладывало в ЦК: «...контрреволюция будет взорвана изнутри, и ее место займет страстно ожидаемая народными массами Советская власть». Донбюро предупреждало, что массы эти боятся лишь одного: «повторения тех неладов, безответственных выступлений, хаотического хозяйничания всяких проходимцев, что имело широкое место на Дону». Соответственно предупреждались воинские части. «27/1–19 (от) имени Реввоенсовета и политотдела армии циркулярно приказываю всем политработникам принять категорические меры (по) устранению при занятии территории Дона явлений, влекущих недовольство населения советвластью: массового террора, незаконных реквизиций, вообще бесцельных насилий. Завполитотделарм 9 **Поволоцкий**» [9, л. 19].

Даже вышедшая впоследствии в белогвардейской газете статья под броским названием «Зверства большевиков» вынуждена была признать: «Первые эшелоны красных войск вели себя удовлетворительно» [10].

Следует учесть, что внешнее и внутреннее положение Советской Республики в январе 1919 г. изменилось. Стремительное продвижение советских войск на запад и юг (их даже называли «2-м триумфальным шествием Советской власти»), всплеск повстанческого движения на территории, оставляемой германской оккупационной армией пробудили надежду на скорейшую победу и перенос военных действий в Европу. И тут только остатки казаков цеплялись за сапоги победоносной Красной армии...

24 января 1919 г. Оргбюро ЦК издало директиву об отношении к казачеству. Директива предписывала «беспощадный массовый террор» к казакам, принимавшим «прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью» [11, с. 178]. Против среднего казачества (директива старалась выдерживать классовый подход) предлагалось применять меры, гарантирующие от каких-либо попыток нового выступления против советской власти, конфисковать и свезти на ссыпные пункты все излишки хлеба, в станицах разоружить всех казаков, оружие выдавать лишь надежным людям из иногородних, уравнивать казаков и иногородних в распределении земли, оказывать всяческую помощь переселенцам-беднякам. «Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания» [11, с. 178].

Принята директива была «под влиянием отдельных членов ЦК, которые в конце 1918 – начале 1919 г. побывали на юге страны» [12, с. 323]. Свою роль, видимо, сыграли и доклады Донбюро РКП(б) о настроении масс, «алчущих теперь восстановления Советской власти» [5, с. 390], так как на обострение классовой борьбы можно было пойти лишь в условиях, максимально благоприятных для этого. Конкретной подписи под директивой («Циркулярным письмом») не было, но Организационным бюро ЦК РКП(б) в то время руководил **Я.М. Свердлов**.

Однако сами большевики достаточно быстро признали, что, проводя эту политику, советское правительство совершило «громадную политическую ошибку», которая привела к «губительным результатам» [13, л. 19].

Выход указанной директивы совпал с переговорами верхнедонцов с частями Красной армии. Когда в штаб 12-й дивизии явился посланец 28-го полка Бабаев с постановлением Вёшенского станичного сбора от 18(5) января, смысл директивы еще не был известен на Южном фронте. Посылая донесение о переговорах с 28-м полком, член РВС фронта **И.И. Ходоровский** одновременно сообщил: «Ди-

рективу ЦК о линии поведения по отношению к казачеству не получили... Дорог каждый момент, прошу немедленно ответить запиской по проводу. Ходоровский». Ответ: «Высылаю с **Мехоношиным**, выезжающим завтра. Свердлов» [14, л. 155 – 155 об].

Ответ запоздал и практического значения для казаков Вёшенской станицы уже не имел.

Чтобы отстоять неприкосновенность границ, нужна была военная сила, а остатки полков таяли, как снег под солнцем. Части низовых казаков стремились уйти с территории Верхне-Донского округа домой, укрыться на родной земле. Меньшинство фронтовиков из бедноты яростно выступило за признание Советской власти, за мир на любых условиях. Большинство затягивало переговоры, искало несуществующий компромисс и потихоньку разбрелось по домам, прятало оружие.

27 января командарм-8 **Тухачевский** приказал начдиву-12 занять Казанскую, не ожидая переговоров с казаками. Однако стронуть с места местных красноармейцев, вкусивших прелестей мирной дипломатии, было нелегко. 28 января одновременно собрались сборы в **Казанской** и **Мигулинской** станицах. Было объявлено, что красные перейдут границу и будут наступать по казачьей территории. В Мигулинской станице на сборе вынесли постановление защищать родную станицу совместно с Мигулинским полком до последней капли крови. Лишь 22 казака уехали навстречу красным – сдаваться.

В Казанской в это время многочисленные делегации от всех слоев общества осаждали представителей Богучарского полка, напоминали о прежнем соглашении не переходить границу, согласны были на все что угодно, на какую угодно власть, лишь бы мир «без аннексий» и красные не вступали на казачью территорию. Но тогда же, 30 января, член Донбюро РКП(б) **С.И. Сырцов**, прибыв в РВС Южного фронта, сразу же распорядился: «Самочинные действия делегации Богучарского полка ликвидировать» [15, л. 168]. То есть, пресек проведение «народной дипломатии», договоры между казаками и красноармейцами. И 30 января командование 12-й стрелковой дивизии сообщало: «В 12 часов получены сведения, что в ст. Казанской никакой власти нет. Казанский полк разошелся по станицам с оружием. Организованный временно ревком, не имея сил, установить порядок не может. Население и казаки грабят военные склады. Большая часть населения ждет прихода советских войск. Приказал занять станицу двумя полками, разоружить население, захватить имеющуюся там батарею... **Любимов**, Сырцов» [16, л. 84 – 84 об.].

В тот же день Богучарский полк занял станицу Казанскую. Тогда же 33-й полк Московской рабочей дивизии вступил в северные хутора округа и выслал разведку на Вёшенскую.

Разведчики-делегаты были встречены с честью. В штабе 28-го полка красноармейцам стали рассказывать, что у казаков с Советской властью мир, что договорились не переходить границы. Разведчики-делегаты ответили, что мир казаков с Богучарским полком их не касается, так как они служат в Московском полку. Впрочем, намерение москвичей идти на белых по территории округа было встречено Фоминым и его окружением как должное. Многие из оставшихся в станице казаков полка поняли, что обратной дороги нет, меж двух стульев не усидишь.

Настроение в хуторах стало постепенно меняться. Под давлением казаков Я.Е. Фомин приказал раздать жителям все деньги из окружного казначейства (часть денег И.Г. Мельников все же сохранил «на всякий случай»). Раздавали деньги всем желающим, «платили красновские долги». Офицеры в штабе 28-го полка сразу

подметили, «что важно, так это – изъятие денег и распределение их между казаками с целью сохранить казачье достояние от поползновения красных. Значит, мир с красными – мир «внешний», да и то заключенный вынужденно» [17, с. 8].

31 января 1919 г. Фомин издал приказ № 4 о содействии и помощи проходящим советским войскам (публикуется) [18, л. 103]

Но советские войска, особенно 8-я армия, продвигались медленно. Путь от Калача до Казанской, пройденный дезертировавшими казаками за три дня, красные, не имея перед собой боееспособного противника, прошли за три недели.

1 февраля Главное командование Красной армии отдало директиву: «Противник против войск Южного фронта разбит и отступает за Дон. Казаки расходятся по станицам. В красновских войсках полное разложение» [19, с. 260]. В связи с этим конечной целью ставилось овладение Новочеркасском и Ростовом-на-Дону.

Но пока, во исполнение директивы, писались приказы по войскам о наступлении, красноармейцы вглубь округа не шли, освещали местность разведкой. В Каргинской же скапливались карательные отряды, чтобы наступать на Вёшенскую. 31 января в Каргинскую прибыл карательный отряд войскового старшины **К. Икаева**, состоявший из текинцев и осетин.

1 февраля перебежчик из 28-го полка сообщил в Каргинской, что красные находятся в 30 верстах от Вёшенской. Полковник Овчинников, опираясь на карателей Икаева, объявил в Каргинской мобилизацию.

Узнав о мобилизации в Каргинской, казаки 28-го полка спешно послали гонцов к красным с просьбой наступать быстрее, в самой станице Вёшенской Фомин вооружил всех пленных красноармейцев, был также отпечатан приказ о мобилизации против Краснова всех казаков, могущих носить оружие.

2 февраля в полдень текинцы Икаева выступили из станицы Каргинской на хутор **Токин**, чтобы занять его к вечеру и вести разведку на **Базки**, а на рассвете 3 февраля атаковать Вёшенскую. Мобилизованные каргинские казаки должны были выступить следом, но не пошли, замитинговали. В станицу Вёшенскую в полдень 2 февраля вступила конная разведка Московской рабочей дивизии. К вечеру в станицу вступила пехота – 33-й и 37-й полки Московской дивизии. Дальнейшие боевые действия здесь велись между регулярными частями Красной армии и карательными отрядами белых.

Казанская, Вёшенская и **Еланская** станицы Верхне-Донского округа были заняты красными без сопротивления. Исключением стала Мигулинская станица. Почти все ее хутора брались с боя.

Необходимо отметить, что на занятой красными без боя территории через месяц после описанных событий началось широко известное Верхне-Донское восстание.

**Приказ №¹
по 28 Донскому конному полку и ст. Вёшенской
9 января 1919 г.² ст. Вёшенская [20, л. 2]**

§ 1

В виду того, что с приходом нашего полка в ст. Вёшенскую, вся власть поставленного нам немцами предателя трудового казачества и крестьянства Краснова,

¹ Номер приказа отсутствует.

² Даты даны по старому стилю.

позорно бежала, чувствуя всю вину своей предательской политики [...] и все трудовое казачество, крестьянство и рабочие, брошены на новые испытания темных личностей, которые начинают обижать граждан станиц и хуторов под личностями якобы наших страдальцев трудовых казаков.

Во имя порядка, правды и справедливости, мы [...] трудовые казаки полка, берем в свои руки власть в ст. Вёшенской и приказываем, что все лица, которые будут вредить нашей власти, нарушать тишину, порядок станицы и хуторов, грабить и производить насилие над пострадавшим трудовым казачеством, крестьянством и рабочими, будут на месте преступления предаваться беспощадному суду.

§ 2

Приказываем Верхне-Донскому казначейству не проводить никаких операций впредь до особого распоряжения полка.

§ 3

Почтово-телеграфная контора станицы Вёшенской должна вести свою работу, куда будет выслан особый представитель полка для надзора, чтобы никаких предательских распоряжений не передавалось, а точно исполнялись все распоряжения полка.

§ 4

Безпроводному телеграфу приказываем работу прекратить впредь до особого распоряжения.

§ 5

Впредь до формирования власти трудового казачества, крестьянства и рабочих Верхне-Донского округа, все учреждения должны вести работу в обычном порядке.

§ 6

Всем лечебным заведениям вести свою работу, должен быть точный и заботливый уход за больными и ранеными, предательски вовлеченных в братоубийственную бойню. Врачи и сестры милосердия должны быть на местах.

§ 7

Всем управлениям и заведениям округа представить в полк списки всех управлений, учреждений и заведений с указанием имя [...] отчества и фамилия, адрес квартиры и место жительства всех служащих.

§ 8

Все прибывшие казаки с фронта должны являться к коменданту откуда направляться при списках в полк.

§ 9

Приказываем Вёшенскому ст. правлению сделать распоряжение [...] чтобы ежедневно дежурило не менее 100 обывательских подвод и по распоряжению коменданта и полка выдавались.

§ 10

Все казаки 28-го Донского казачьего конного полка должны прибыть в ст. Вёшенскую 13 января с/г, не прибывшие будут считаться как предатели трудового казачества.

§ 11

Все украшения на погонах, как повешенные для закрытия глаз трудовому казачеству, чтобы через них лилась братская кровь и не видно было бы правды, справедливости и братства народов. Пусть носит эти украшения банда Краснова с компанией, приказываем снять все украшения, дабы не было отпечатков предателя Краснова.

§ 12 [20, 2 об.]

Все бежавшие с фронта предатели, кровопийцы братской крови офицеры, буржуи и спекулянты должны арестовываться и представляться к коменданту или в полк.

§ 13

Станица Вёшенская не должна больше исполнять предательских распоряжений Краснова, а до создания Окружной власти исполнять распоряжения полка. Наряд обывательских подвод вести прежний и точно выставлять подводы. Все казаки [,] едущие на фронт или с фронта [,] должны направляться в округ.

§ 14

Все учебные заведения должны вести занятия в обычном порядке. Все лица [,] портящие делу образования или прекращения занятий [,] будут преданы суду.

§ 15

Все торговцы разными винами и самогоном должны немедленно прекратить выделку зелья [,] и если таковое есть, где-либо [,] немедленно сообщать в полк [,] за неисполнение приказа виновные будут преданы суду.

§ 16

Появляющиеся граждане на улицах станицы в пьяном виде, будут арестованы.

§ 17

Всем гражданам станицы соблюдать тишину [,] порядок и спокойствие, дабы было возможно мирно ликвидировать гнездо предателей, грабителей и мародеров Красновцев. Им места нет между честных людей Родного Дона. Они нагло завязали трудовому казачеству и крестьянству братоубийственную бойню и [,] прикрываясь лицемерно именем Бога [,] производили сотни тысяч расстрелов лучших людей земли Русской и Дона, десятки тысяч томятся в тюрьмах наших братьев, сотнями ударов шомполов секли наших братьев. Царство насильников кончилось, хотя они нагло прикрываются именем Бога, но забыли они 6-ю заповедь

Так пусть же будет наша власть трудового казачества, крестьянства и рабочих, с нами Бог правды, справедливости и братства.

§ 18

Типография Верхне-Донского союза кооперативов прекратить издание пробравшуюся газету «Верхне-Донской край». Приказываем всем рабочим типографии быть на местах, точно, аккуратно и быстро исполнять все распоряжения полка. За неисполнение распоряжений, саботаж и отказ исполнять распоряжения, виновные будут предаваться беспощадному суду.

§ 19

Команде связи округа и фронта приказываем точно исполнять все распоряжения полка, никаких предательских телеграмм не передавать и не допускать телефонограммы в станицу Каргинскую. Поступающие телефонограммы принимать и передавать в полк. Всю работу будет контролировать особый делегат полка.

§ 20

Интендантству и арт-складам не выдавать ничего и никому, а если что нужно отпустить, то можно только отпустить по распоряжению полка.

Командир 28 [-го] полка
казак Фомин.

Приказ № 4
по 28 Донскому казачьему полку и Верхне-Донскому округу
18 января 1919 года³, ст. Вёшенская [18]

§ 1

Приказываем всем станичным и хуторским советам и если еще, где таковых не образовано, то атаманам станиц и хуторов Верхне-Донского округа, всем проходящим советским войскам оказывать полное содействие и помощь, за неисполнение сего приказа или ведение агитации [,] направленной против Советских Армий [,] виновные будут предаваться беспощадному суду.

§ 2

Замечено, что противники Советской власти ведут гнусную провокацию, якобы проходящая Советская Армия производит насилия над мирным населением, чтобы создать панику в населении и во время паники проводить свои кровожадные темные дела. Предупреждаем, что все лица [,] ведущие гнусную провокацию и наводящие на население панику [,] будут на месте преступления арестовываться и предаваться суду. Населению же приказываем соблюдать тишину и порядок и выдавать сеющих смуту.

§ 3

Замеченных граждан в содействии подводами, чтобы бежать предателям трудового казачества, крестьянства и рабочих, виновные будут предаваться суду, лошади же и сбруя будут поступать в народное хозяйство.

§ 4

Всем судам и мировым судьям Верхне-Донского округа прекратить свою работу

Командир полка
казак Фомин

Граждане казаки, крестьяне и рабочие. Час свободы и братства народов настал, на которых нас предатели вели проливать братскую кровь [,] теперь прибыли к нам делегатами от 33 Московского рабочего полка Политический комиссар Титов, командиры рот Попов и Кирилов [,] и скоро борцы за право трудового народа и трудовых казаков пойдут через станицы на осиное гнездо Новочеркасск и свору предателей трудовых казаков, крестьян и рабочих дабы навсегда покончить с мерзостью земли русской и Дона. Вам свора предателя Краснова 10 месяцев напевала гнусную ложь, что якобы Советские войска производят расстрелы пленных, но пленные, взятые Советскими войсками [,] уже многие возвратились и еще прибывают партиями на Дон, грабят, убивают детей, женщин, стариков, закрывают церкви и проч. и проч. Не верьте всем этим гнусным наговорам предательской власти и сворой офицеров и буржуев, это ложь [,] гнусная ложь. Мы просим граждан, где будут проходить советские войска, оказывать содействие для быстрой ликвидации набежавшей мерзости на Дон и ненавистную никому власть предателя Краснова.

Это идут такие же люди [,] крестьяне, казаки и рабочие [,] дабы вырвать весь трудовой народ мира из рук кровопийцев братской крови Краснова, и дать мир трудовым казакам, крестьянам и рабочим. Чем ни скорее вырвем корень зла на Дон Красновскую власть, тем скорей мы добудем мира и покойный труд. Так быстрее

³ Дата по старому стилю.

же стирайте всю старую власть предателя Краснова и помогайте своим же братьям крестьянам и рабочим Советской России и немедленно создавайте свои советы казачьих, крестьянских и рабочих депутатов. Представители советских войск дали слово, что их часть никому не причинит никакой обиды и насилия.

Да здравствует Великий борец за свободу трудящегося мира В. Ленин и весь Народный комиссариат Российской Советской Федеративной Республики.

Да здравствует их непобедимая трудящаяся Советская армия.

Да здравствует Донская советская социалистическая федеративная республика.

Да здравствует мир трудовым казакам, крестьянам и рабочим Дона и России и беспощадное уничтожение гнезда предателя Краснова.

16 января 1919 г. ст. Вёшенская.

Донские казаки 28 [-го] Донского казачьего полка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. 28-й Непобедимый // Донская волна. 1919. 3 (16) марта.
2. Бенков А.В. Вёшенское восстание. М.: Вече, 2012. 336 с.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 910. Оп. 3. Д. 670.
4. Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919. М.: Гос. военное изд-во, 1931. 282 с.
5. Борьба за власть Советов на Дону. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1957. 528 с.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1250. Оп. 1. Д. 693.
7. РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 631.
8. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 40.
9. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 108.
10. Зверства большевиков // Приазовский край. 1919. 30 мая (12 июня).
11. Деятельность центрального комитета партии в документах // Известия ЦК КПСС. № 6. 1989. С. 154–183.
12. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М.: Мысль, 1968. 438 с.
13. ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 665.
14. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 224.
15. РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 691.
16. РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 386.
17. Кудинов П.Н. Восстание верхне-донцов в 1919 г. Исторический очерк // Вольное казачество. № 79. С. 8–11.
18. РГВА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 687. Л. 103
19. Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). М.: Воениздат, 1969. 884 с
20. РГВА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 693. Л. 2 – 2 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

Базилевич Георгий Дмитриевич (26 января 1889 г., деревня Криски, Черниговская губерния – 3 марта 1939 г., Москва) – советский военный деятель. Родился в семье крестьянина. Закончил гимназию, Киевское военное училище в 1910 г., поступил на военное отделение Московской воздушной школы. Во время Первой мировой войны командовал ротой и батальоном, получил шесть ранений и восемь боевых наград. В октябре 1917 г. вступил в ряды РСДРП(б), а с марта 1918 г. служил в рядах РККА. С октября 1918 по май 1919 г. был членом РВС 8-й армии. Затем на других командных должностях. Член ЦИК СССР, член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Депутат Верховного совета СССР 1-го созыва.

хут. Базки (ныне станица Базковская) находится в 3 км к югу от ст. Вёшенской на противоположном берегу Дона.

Булаткин – казак Казанской ст. Личность до конца не выяснена.

Весник Яков Ильич (19 августа 1894 г., Пинск, Минская губерния – 17 ноября 1937 г., СССР) – советский военный политработник и деятель промышленности. Родился в еврейской купеческой семье. В 19 лет отпра-

ПРИКАЗЫ 28-го ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА ПО СТАНИЦЕ ВЁШЕНСКОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ

вился в Швейцарию, где поступил в Лозаннский университет. Не закончил из-за начала Первой мировой войны. Во время войны – рядовой пехотного полка, был ранен, жил в Петрограде, где познакомился с М.И. Калининым. В 1917 г. комиссар почт и телеграфа Выборгского района. В время гражданской войны – член Реввоенсовета 8-й армии с 7 ноября 1918 по 28 ноября 1919 г., затем член РВС 11-й и 15-й армий. Основатель и первый директор завода «Криворожсталь».

ст. Вёшенская – окружная станица образованного в конце 1917 г. Верхне-Донского округа с населением 170 тыс. человек, в подавляющем большинстве – казаков. В настоящее время – районный центр Шолоховского района.

Гусельщиков Андриан Константинович (26.05.1871–21.02.1936), ур. Гундоровской ст. Закончил Новочеркасское юнкерское училище в 1902 г., выпущен по 2-му разряду подхорунжим в 5-й Донской полк. Во время Первой мировой войны – командир сотни 52-го Донского полка (14.02.1914 – 17.08.1916), помощник командира 52-го полка по хозяйственной части (17.08.1916 – 1917); произведен 16 июля 1918 № 511 в полковники с 14 февраля 1917 г.; 15 сентября 1918 № 969 произведен в генерал-майоры с оставлением командиром полка. В феврале 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты. Начальник обороны Гундоровско-Митякинского района – 04.04.1918–26.05.1918; командир Гундоровского полка – 26.05.1918–01.10.1918; начальник Северного отряда – 01.10.1918 – весна 1919 г.; начальник 8-й дивизии весна 1919 – 22.11.1919; командир 3-го Донского корпуса – 22.11.1919– 24.03.1920; начальник 3-й Донской дивизии 24.03.1920 – 12.12.1920; начальник 2-й Донской дивизии 12.12.1920 – 1922. Награжден Орденом Св. Николая Чудотворца. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, затем во Франции. Ум. 21 февраля 1936 г. в Виши (Франция).

ст. Еланская находится в 20 км. к востоку от Вёшенской.

Зембрыцкий Виктор Альфонсович, (22.03.1883, Кутаиси – 13.11.1960, Нью-Йорк). Закончил Воронежский кадетский корпус в 1901 г., Николаевское инженерное училище в 1903 г., Академию Генерального штаба в 1911 г. Во время Первой мировой войны – полковник, нач. штаба 133-й пехотной дивизии и 20-го армейского корпуса. В 1918 г. в Саратовском корпусе. В Донской армии с 11 августа 1918 г.; начальник штаба Северо-Западного района с 18 августа 1918 г. (приказ № 876 от 31 августа 1918 г.); 14 октября 1918 г. произведен в генерал-майоры. В январе 1919 г. – начальник штаба войск Северо-Западного района, затем Северного фронта и 2-й Донской армии; с 22 июля до 28 ноября 1919 г. – начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады. В Русской армии – генерал для поручений в отделе ген.-кварт. штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. В эмиграции жил в Турции, в Югославии, затем во Франции и США. Автор книги «Германо-советская война 1941–1945 гг. Нью-Йорк, 1954».

Иванов Матвей Матвеевич (12.08.1872–15.12.1928, Сербия) Семикаракорской станицы, закончил Донской кадетский корпус в 1892 г., Николаевское кавалерийское училище в 1893 г., Академию генерального штаба, офицерскую артиллерийскую школу. Во время Первой мировой войны полковник; командир 7-й Донской батареи, награжден Орденом Св. Георгия 4 -й ст. В период 04.02.1916–22.10.1917 – командир 13-го Донского полка; с 22.10.1917 командующий 2-й бригадой 1-й Донской дивизии. Участник Ледового похода. С 4 июня 1918 г. – начальник гарнизона Каменской станицы, командир 3-й Донской дивизии, 30 июня 1918 г. произведен в генерал-майоры по статуту с 22 февраля 1917 г., начальник 3-й Донской дивизии. Командующий Северным фронтом Донской армии. Генерал-лейтенант (приказ № 1854, декабрь 1918 г.). Командовал войсками Западного фронта (конец 1918 – 23.02.1919), 3-й Донской армией (23.02.1919–12.05.1919), командир 3-го Донского корпуса (12.05.1919–22.11.1919), в 1919 г. – генерал-лейтенант. В распоряжении Донского атамана с 22.11.1919. Командир запасной бригады (лето 1920–12.12. 1920). Эмигрировал в Югославию, атаман казачьей станицы в Белграде. Умер 15 декабря 1928 г. в Белграде.

Икаев Касбулат – в 1918 г. есаул, председатель Ростовского военно-полевого суда и нач. контрразведывательного отделения, командир Терской сотни, произведен в войсковые старшины № 1069 от 30.09.1918. Полковник. В эмиграции.

ст. Казанская находится в 40 км западнее Вёшенской на границе с современной Воронежской областью.

ст. Каргинская находится в 30 км южнее Вёшенской, расположена на р. Чир.

Кароль – личность не выяснена, убит казаками во время восстания 11.03.1919.

Краснов Петр Николаевич (22.09.1869 – январь 1947 г.) – русский генерал от кавалерии, атаман Всеволодского Войска Донского, военный и политический деятель, писатель и публицист. Видный участник Белого движения. Казнен за измену Родине.

Кухтин Александр Петрович, казак станицы Вёшенской, родной брат единственного казака, исключенного в 1918 г. станичным сбором Вёшенской станицы из сословия за большевизм – Кухтина Василия Петровича, сослуживца Ф.Г. Подтелкова. 13 октября 1918 г. приказный Вёшенского полка А.П. Кухтин был награжден Георгиевским крестом 3-й ст., а приказом по Войску Донскому № 561 от 29 марта 1919 г. он был произведен в младшие урядники и в старшие урядники. Как он оказался в 28-м полку во время указанных событий, неизвестно.

Любимов Владимир Виссарионович (24.02.1879, Губинка Самарской губернии – 10 декабря 1937 г.) – советский военный деятель. Из мещан. Закончил Самарскую мужскую гимназию, а затем Казанское

юнкерское училище. Участвовал в русско-японской войне. В 1914 году закончил два курса Николаевской военной академии. Участник Первой мировой войны, последняя должность – старший адъютант штаба 5-го Сибирского армейского корпуса. Подполковник. Добровольно вступил в РККА. В 1918–1920 гг. последовательно занимал должности начальника оперативного отдела штаба 8-й армии, начдива 12-й стрелковой дивизии, начштаба 8-й армии, командарма 8-й армии и др. После гражданской войны последняя должность – старший руководитель кафедры тактики Военной академии механизации и моторизации РККА.

Мельников Иван Георгиевич (1890–?), казак хутора Солонцовского Еланской станицы, происходил из зажиточной семьи. В действительную службу И.Г. Мельников был полковым писарем 12-го Донского полка. Делегатом от полка он избирался на Войсковой круг I созыва. В 1917 г. вступил в партию большевиков. Весной восемнадцатого года был связан с Новочеркасской ЧК. Во время налета восставших казаков на город И.Г. Мельников был в тюрьме, бежал и объявился в белой Донской армии в 28-м Верхне-Донском полку. Вряд ли его связи с ЧК в это время были порваны окончательно. В 1919 г. был адъютантом (начштаба) полка в корпусе Миронова и один из немногих не принял участия в мятеже. Высшая его должность в армии – замначальника штаба дивизии по административной работе. В 1920 г. по просьбе местных властей он вернулся в родной округ, занимал высокие посты, одно время был даже председателем окрисполкома, но оказался замешанным в историю с мятежом эскадрона Фомина и попал под следствие. С этого времени след его снова обрывается, но в 1942 г., при немецкой оккупации, он, по некоторым сведениям, объявился на посту «бургомистра города Миллерово». Умер за границей. Время и место смерти неизвестно.

Мехоношин Константин Александрович (30 октября (11 ноября) 1889 г., поселок Завод-Александровский, Пермский край – 7 мая 1938) – российский революционер, советский военный и государственный деятель. Из семьи учителя. В революционном движении с 1906 г. Учился в Санкт-Петербургском университете, не окончил. В декабре 1915 г. призван в армию, служил рядовым в запасном батальоне вел нелегальную революционную работу. Член Петроградского Военно-революционного комитета, активный участник Октябрьского вооруженного восстания. Сразу после его победы назначен комиссаром при командующем войсками Петроградского военного округа. В годы гражданской войны заместитель наркома по военным делам, член Реввоенсовета (РВС) Восточного фронта, член Реввоенсовета Республики, член РВС Южного фронта, председатель РВС Каспийско-Кавказского фронта и на других должностях. После гражданской войны был начальником Всевобуча, председателем Высшего совета физкультуры и спорта, ответственным редактором издания «Красный спорт», военным атташе в Польше, на руководящих должностях в Госплане СССР и в Осоавиахиме.

ст. Мигулинская – старейшая на Верхнем Дону, находится в 25 км западнее Вёшенской

Обвинников Арсений Васильевич (17.10.1880 – октябрь 1954 г.) ур. Ярыженской ст. Закончил Новочеркасское юнкерское училище в 1905 г. Во время Первой мировой войны – офицер 13-го Донского полка, командир сотни. Награжден Орденом Св. Георгия 4-й ст. за бой 29 мая 1916 г. у Дубовиц, где он в конной атаке взял пулемет и 300 пленных. В 1917 г. избран от 13-го Донского полка на Войсковой Круг. С 21 июля 1918 г. с 10 мая командир 11-го Донского полка, 22 января 1919 г. произведен в генерал-майоры; назначен командиром пограничной бригады с 14.04.1919 № 680 от 19.04.1919; в 1919 г. – командир 7-й конной бригады Хоперской дивизии. В Русской армии с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Эмигрировал в Болгарию, затем во Францию.

Поволоцкий Михаил Абрамович (1896–1938), советский политический деятель. Родился в семье адвоката в г. Александровске. В 1913–1914 гг. – член ПСР. В 1917 году закончил экстерном гимназию в Екатеринославе. В июне 1917 г. вступил в РСДРП(б). С августа 1917 года по март 1918 года – член Екатеринославского комитета РСДРП(б). С марта по апрель 1918 года – заместитель председателя городского отдела народного образования г. Ростов-на-Дону. Затем был арестован белогвардейцами в Ростове, бежал; на подпольной работе в Украине. С октября 1918 года служил в РККА; заведующий отделением информации и связи полит отдела Южного фронта (10.1918–01.1919); заведующий полит отделом 9-й армии (01.1919–08.1919). С августа по сентябрь 1919 г. – член Реввоентрибунала Южного фронта. С августа 1919 г. по март 1920 г. – военком штаба 8-й армии. После гражданской войны на советской и партийной работе. Арестован 14 сентября 1937 г. ГУГБ НКВД СССР в психиатрической больнице им. П.Б. Ганнушкина в Москве, где он лечился. Обвинялся в активном участии в антисоветской правотроцкистской диверсионно-террористической организации.

Свердлов Яков Михайлович (03.06.1885–16.03.1919) – председатель ВЦИК (формальный глава РСФСР) в ноябре 1917 – марте 1919 г.

Симоненко – личность не установлена.

Степанов (Стефанов) Афанасий Ефремович – (22 февраля 1892 г. – (?) 1980). Казак ст. Вёшенской. Образование: Новочеркасская учительская семинария, Новочеркасское юнкерское училище ускоренный выпуск в 1916 г. Казак с 5 августа 1914 г., награжден Георгиевским крестом 4-й ст.; прапорщик – 1 февраля 1916 г. Во время Первой мировой войны – казак 12-го Донского полка, офицер 3-го пешего батальона. Во время гражданской войны – командир сотни 32-го Вёшенского полка, старший цензор штаба Северного фронта, старший адъютант оперативного отдела штаба Северного фронта, в январе 1919 г. временно командующий 28-м полком (казаками, не примкнувшими к восстанию). В 1919–1920 гг. – командир конвойной сотни штаба 2-го Донского

ПРИКАЗЫ 28-го ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА ПО СТАНИЦЕ ВЁШЕНСКОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ

корпуса. Есаул. В эмиграции произведен в войсковые старшины. Париже закончил высшие военно-научные курсы. В 1956 г. вернулся в СССР.

Сырцов Сергей Иванович (05.07.1893, Славгород, Екатеринославская губерния – 10 сентября 1937 г., Москва) – советский партийный и государственный деятель, в 1929–1930 гг. председатель СНК РСФСР. Сын торгового служащего. Закончил в Ростове-на-Дону коммерческое училище. В 1912 г. поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института. В 1916 г. – исключен. Большевик с 1913 г. В октябре 1917 г. – председатель Ростово-Нахичеванского совета и военно-революционного комитета (ВРК). С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. – председатель Донского областного ВРК. В марте – сентябре 1918 г. – заместитель председателя СНК Донской советской республики. Ведущий член Донского бюро ЦК РКП(б). В годы Гражданской войны в январе – апреле 1919 г. – начальник отдела гражданского управления при Реввоенсовете Южного фронта. Один из организаторов политики «расказачивания». В 1920–1921 гг. – секретарь Одесского губкома РКП(б). В 1921–1923 гг. – заведующий Учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б). С 1924 г. – заведующий Агитпропотделом ЦК. Член Президиума Комакадемии, редактор журнала «Коммунистическая революция».

хут. Токин – находится в 10 км к югу от ст. Вёшенской.

Тухачевский Михаил Николаевич (16.02.1893–12.06.1937), советский военачальник, маршал Советского Союза (1935 г.). Дворянского происхождения. Окончил Александровское военное училище в Петербурге, офицер лейб-гвардии Семеновского полка. Участвовал в Первой мировой войне, бежал из плена. После Октябрьской революции 1917 г. перешел на сторону советской власти, в 1918 г. вступил в РСДРП(б). Командовал армиями на Восточном, Южном и Кавказском фронтах. В 1920–1921 гг. руководил Западным фронтом и потерпел поражение от бело-поляков под Варшавой; руководил штурмом Кронштадта; был командующим войсками при ликвидации массового крестьянского восстания под Тамбовом. После войны находился на руководящих постах в армии. С 1936 г. он занимал должности первого заместителя наркома обороны и начальника Управления боевой подготовки.

Фомин Яков Ефимович (1885–1922), казак хутора Рубежного Еланской станицы, был признанным лидером в полку. По своему имущественному положению он был отнюдь не бедняк. Действительную службу он нес в лейб-гвардии Атаманском полку. В 1917 г. он был членом полкового дисциплинарного суда. После событий января 1919 г. сражался в рядах Красной армии, в Донском корпусе Ф.К. Миронова он занимал должность командира полка и даже командира дивизии. В 1920 г. он был назначен командиром караульного эскадрона в Верхне-Донском округе. В марте 1921 г. поднял восстание и стал главарем банды, известной своей жестокостью и беспощадностью. Убит в бою в 1922 г.

Ходоровский Иосиф Исаевич (1885, г. Николаев – 7 мая 1938 г.) – профессиональный революционер, член партии большевиков с 1903 г., Участник Революции 1905–1907 годов. Участник вооруженного восстания в Москве в 1917 году. Член ВЦИК, возглавлял в РВС Южного фронта политотдел и одновременно 17 января – 6 июля 1919 года член РВС фронта. После гражданской войны в Наркомпросе РСФСР, торговый представитель в Италии, затем в Турции, начальник Лечебно-санитарного управления Кремля.

Чернецов Василий Михайлович (22.03.1890, ст. Калитвенская – 21.01.1918, ст. Глубокая). Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской ОВД. Закончил Новочеркасское юнкерское училище в 1909 г. Во время Первой мировой войны сотник 26-го Донского полка; с 30 августа 1915 г. – командир сотни партизан 4-й Донской дивизии. Награжден Георгиевским оружием за нападение с сотней на позиции у деревни Гривнек, где уничтожил роту немцев и взял 12 пленных. В ноябре 1916 г. произведен в есаулы с 20.02.1916. В 1917 г. – председатель выборов на Круг в Калитвенской станице. Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1917 г. организовал и возглавил партизанский отряд своего имени, с которым совершил ряд успешных рейдов на Новочеркасском направлении. Полковник (с января 1918 г.). Взят в плен и убит 21 января 1918 г. под станцией Глубокой.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЕНКОВ Андрей Вадимович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

VENKOV Andrey Vadimovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: andrey_venk@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4455-2822

© А.В. Венков, 2025.

*Дата поступления в редакцию: 02.06.2025.
Дата принятия статьи: 01.07.2025..*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930:004.07

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭСТАФЕТЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА (К ВЫХОДУ МОНОГРАФИИ А.В. ДЮКАРЕВА ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ)

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова (Новочеркасск, Россия)

© 2025 г. Т.В. Панкова-Козочкина

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова (Новочеркасск, Россия)

Аннотация. В статье на основе историографического анализа и рецензирования недавно вышедшей из печати монографии кандидата исторических наук Андрея Викторовича Дюкарева рассматривается актуальная научная проблема трансляции исторической памяти и передачи межпоколенческой социальной эстафеты на примере истории кубанского казачества. Излагается позиция автора монографии по достаточно спорным вопросам исторической памяти кубанского казачества, дается критика некоторых его взглядов, наряду с выяснением исследовательских достижений в изучении далеко не однозначных исторических сюжетов прошлого, показан многотрудный процесс эволюции исторической памяти кубанского казачества на фоне событий российской истории и трансформации российского общества в оценках автора монографии и авторов настоящей статьи.

Ключевые слова: дискуссия, интерпретации, исследования, историки, исторические личности, коллаборационизм, кубанское казачество, социальные трансформации.

SOCIAL RELAY RACES OF THE KUBAN COSSACKS (TO THE PUBLICATION OF A.V. DYUKAREV'S MONOGRAPH ON HISTORICAL MEMORY)

A.P. Skorik

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

T.V. Pankova-Kozochkina

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. Based on the historiographical analysis and review of the recently published monograph of Candidate of Historical Sciences Andrey Viktorovich Dyukarev, the article examines the actual scientific problem of broadcasting historical memory and transmitting the intergenerational social relay race on the example of the history of the Kuban Cossacks. The position of the author of the monograph on rather controversial issues of the historical memory of the Kuban Cossacks is stated, some of his views are criticized, along with clarifying research achievements in the study of far-ambiguous historical plots of the past, the difficult process of evolution of the historical memory of the Kuban Cossacks against the background of events in Russian history and the transformation of Russian society is shown in the assessments of the author of the monograph and the authors of this article.

Keywords: discussion, interpretations, research, historians, historical figures, collaboration, Kuban Cossacks, social transformations.

Социальные эстафеты обеспечивают функционирование механизмов исторической памяти, транслируя устойчивые образцы общественных суждений, логические правила восприятия окружающего мира, формы группового поведения, типы социально-психологических реакций и многое другое, что достается нам в наследство от наших предков. В многообразном социальном опыте кубанского казачества накоплена масса полезных вещей, осмысление которых представляет научный интерес для профессиональных историков. Социальная эстафета XX в. обладает во многовековой истории кубанского казачества наиболее широким контекстуальным и даже гипертекстуальным значением, поэтому появление новых исследований по указанному историческому периоду, вне всякого сомнения, не только актуально, но и вызывает широкий публичный интерес.

В алгоритме удаленного доступа при поддержке компании «Издательские решения» кубанский исследователь, кандидат исторических наук А.В. Дюкарев опубликовал в 2023 г. новую монографию «Историческая память кубанского казачества. Попытки осмысления трудных (спорных) вопросов» [1]. Она посвящена рассмотрению ряда проблем, связанных как с историей кубанского казачества, так и с его современным социокультурным развитием. Как полагает автор, отечественная историческая наука и изменение общественного сознания высветили проблемные вопросы в историческом развитии кубанского казачества, поэтому необходимо их озвучивать и делать предметом открытого честного обсуждения, а не задвигать за полог забвения.

Книга не имеет традиционного введения, в котором бы обстоятельно пояснялась авторская позиция, равно как и отсутствует в ней заключение с итоговыми обобщениями и выводами. Этот подход является весьма непривычным решением для исторического произведения – такие структурные части традиционны для подобных трудов, так как в них излагается замысел исторического сочинения, указываются точки отсчета для авторской рефлексии. И в этом случае недостаточно предложенной Андреем Викторовичем аннотации, хотя, безусловно, это реализация авторского научного замысла.

Весь текст монографии делится на четыре небольшие главы, логически связанные друг с другом в вопросе понимания исторического процесса: от гражданского противостояния в 1917 г. к истокам и проблемам коллаборационизма кубанского казачества, а отсюда к комплексу вопросов исторической памяти этой общности, морально-этическим и духовно-нравственным основам регламентации внутреннего и внешнего бытия казачьего мира. Такой логико-структурный подход к авторскому описанию истории вполне уместен, даже правомерен.

В первом параграфе «Память о прошлом казачества в сознании современного кубанского общества: сквозь призму революции 1917 года» [1, с. 3–8] первой главы «Кубанское казачество и Революция 1917 года» проводится мысль о неотделимости революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны, ибо они вместе продуцировали раскол общества: «Трещина раскола неумолимо прошла и по кубанскому казачеству, разделив его на сторонников новой Советской власти и тех, кто отстаивал заведенный предками уклад жизни, обычаи, традиции. На первоначальном этапе Гражданской войны основная масса казачества старалась соблюсти

нейтралитет, не оказывая явной поддержки ни одной из сторон политического противостояния» [1, с. 3]. В этом отношении кубанцы поступали так же, как и донцы, когда казаки-фронтовики, переживая социально-психологическую и физическую усталость от длительного мирового военного конфликта, ненадолго отошли в сторону от глобального социального раскола. Одним из первых от такой позиции казачества испытал человеческую горечь организатор и вдохновитель Белой Добровольческой армии на Юге России генерал М.В. Алексеев: «...атаманы и правительства казачьих войск», а равно и их «влиятельные, виднейшие советники, меньше всего думали о том, чтобы "идти на Россию спасать" ее от большевиков. Их заботили, прежде всего, "внутреннее благоустройство, поддержание порядка и спокойствия"» [1, с. 4].

Однако «неумолимый маховик революционного противостояния вовлек представителей кубанского казачества по разные стороны баррикад разгоравшейся Гражданской войны», человеческая цена которой оказалась слишком велика и запечатлелась, как подчеркивает А.В. Дюкарев, в социальной и индивидуальной памяти горечью безвозвратных потерь. Со ссылкой на подсчеты В.Н. Ратушняка [2, с. 329] он оценивает эти потери в 331 тыс. человек [1, с. 4]. Наряду с человеческими потерями в самом остром социальном конфликте, трагедией кубанского казачества стала эмиграция, связанная с Революцией 1917 г. и Гражданской войной «одной исторической нитью» [1, с. 5]. Заметим, говоря о Революции 1917 г. он не называет ее Октябрьской, хотя по контексту следует так понимать, но, вероятно, в этом также заключается авторская позиция, ибо никакая иная революция не оказала большего влияния на историю кубанского казачества.

«Имя и Образ Революции 1917 года» вбивались в историческую память кубанского казачества» (того большинства, что осталось на своей малой Родине) «безапелляционными действиями, резолюциями и политикой Советской власти» [1, с. 5], в том числе проведением политики расказачивания, а среди существующих в современной российской историографии определений автор монографии отдает свое предпочтение дефиниции кубанского историка Г.О. Мациевского: «Расказачивание можно и необходимо рассматривать как сложный, многослойный процесс, предполагающий несколько содержательных направлений, которые, в свою очередь, могли переплетаться и накладываться друг на друга» [3]. Мы также полагаем возможным принять такое определение понятия «расказачивание», хотя у нас есть своя авторская позиция [4, с. 445].

Эхом Революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. А.В. Дюкарев называет язву коллаборационизма кубанского казачества в период Второй мировой войны, а среди причин этого явления он выделяет две ментальные модели: «идейно-политическая непримиримость с Советской властью проигравших в Гражданской войне и оказавшихся в эмиграции» кубанских казаков и «желание предъявить свой счет к Советской власти тех, кто пострадал от нее в период 1920–1930-х гг.» [1, с. 6]. Эти продукты исторической памяти кубанского казачества, аккумулированные двумя группами казачьей общности, и «в связи с этим у определенной части кубанского общества, несмотря на значимость Революции 1917 года в отечественной истории, сформирован негативный образ ее восприятия и влияния на судьбу кубанского казачества в XX веке» [1, с. 8].

Во втором параграфе «Российская революция 1917 года в судьбе кубанского казачества: исторические итоги» [1, с. 8–15] первой главы монографии ее автор фор-

мулирует пять тезисов, объясняющих обозначенные исторические итоги, и комментирует каждый из них. К числу указанных тезисов относятся:

«1. Революционная идеология оказала значительное влияние на сознание кубанских казаков» [1, с. 9];

«2. Революция 1917 года явилась катализатором модернизационных процессов, изменяющих образ, историческую востребованность, место и роль казачества в жизни Российского государства» [1, с. 10];

«3. Элита кубанского казачества в лице высшего офицерского состава, региональной буржуазии, интеллигенции, в результате Революции 1917 года получила возможность реализовать свои властно-политические амбиции» [1, с. 11];

«4. Революция 1917 года вскрыла и наглядно показала несостоятельность в условиях стремительного и бурного XX века, консервативного отношения к внешним общественно-политическим процессам и пассивной социальной позиции, присущей кубанскому казачеству в предыдущие исторические периоды» [1, с. 13];

«5. Революция 1917 года является причинно-следственным механизмом изменения исторического вектора дальнейшего существования кубанского казачества» [1, с. 14].

Революция 1917 г., как резюмирует А.В. Дюкарев, «ускорила социальные процессы в казачьей среде, стимулируя дальнейшее экономическое расслоение и идейно-политическое размежевание. Благодаря Революции 1917 года кубанское казачество приобрело краткосрочный опыт автономного государственного существования, выживания и сохранения себя в инородной среде Зарубежья, интегрирования в качественно новую модель бытия советского общества» [1, с. 15].

В третьем параграфе «Кубанское казачество в Гражданской войне: противоречия и разногласия в динамике военно-политического противостояния» [1, с. 16–20] первой главы автор монографии выделяет среди исторических коллизий регионального развития «противоборство между казаками и иногородними по поводу земли. Разногласие носило экономический характер, но во время Гражданской войны и в последующие 20-е годы укрепления советской власти приобретает политическую окраску» [1, с. 16]. А вот первым актом Гражданской войны называется военное столкновение 22 января 1918 г. «красногвардейских отрядов под командованием А.А. Яковлева с добровольческими офицерскими отрядами войскового старшины П.А. Галаева и капитана В.Л. Покровского у п. Энема» [1, с. 18]. Тем не менее «ключевым событием начального периода Гражданской войны на Юге России» в рамках сложившейся в российской историографии традиции обозначается "Ледяной" поход и передислокация Добровольческой армии с Дона на Кубань», где ожидаемой поддержки генералы-организаторы белых добровольцев Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев, увы, не нашли [1, с. 18]. Соответственно, вторым знаковым и глубоким противоречием явилось «разделение кубанского казачества на "белых" и "красных", разведя по разные стороны военно-политического противостояния и родственников, и одностаничников. Беднейшие слои кубанского казачества, и фронтовики поддерживали советскую власть и воевали на ее стороне в составе красногвардейских военных формирований. На сторону Кубанской рады встали представители зажиточных слоев и казачье офицерство, которым пришлось примкнуть к белой Добровольческой армии» [1, с. 18–19]. Здесь в социальном расколе возникают две стороны исторической правды, закрепляемые в исторической памяти кубанского казачества, когда событие состоялось лишь одно, а вот его понимание сформировалось совер-

шенно противоположное, раскрывающее социальное взаимодействие в нескольких параллельных плоскостях: язык один, а слова разные; культурный код один, а рождающиеся культурные традиции, знаки и символы, отличные друг от друга; военные действия одни, а герои совсем иные; казаки кубанские, а цели, устремления, экспектации имеют два вектора; ментальные модели поведения исходят из одного корня, а плоды рождаются непохожие. Что-то в этом было, наверное, от лермонтовского: «Нет, я не Байрон, я другой, // Еще неведомый избранник, // Как он, гонимый миром странник, // Но только с русскою душой». Социальный раскол не остановился на двоичности мира кубанского казачества, и вот мы уже наблюдаем «кубанское действо» с расправой над руководством «самостийной» фракции Кубанской рады со стороны Добровольческой армии. Правда, образно говоря, и на другой стороне широкой социальной реки монолитного единства не наблюдалось, но эту ситуацию А.В. Дюкарев обошел стороной и сделал итоговый вывод: «В ходе Гражданской войны на Юге России кубанское казачество испытывало комплекс противоречий и разногласий, которые окончательно разрушили его структурную и духовно-идейную целостность, подорвали доверие в союзнические обязательства с Добровольческой армией, и явилось одним из факторов поражения белых сил и победы советской власти» [1, с. 20].

В первом параграфе «Гражданская война на Юге России 1917–1922 гг. как первопричина казачьего коллаборационизма» [1, с. 21–28] второй главы «Коллаборационизм и кубанское казачество» автор монографии обращает внимание на две составные части казачьего коллаборационизма, где казаки-эмигранты первой волны составляли меньшинство, ибо «только 1430 казаков из состава Казачьего Стана, выданных советским властям в г. Лиенце, принадлежало к эмигрантам первой волны» [5, с. 649]. Большинство же казаков-коллаборационистов пережило два десятилетия советской власти, и сохранило стойкое ее неприятие в своей исторической памяти, ибо еще не ушли из жизни поколения, воевавшие на стороне Белого движения.

В объяснении истоков казачьего коллаборационизма А.В. Дюкарев обращается к авторитетному суждению узкого специалиста О.В. Ратушняка: «Коллаборационизм казаков был обусловлен, в первую очередь, обидами на советскую власть и проводимые ею репрессии казачества, а также боязнью новой волны репрессий после окончания Второй мировой войны» [6, с. 19]. Андрей Викторович вносит свое существенное дополнение в обозначенный постулат в рамках концепта социальных эстафет, ибо «для России с ее патриотической морально-этической матрицей, не допускающей никакого взаимодействия с врагом, в соответствии с ментальностью русского народа – это чревато своеобразным когнитивным диссонансом». Однако «сила ненависти и непростения к политическим оппонентам и представителям новой социальной формации в лице активных представителей советской власти была столь велика, что пересиливала все старые морально-нравственные императивы» [1, с. 23]. Ни детальное описание антиказачьих акций, ни «сухая статистика не может передать трагедии отдельного человека, в то время как нет ничего более ценного, чем жизнь человека, его чувства, его устремления, жизненный опыт и память, которые он стремится передать следующим поколениям» [1, с. 26], выполнить свою роль в социальной эстафете. Тысячи нанесенных индивидуальных социальных травм сформировали эмоционально-чувственную сферу глобального коллаборационистского процесса, помимо мощного воздействия объективных

исторических факторов постоктябрьского социального конфликта, когда кубанское казачество «из жертвы Советской власти» неотвратимо превратилось «в участника противостояния этой власти» [1, с. 28], перешагнув опасные «красные линии» в отношении к ближнему и в служении своей Родине.

Однако трагедия отдельного человека этим не исчерпывается, ибо коллаборационизм, как мы полагаем, рождается из совокупности негативных человеческих качеств. К сожалению, не каждый человек проявляет должную личную готовность при определенных жизненных обстоятельствах преодолеть, подавить свои внутренние страхи при угрозе личной безопасности, когда он почему-то допускает слабование, нестерпимо жаждет комфорта, непременно рассчитывает на вознаграждение за приспособление к ситуации и совершенно теряет разум, чтобы твердо действовать в рамках общественно признанных духовно-нравственных норм и ценностей, чтобы исполнить свой гражданский и личностный долг. Так рождается элементарная человеческая трусость, а она и есть существенная причина коллаборационизма. Именно она стала одной из движущих сил поступка генерал-лейтенанта А.А. Власова, который бросил 2-ю ударную армию Волховского фронта на произвол судьбы, просто трусил и сдался в плен фашистам, забыв про офицерскую честь, гражданский долг и семью.

Трагедией отдельного человека и/или определенной социальной группы является выход из латентного состояния, и/или обретение такого негативного человеческого качества как предательство (измена), выступающего, на наш взгляд, еще одним источником коллаборационизма, когда напрочь утрачивается верность Родине, какими бы рациональными причинами это не объяснялось, ибо Вторая мировая война, тем более Великая Отечественная война, отнюдь не были реальным, прямым продолжением Гражданской войны. Вот где проходит исторический рубеж для коллаборационизма. «Так нелепо, странно видеть этих русских людей в немецкой форме, – говорил ярый борец с большевизмом А.И. Деникин, – а сказать прямо, как же это так? Понимаете ли, что врагу России служить – нельзя... Нельзя!» [7, с. 106]. И здесь нечего добавит! Даже рассуждать о верности присяге, пожалуй, недостаточно, ибо налицо сознательное нарушение человеком клятвы уже почти ничего не значит, ведь он на стороне врага России. Вот она «красная линия», то самое отклонение от норм и ценностей российского общества, обычаев и традиций казачества, против которых часть казаков выступила, отреклась от единоверцев, присягнув Гитлеру.

В свое время лидер партии кадетов П.Н. Милюков произнес 1 ноября 1916 г. знаменитую речь «Глупость или измена?» на заседании Государственной думы. Размышляя над этой проблемой, зададим свой риторический вопрос: а Новороссийская катастрофа в марте 1920 г. была следствием глупости, или же все-таки здесь очевидна измена, в результате которой тысячи кубанских и донских казаков оказались за бортом Белого движения. Может быть, и здесь также следует искать первичные истоки коллаборационизма?! Там, где казачья масса (опытные воины) была выброшена за полной ненадобностью на «свалку» жертв политического предательства и социальной измены в военном конфликте. А не только уповать на чрезмерно жестокий советский (большевистский, сталинский) политический режим?! Новороссийской катастрофе предшествовала гибель донской конницы в феврале 1920 года в Задонской степи (Егорлыкская операция 1920 г. в советской терминологии). И опять всё тот же вопрос... Правда, мы его теперь повторяем

вслед за профессором А.В. Венковым [8], хотя напрямую он по итогу повествования его не задает.

Также заметим, основная масса казачества, будучи аполитичной, первоначально вовсе не противилась созданию советов в постоктябрьской России. Рядовым казакам порой сложно было тогда разобраться в ситуации. В этой связи интересны воспоминания казака хутора Кудинова донской станицы Андреевской Я.А. Топоркова: *«Никак не помяну, чи белым два раза служил, а красным три раза, чи наоборот... Тада как было: придуть, отмобилизуют, спробуй не пойтить, плетюганов получишь, а то и порубают. Сбежишь, опять же, другие заметут. Что мы ведали о большаках, о кадетах? Да ничего!»*.

Коллаборационизм он проистекает и от человеческой безысходности, равно как и от применения насилия, когда честь и память вообще где-то скрылись за горизонтом человеческой души...

В представленном втором параграфе «Интерпретация деятельности атамана В.Г. Науменко как отражение проблемы рассмотрения казачьего коллаборационизма в отечественной историографии» [1, с. 28–34] второй главы монографии А.В. Дюкарев вполне правомерно подчеркивает: «Научные исследования, рассматривающие факты сотрудничества советских граждан с гражданской и военной администрацией нацистской Германии в 1941–1945 гг. продолжают быть в фокусе внимания, как профессиональных историков, так и общественности, но это не снимает с повестки дня наличие вопросов без ответов и наличие общественной напряженности» [1, с. 28]. Нынешняя историографическая ситуация остается сложной, а появление диссертаций с положительной переоценкой коллаборационизма вызывает негативный научный резонанс и широкий общественный протест [9]. На этом фоне вопрос об интерпретации деятельности войскового атамана Кубанского казачьего войска в зарубежье В.Г. Науменко требует взвешенных подходов, но в постсоветский период сформировалось к нему коллизийное отношение, которое «объясняется несколькими причинами:

Во-первых, определенной идеализацией В.Г. Науменко и всего что связано с историей казачества в эмиграции и жизни за «железным занавесом».

Во-вторых, наличием планов политического руководства Краснодарского края и Кубанского казачьего войска вернуть казачьим регалии из США на Кубань.

В-третьих, нежеланием или неготовностью историков давать оценку морально-нравственным аспектам деятельности самого В.Г. Науменко, его ближайших соратников и казачества в целом, связанной с проявлениями коллаборационизма» [1, с. 29].

Ситуацию осложняет то обстоятельство, что «на данный момент выявлены факты сотрудничества атамана В.Г. Науменко с представителями немецкого военного командования и оккупационных властей в годы Великой Отечественной войны, что негативно влияет на оценку его как личности и общественно-политического деятеля российской эмиграции» [1, с. 29]. В условиях, когда «среди исследователей до сих пор идет дискуссия о причинах и характере отечественного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, в том числе и казачьего» [1, с. 30], важно расставить акценты. С правовой точки зрения претензий к атаману В.Г. Науменко не имеется. Во-первых, по нему нет решений советских судебных инстанций, в отличие от его соратников по Гражданской войне и эмиграции. Во-вторых, американские органы правосудия не выявили «в действиях атамана В.Г. Науменко в период Второй мировой войны фактов военных преступлений» [1, с. 32]. В-третьих, про-

верка Главной военной прокуратуры не установила фактов его преступных деяний. В-четвертых, Международный военный трибунал не обнаружил никаких документальных данных о совершении В.Г. Науменко преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечества.

Тем не менее, существующая в настоящее время «общественная оценка казачьему коллаборационизму на примере отношения к атаману В.Г. Науменко достаточно болезненна и противоречива», ибо он «в трудные для Отчизны времена находился по другую сторону баррикад», поэтому многие в нём видят «врага и предателя». В среде возрождающего казачества его не вычеркивают из числа кубанцев и отводят законное место среди кубанских атаманов. В итоге «общество раскололось в своем мнении в вопросе морально-нравственной оценки деятельности атамана В.Г. Науменко» [1, с. 33, 34].

В третьем параграфе «Персоны нон грата истории кубанского казачества» [1, с. 34–45] второй главы монографии А.В. Дюкарев фиксирует однозначную современную историографическую тенденцию, когда «мы наблюдаем желание правящей политической элиты через государственные институты более жестко и предметно контролировать общественную сферу, определять политику памяти о прошлом. Отражением ограничения исследовательской свободы в исторической науке является появление «фигур умолчания», определенных исторических персонажей, раскрытие роли которых в историческом процессе становится неудобным.

Речь не идет об оправдании или обелении исторических лиц, чья деятельность вызывает общественное и государственно-правовое осуждение и порицание. Отнюдь! Но историк сам вправе определять предмет и объект своего исследования, руководствуясь актуальностью, научной новизной, общественным запросом, а не мнением «товарищей сверху» [1, с. 35]. И здесь трудно не согласиться с цитируемым мнением московских историков, докторов исторических наук С.В. Алексеева и О.А. Плотниковой: «Очевидно, что любым историком, как прошлого, так и настоящего должен руководить критический разум исследователя, а также стремление передать описываемые события предельно подлинно и ясно» [10, с. 163].

В качестве «фигур умолчания» в отечественной историографии в своей монографии А.В. Дюкарев называет В.Г. Науменко, А.Г. Шкуро, В.Ф. Рябоконя [1, с. 35] и дает историографический обзор научной литературы, посвященной исключительно этим персонам, но в данном фрагменте монографии основное внимание уделено В.Г. Науменко [1, с. 36–40], что вполне объяснимо, ибо о нём Андрей Викторович написал и защитил кандидатскую диссертацию [11]. А вот А.Г. Шкуро удостоился меньшего внимания, как в тексте монографии [1, с. 40–42], так в отмеченных историографических источниках, а имя В.Ф. Рябоконя «поверхностно упоминается лишь в контексте бело-зеленого движения на Кубани в 20-е гг.» [1, с. 43].

Подводя итоги своего обращения к «фигурам умолчания», А.В. Дюкарев делает следующий вывод: «Рассмотренные нами исторические лица не являются образцами добродетели, в своей жизни [они] совершали ошибки и, может быть, пошли не той исторической дорогой, но это не должно делать их изгоями в истории. Для истории все едины. А героями и мерзавцами они становятся уже в наших глазах, под воздействием процесса трансформации коллективной памяти...

Наличие персон нон грата и «белых пятен» в истории негативно отражается на развитии самой исторической науки и общества в целом. Нераскрываемость образа исторической персоны и причинно-следственных связей разворачива-

ния полотна эпохи ведет к мифологизации исторического процесса и появлению модели, искажающей истинное прошлое и формирующей ложное пространство настоящего: «миф – фальсификация истории – управление сознанием и социальным поведением масс» [1, с. 44–45]. Мы бы здесь процитировали афоризм немецкого поэта и журналиста Маттиаса Клаудиуса: «Не следует говорить всего, что знаешь, но всегда следует знать, что говоришь. Всегда знай предмет, о котором говоришь, и всегда знай, о чем лучше промолчать». В то же время поговорка «Не всякая правда к месту» дает понять, что человек не обязан на каждом шагу выражать всё, что он думает и чувствует. Воспитывать только на трагедии нельзя!

В четвертом параграфе «Генерал А.Г. Шкуро: стереотипы негативных характеристик и объективный образ» [1, с. 45–53] второй главы автор монографии излагает две противоположные точки зрения на деятельность известной персоны Гражданской войны и предметно подчеркивает, что «в условиях возрождения казачьего движения, имя и образ А.Г. Шкуро стали популярны у значительной части кубанского казачества» [1, с. 45]. «Его возвращение в историческую память кубанского казачества стало возможно благодаря единственному на данный момент исследованию [12], объективно рассматривающему личность генерала А.Г. Шкуро, «отца-основателя» кубанского краеведения Виталия Петровича Бардадыма – «Жизнь генерала Шкуро» [1, с. 46]. Нелестные характеристики А.Г. Шкуро принадлежат перу одного из лидеров Белого движения П.Н. Врангеля [13, с. 86, 122], бывшего военного прокурора Вооруженных сил Юга России И.М. Калинина [14], адъютанта генерала В.З. Май-Маевского, капитана П.В. Макарова [15, с. 25–28], кстати, ставшего прототипом Павла Кольцова в известном пятисерийном художественном телефильме «Адъютант его превосходительства» (режиссер Е.И. Ташков, 1969 г.). По мнению историка А.В. Дюкарева, именно «такие характеристики генерала А.Г. Шкуро формировали его негативный образ, и транслируемые через литературу, закреплялись в сознании общества» [1, с. 49].

Деятель белой эмиграции Ф.И. Елисеев, полковник, кубанский казак, наоборот дает характеристику А.Г. Шкуро иного плана, и в его детальном описании он предстает как истинный народный герой, почитаемый кубанскими казаками, знаток казачьих традиций, прославленный казачий командир [16, с. 31–33]. Заметим, главнокомандующий Добровольческой армией, генерал-лейтенант А.И. Деникин называл А.Г. Шкуро национальным героем Кубани, хотя тут же понизил в должности с командира дивизии до командира бригады. «Очевидно «тип настоящего партизана», – подчеркивает А.В. Дюкарев, – настораживал и беспокоил «власть предержащих» генералов, но приходилось считаться с их популярностью в казачьей среде» [1, с. 50].

Активный участник Гражданской войны на стороне белых, генерал-лейтенант П.С. Махров представляет в своих записках А.Г. Шкуро в качестве народного самородка, «человека сердечной чистоты», который «помогал вдовам и сиротам своих казаков» [17, с. 126–127]. Активный деятель русской эмиграции, капитан 2-го ранга (стал в эмиграции контр-адмиралом) Г.Г. Граф характеризует А.Г. Шкуро как непримиримого врага большевизма, готового бороться с ним до конца своих дней [18, с. 261]. Бывший войсковой атаман В.Г. Науменко называет его выдающимся «белым партизаном» [19, с. 351].

На основе рассмотрения различных, негативных и позитивных отзывов о А.Г. Шкуро в своей монографии А.В. Дюкарев излагает авторскую позицию. По

его мнению, в наличествующей историографии «белый партизан» «предстает противоречивой, но харизматичной личностью, вознесенной к высотам власти самой революционной эпохой и вихрем Гражданской войны. Несомненно, в его характере присутствовали черты и наклонности, не соответствующие идеалу добропорядочного героя, как бесспорно и то, что его многие действия выходили за этические рамки. Однако не будем забывать, что сама эпоха смешала понятия дозволенного и возможного» [1, с. 52–53].

В пятом параграфе «Коллаборационизм и/или военно-политическая оппозиция казачества Юга России: к постановке научно-этической проблемы» [1, с. 53–57] второй главы А.В. Дюкарев аргументирует собственную точку в отношении казаков-эмигрантов, к которым ни в коей мере «нельзя применить термин «коллаборационисты». Выдворенные с территории страны, не являясь юридически гражданами СССР, они не могли его и предать. Наоборот, они открыто считали себя и СССР врагами» [1, с. 55]. Это первый аргумент.

Второй аргумент А.В. Дюкарева: «В то же время неуместно в условиях трансформации российского общества, смены общественно-политического формата российского государства употреблять терминологию советской эпохи – «предатель», «пособник» – несущих ярко выраженный политизированный и эмоциональный посыл. Поэтому, говоря об участии казачьей эмиграции в Великой Отечественной войне на стороне Германии, более точным и объективным будет термин «военно-политическая оппозиция» [1, с. 55–56]. Но казаки-эмигранты направили полученное от Германии оружие «против своего народа, они преступали морально-этические принципы, в первую очередь, самого казачества». Иначе говоря, «термин «коллаборационист» применим к представителям казачества Юга России, воевавшим на стороне Германии в период Великой Отечественной, лишь к тем, кто являлся гражданином СССР». Тем не менее «обе категории казачества Юга России, принимавшие участие в Великой Отечественной войне на стороне нацистской Германии, с юридической точки зрения, подлежат уголовному наказанию в случае наличия военных преступлений и моральному осуждению безотносительно причин, побудивших их к сотрудничеству с Германией» [1, с. 56–57].

Однако с юридической точки зрения, опираясь на действующее ныне российское законодательство, может быть, лучше употреблять в данном случае термин «иноагент»? А «предатель», увы, это не исключительно советский термин. Предатели своей Родины есть и в других странах, поэтому просто вещи нужно называть своими именами. Пособник нацистов, кем бы он ни был по происхождению, по его официальному гражданству, пособником нацистов так и останется, ибо первична в его жизнедеятельности помощь именно нацистам, а уж затем следует демонстрация оппозиционности политическому режиму. Вот так мы считаем, чтобы не затушевывать предательство своей исторической родины, какой бы там политический режим не существовал.

В федеральном законе «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ в пунктах 1 и 2 статьи 1 недвусмысленно «под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 настоящего Федерального закона... Иностранным агентом может быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой

формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового».

В федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013 г.) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», согласно пункту 1 статьи 1, «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нём и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии».

Тем самым, если всё же исходить из современных подходов, к которым настойчиво апеллирует А.В. Дюкарев, то, на наш взгляд, лучше пользоваться двумя понятиями «иноагенты» и «соотечественники» в отношении казачьей эмиграции, поскольку эти понятия расставляют всё на свои места. Если казак вынужденно покинул Родину, но не наносил ей вреда, то он, несомненно, соотечественник, а если он оказался в стане врага и решил воевать против своей Родины, то он как минимум иноагент, хотя в обоих названных случаях страна происхождения может быть одна.

В первом параграфе «Историческая память кубанского казачества: трансляция – трансформация – преемственность» [1, с. 58–68] третьей главы «Кубанское казачество и проблемы исторической памяти» автор монографии отмечает актуализацию проблемы исторической памяти по четырем обстоятельствам: обеспечение функционирования механизма социальной преемственности, канал властного государственного влияния на российское общество, сохранение этносоциальной идентичности казачества, развитие системы непрерывного казачьего образования. При установлении дефиниции «историческая память» А.В. Дюкарев обращается к трактовке известного специалиста в этом вопросе доктора исторических наук И.Е. Козновой [20]. Это «понимание исторической памяти как символического представления о прошлом, сохраняющего смыслы, ценности, образцы и формы поведения, и выступающая как необходимая коммуникация с прошлым, являясь одним из проявлений социальных начал жизни» [1, с. 60].

На основе краткого исторического экскурса о формировании кубанского казачества на территории нового региона Российской империи автор делает итоговый вывод: «В условиях переселения казачества на новые земли, хозяйственной колонизации и общественного обустройства Кубани, трансляция исторической памяти последующим поколениям являлась механизмом решения этнокультурных задач, этнической и сословной самоидентификации кубанского казачества» [1, с. 63], то есть выступала социальной эстафетой. Однако нам трудно согласиться с иным выводом А.В. Дюкарева об исторической памяти, характерной исключительно для советского периода истории казачества, когда он пишет: «В рамках функционирования советского общества, историческая память кубанского казачества находилась в «законсервированном» виде, механически передаваясь из поколения в поколение, не имела возможности решать свои социализирующие и педагогические задачи» [1, с. 64]. Мы занимались исследованием кампании «за советское казачество» на примере казачьих регионов Юга России и такой вот «механики» в функционировании исторической памяти не фиксировали, когда, например, кубанские и терские казаки прибыли к донским казакам на парад в Ростов-на-Дону в характерном костю-

ме на лошадях в марте 1936 г., а затем такие точно казачьи торжества состоялись в Пятигорске с участием донских, кубанских и терских казаков в их традиционной форме [21, с. 314, 315]. А куда деть кампанию «лицом к казачеству» [22, с. 456–492], когда всё казачье выдвигалось на первый план, да те же кубанки, открыто носившиеся не только кубанскими казаками?! И этот перечень можно продолжать дальше.

«Лишь с начала 90-х гг. XX века, – подчеркивает автор монографии, – историческая память кубанского казачества становится востребована обществом, которое совершило очередной поворот в своем развитии. Стремительно возрождающееся кубанское казачество испытывало острую необходимость в наполнении своей духовной сферы через историческую память, вновь включив механизм ее трансляции» [1, с. 64]. Из текста не понятно, кто же открыл заветный клапан, образно говоря, для мощного выплеска исторической памяти кубанского казачества. Может быть, здесь речь всё же идет об очередном социальном проекте, как на Дону [23]?

В авторской трактовке А.В. Дюкарева, «современный процесс трансляции исторической памяти кубанского казачества реализуется в трех временных векторах:

1. Направленность в прошлое с целью воскрешения славных боевых страниц, ярких портретов атаманов и героев, духовно-нравственных традиций;
2. Утверждение в настоящем через создание мест памяти, юбилейных мероприятий, научных исследований;
3. Устремленность в будущее, реализуя принцип преемственности, связывая дореволюционное историческое наследие, вбирая себя и не отвергая опыт бытия в советский период и дополняя современными исследованиями и интерпретациями.

На современном этапе в рамках вопроса трансляции исторической памяти кубанского казачества идет активный процесс коммеморации путем восприятия прошлого через актуализацию его событий, персонажей и образов в контексте сегодняшней социокультурной и политической ситуации, и более это проявляется в региональном пространстве» [1, с. 64]. Это привело, по мысли автора монографии, к появлению новых мест памяти на уровне городов, станиц и хуторов, что обеспечило «восстановление исторической памяти», а это было главной целью перечисляемых многочисленных мемориальных проектов, и привело к передаче социальной эстафеты будущим поколениям казаков.

Трансформацию исторической памяти кубанского казачества в наше время А.В. Дюкарев связывает, прежде всего, с реализацией государственных интересов. «Государство и политическая элита пытаются развернуть общество в сторону неоконсервативного пути развития, что не могло не отразиться на месте и роли казачества в общественной жизни. Императивы, поступающие от государства, жестко регламентируют степень дозволенного для казачества, определяют удобных исторических персонажей и ненужные страницы из прошлого, которые не стоит упоминать. Всё это ведет к искажению исторической памяти кубанского казачества» [1, с. 65]. В качестве фактов подтверждения этого авторского постулата приводится наличие сегодня «фигур умолчания», к которым отнесены В.Г. Науменко, А.Г. Шкуро, В.Ф. Рябоконь. Трансформацию исторической памяти кубанского казачества обуславливает также «Раскол, произошедший в 1917 году и разделивший российское общество и казачество на прямолинейную систему идентификации «свой – чужой», в результате чего «представители различных течений в казачьем сообществе опираются каждый на свою историческую правду» [1, с. 66].

По мнению А.В. Дюкарева, в настоящее время фиксируются следующие тревожные негативные тенденции в существовании исторической памяти: 1) насильственная коррекция механизма «трансляции – трансформации – преемственности»; 2) неспособность «российской политической элиты предложить обществу перспективные идеологемы, направленные в будущее, и ей ничего не остается, как эксплуатировать историческое наследие, придавая ему необходимую огранку»; 3) воздействие на историческую память, ведущее к прямому нарушению «прав человека – на свободу получения информации, на возможность мыслить, иметь и высказывать свое мнение» [1, с. 67]. Тем не менее, историческая память кубанского казачества, правомерно резюмирует автор монографии в конце первого параграфа третьей главы, «продолжает, и будет продолжать реализовывать функцию наследования культурных, духовных, нравственных ценностей для последующих поколений, являться механизмом самоидентификации кубанского казачества» [1, с. 67–68].

Во втором параграфе «Образ войны в сознании кубанского казачества между исторической политикой и исторической памятью» [1, с. 68–71] третьей главы А.В. Дюкарев, с нашей точки зрения в смысловых рамках концепции символического интеракционизма, обращается к коннотационной трактовке войны в исторической памяти кубанского казачества. «Война ассоциируется в казачьем сознании проявлением храбрости и героизма как неотъемлемой черты воина-защитника... Война должна быть справедливой, а в таком случае, враг должен быть агрессором или представителем другой религии, а значит «другого» мира» [1, с. 68]. Со ссылкой на учебное пособие Е.М. Белецкой и Н.Н. Великой, автор монографии связывает образ войны с социокультурным архетипом захватчика, в качестве которого для кубанского казачества традиционно представал «ба(у)сурманин», терминологически «произошедший от названия мусульманских купцов-откупщиков "бесерменов", которые собирали на Руси дань для Золотой Орды» [24, с. 107].

К началу XX в., как указывает автор монографии, «в исторической памяти кубанского казачества закрепились образы героев Кавказской войны 1817–1864 гг.», и особой популярностью пользовались казацки генералы Я.Г. Кухаренко, П.Д. Бабыч, Н.П. Слепцов, Ф.А. Круковский и др. [1, с. 69]. Однако «Революция 1917 года, Гражданская война, советская модернизация 20–30х гг., Великая Отечественная война внесли в исторический опыт и историческую память кубанского казачества образ войны с врагом не только с чужаком-иностранцем, но и с врагом-соотечественником» [1, с. 70]. Причем «военные события Гражданской войны трактуются как братоубийственные, жестокие деяния со стороны всех участников, при отказе признания нелегитимного прихода к власти большевиков» [1, с. 71]. А вот характерный «образ войны конца XX века вошел в сознание кубанского казачества через сюжеты ожесточенных схваток с националистическими деструктивными силами в рамках локальных конфликтов» [1, с. 70]. В целом же, как резюмируется в конце второго параграфа третьей главы монографии, «образ войны в сознании кубанского казачества в различные исторические периоды был доминирующим в формировании и трансляции исторической памяти, испытывая при этом влияние выработанной государством политики памяти» [1, с. 71]. И здесь мы полностью согласны с авторской позицией.

В третьем параграфе «Проблемы формирования этносоциальной идентичности кубанского казачества на современном этапе (начало XXI века)» [1, с. 72–78] тре-

тей главы А.В. Дюкарев указывает на две базисные характеристики российского казачества: «с одной стороны функционально казачество было военно-служилым сословием, а с другой, практически все казачьи войска являют образец этнокультурной группы» [1, с. 72]. Причем при изложении этносоциальной эволюции кубанского казачества автор монографии фиксирует внимание на незначительности доли собственно казачьего ядра. Так, «по подсчетам И.В. Бентковского, в 1795 г. "истых сечевиков" насчитывалось только 30 %, "охотников" из свободных людей – 40 %, "прочих" – 30 %» [25, с. 20]. Кубанское казачество исторически формировалось из различных социальных и этнических групп, в том числе из представителей изначально недружественных этносов, и эти тенденции прослеживаются в монографии на примере двух основных частей Кубанского казачьего войска: черноморцев и линейцев. И, соответственно, шел «процесс трансформации всех задействованных субъектов в новый социальный конструкт – кубанское казачество» [1, с. 76]. Что касается данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., то они, по мнению А.В. Дюкарева, не отражают адекватно «картину этносоциальной идентичности современного кубанского казачества» [1, с. 76], поэтому он поддерживает позицию А.В. Бредихина, подчеркивающего, что «требование выделить казаков в отдельную национальность носит политизированный характер» [26, с. 15]. «На процесс формирования этносоциальной идентичности кубанского казачества на современном этапе, – резюмирует в итоге автор монографии, – влияют разноплановые факторы, порожденные как особенностями исторической эволюции, так и реалиями политического и социального развития российского общества» [1, с. 77–78].

Актуальность сюжетов четвертого параграфа «Отражение военной истории кубанского казачества в учебном курсе "Кубановедение" как средство формирования региональной идентичности» [1, с. 78–86] третьей главы напрямую вытекает из смысловых трактовок предшествующего параграфа данной главы, поскольку «к проблеме формирования этносоциальной идентичности имеет непосредственное отношение вовлечение в этот процесс системы образования. Распоряжением губернатора Краснодарского края в регионе введено повсеместное открытие казачьих классов, в которых обучается около 80 тысяч учащихся. В связи этим остро встает вопрос о содержании казачьего компонента в образовательных организациях, на основе которого и будет формироваться казачья идентичность у учащихся. На современном этапе механизмами формирования этносоциальной идентичности кубанского казачества могут выступать генеалогия, и семейная история, и система морально-этических ценностей и своеобразных ей моделей поведения российского казачества, которые можно условно обозначить как "Кодекс чести казака"» [1, с. 77].

В настоящее время «классы казачьей направленности функционируют во всех общеобразовательных школах Краснодарского края. Особенность содержания образования в них характеризуется изучением казачьего компонента, где военная история казачества занимает значимое место» [1, с. 78] в учебном курсе «Кубановедение», обязательное преподавание которого началось в регионе с 1 сентября 2004 г.

На примерах Отечественной войны 1812 г., Кавказской войны 1817–1864 гг., Крымской войны 1853–1856 гг., русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Первой мировой войны А.В. Дюкарев рассматривает учебно-воспитательные фрагменты непосредственной работы с учащимися по формированию региональной идентичности, отмечая какие именно моменты из военной истории помогут учителю это сделать, какие примеры непременно следует использовать в педагогической практике.

«Анализируя линейку учебников регионального интегрированного курса "Кубановедение" для общеобразовательных школ Краснодарского края [27–31], – итожит автор монографии, – можно отметить, что военная история кубанского казачества сопряжена с основными геополитическими событиями Российской империи в XIX – начала XX веков. При этом демонстрируется набор основных сюжетов и героев, ставших классическими, призванных подчеркнуть героическое прошлое кубанского казачества и его верное служение Отечеству. Авторы учебников избегают острых оценок и негативных характеристик противников в рассматриваемых войнах, стараясь толерантно и без эмоций дать только факты былого противостояния» [1, с. 85–86].

В первом параграфе «Кодекс чести казака как система нравственно-этических основ кубанского казачества» [1, с. 87–103] четвертой главы «Морально-этические и духовно-нравственные основы регламентации внутреннего и внешнего бытия казачьего мира» А.В. Дюкарев обосновывает необходимость выработки «Кодекса чести казака», но завершённого текстового проекта не приводит, хотя апеллирует к разным периодам в истории казачества. В развернутом виде он формулирует обозначенный кодекс в другом издании, где выступает в качестве составителя [32], а под разработкой «Кодекса чести казака» Андрей Викторович понимает «процесс формирования и своеобразие комплекса этических норм, нравственных установок и правил поведения» [1, с. 88]. Однако кодекс не может существовать без основополагающей идеи. «Такой идеей, дающей силу и бесстрашие в бою, спокойствие при встрече со смертью, самоотверженное принятие страданий и своей судьбы, такой идеей была защита православной веры» [1, с. 91]. Кроме того, «в системе ценностей казачества видное место занимали воинское искусство, ратные подвиги и боевая доблесть, а важнейшим побудительным мотивом в поведении казака выступала слава» [1, с. 92]. Важной ценностной категорией для «Кодекса чести казака» «является превалирование общественно-коллективного формата над индивидуально-эгоистическим» [1, с. 93], ибо казак казаку – брат, а на войне во сто крат, и т.д. Кроме того, «настоящий казак, воспитанный и живущий по законам казачьей чести, должен уважать и почитать представителей старшего поколения, внимать их мудрости, заботиться и обеспечить достойную старость» [1, с. 94]. В «Кодекс чести казака», по мнению А.В. Дюкарева, должны обязательно войти: «трудолюбие, хозяйственная смекалка, экономическая самостоятельность, самостоятельность, самоощущение и самоидентификация себя как хозяина, уважение к женщине, трепетное отношение к девичьей чести и добродетели, забота о детях и престарелых родителях, иждивение вдов и сирот» [1, с. 98]. Важно закрепить в «Кодексе» идею служения Родине, которая претерпела очень существенные исторические трансформации [1, с. 98–100].

В формировании «Кодекса чести казака» важнейшей проблемой является наличие возможности трансляции нравственно-этических казачьих ценностей, их обязательной «передачи последующим поколениям и соответствующего социокультурного и педагогического воздействия на них» [1, с. 100]. В качестве каналов трансляции А.В. Дюкарев рассматривает устное народное творчество (поговорки, пословицы, былины и т.п.), песенный фольклор, художественные произведения. Тем самым, социальная эстафета кубанского казачества получает заметное видовое разнообразие.

Во втором параграфе «Семейная история кубанского казачества как фактор духовно-нравственного воспитания» [1, с. 103–111] четвертой главы автор монографии рассматривает сюжеты, давно интересующие нас в качестве предмета самостоятельного исследования [33]. По его мнению, необходимо шире привлекать

подростков к составлению своих семейных родословных, к реконструкции детальных исторических биографий отдельных казаков и казачьих лидеров с элементами «анализа политических, социальных и культурных событий, основываясь на данных выстроенных родословных структур» [1, с. 103–104]. Кроме важного функционального итога составления родословных с введением в научный оборот ранее неизвестных исторических источников, «эффект духовно-нравственного воздействия на учащихся в результате занятий ими генеалогическими исследованиями заключается в том, что каждая родословная, помимо поиска и определения земных корней рода, высвечивает еще и духовные корни. Наличие и отображение в родословной духовных корней показывает внутреннее содержание и нравственную позицию, как отдельной семьи, так и всего рода» [1, с. 104], что демонстрирует, в свою очередь, фамильную честь в качестве особой социальной ценности.

Индивидуальные творческие задания учащимся в процессе изучения регионального компонента, в том числе истории кубанского казачества, формируют историческое самосознание, способствуют патриотическому воспитанию подрастающего поколения, а оно предполагает обязательную военно-патриотическую работу, где как нельзя лучше пригодится знание военной истории казачества, воспитание и научение чувству любви к Родине, чтобы подростку пришло «осознанное понимание патриотизма и как своего долга, и как своей обязанности перед Родиной по ее защите» [1, с. 106]. Только «научив подростка гордиться и любить историю своей семьи, рода, мы научим его любить как свою "малую" родину, так и "большую". В рамках данной концепции автор [монографии] предлагает включить в исследования по историческому регионоведению **модель "личность – семья – родной край"**, т.е. деятельность отдельно взятой исторической личности – семейная история, вклад семьи, рода и развитие исторического процесса в регионе – история края, которая и складывается из совокупности многих семейных историй» [1, с. 107].

Через привлечение подростков к генеалогическим исследованиям удастся получить один из способов решения проблемы их социализации, имеющий двоякое значение: «Сам человек прилагает усилия для овладения социальными навыками, и общество, посредством воспитания, образования, приобщения его к культуре, трансформирует его» [1, с. 108]. Примечательно, что авторские выводы о воспитательной значимости широкого применения генеалогической практики подростков в преподавании регионального курса «Кубановедения» А.В. Дюкарев подкрепляет конкретными данными социологического исследования, проведенного в СОШ № 3 г. Славянска, и в итоге правомерно резюмирует: «Занятия с ребенком генеалогией **формируют благоприятную социализированную среду в его собственной семье**» [1, с. 111]. Как полагает автор монографии, «обращение ученых и педагогов к генеалогии кубанского казачества через включение регионального компонента в образовательное пространство на всех его уровнях позволит ввести в научный оборот огромный региональный массив фактического материала и, с одной стороны, развить прикладные направления генеалогической науки, а, с другой, – является содержательным полем для исследовательской работы учащихся» [1, с. 111].

Таким образом, в результате рассмотрения монографии А.В. Дюкарева мы приходим к выводу о знаковой актуальности поднимаемых им проблем, ибо проблема исторической памяти сегодня активно выдвигается в гуманитарных науках, и произошла институализация исследований памяти (*memory studies*), о чем пишет И.Е. Кознова [34, с. 5–6], особенно, в исторической науке, где сам принцип историз-

ма изначально указывает на механизмы исторической памяти. В рецензируемом нами произведении мы видим большой объем проделанной аналитической работы: автор приводит массу оригинальных интерпретаций, с которыми можно соглашаться или нет, но они есть, и это характеризует труд с позитивной стороны. Авторская позиция подкрепляется большим объемом конкретно-исторического материала, хорошо подобранного и поданного своему читателю, чье внимание, несомненно, привлекут цитируемые многочисленные факты историографии и компаративистские сюжеты, что безоговорочно свидетельствует о глубоком исследовательском проникновении в изучаемую проблему исторической памяти. Конечно же, мы изначально ожидали такой же обстоятельной работы с историческими источниками, но, на наш взгляд, развернутый источниковедческий анализ, к сожалению, почему-то не стал примечательной характеристикой данной монографии, хотя, скажем, вопрос о мифологизации исторической памяти лучше раскрывается именно через аналитическое обращение к уникальным историческим документам. Вместе с тем, А.В. Дюкареву удалось предметно изучить специфику коллективной памяти кубанского казачества в разные исторические периоды эпохального XX века и даже охватить нынешние времена. Он реконструирует историческую память кубанского казачества как социокультурный феномен XX столетия, показывает ее особенности и структуру, интерпретирует содержание, выявляет доминанты и приоритеты, раскрывает иерархию передаваемых социальных эстафет. Большое внимание уделяет логически выверенному факторному анализу изменения исторической памяти кубанского казачества на протяжении, прежде всего, XX столетия, и мы отчетливо видим социально-политические контексты исторической памяти кубанского казачества, изученные взаимосвязи между общественным положением казачества, реальной ситуацией в России и моментами актуализации конкретного прошлого исторического опыта. На примере истории кубанского казачества показано взаимодействие стихийной, групповой и властно организованной исторической памяти. В представленном произведении А.В. Дюкарев сумел определить потенциальные возможности исторической памяти кубанского казачества как культурного человеческого капитала и мощного интеллектуального ресурса модернизационных процессов, в том числе на современном этапе развития. Он провел разносторонний социокультурный и исторический анализ исторической памяти кубанского казачества и определил ее в качестве репрезентативного маркера изменения казачьего мироощущения и миропонимания, обозначил ее как совокупность ценностных представлений кубанского казачества, передаваемых будущим поколениям в забываемых образах и искренних человеческих эмоциях.

Однако А.В. Дюкареву в реконструкции исторической памяти кубанского казачества не удалось выйти за рамки линейного исторического анализа, и мы не видим истории «глазами казаков», кубанский казак сам не говорит, есть лишь общее воззрение группы, замечен перекося в сторону обсуждения проблем коллаборационизма. Не всегда удалось проследить ситуации, когда почему-то забываются те или иные исторические сюжеты, да и сам автор в отношении советского прошлого казачества склонен больше к использованию, образно говоря, темно-серых исторических красок, нежели к применению многоцветия исторического повествования. Очень важно в этом случае устанавливать степень сохранности-забывания казаками тех или иных исторических событий, как в групповой, так и партикулярной жизнедеятельности, ведь именно эта степень напрямую связана с неизбежной ак-

туализацией тех или иных образов исторического прошлого. Безусловно, А.В. Дюкарев на примере важнейших событий истории кубанского казачества XX столетия сумел понять, как и почему они сбереглись в исторической памяти казаков, в какой степени социальная память связана с актуальными представлениями исторического настоящего, но у него не получилось за событийным пластом исторической памяти кубанского казачества проследить действие ее многообразных механизмов, а ведь «важно изучение ритуально-телесной и вербальной сторон памяти, различных техник поддержания социальности, специфики техник письма разных поколений, гендерных особенностей запоминания и памяти» [34, с. 7]. Читателю в книге представлена историческая память кубанского казачества как конкретно-историческая и региональная проблема, но в гораздо меньшей степени она рассматривается автором как проблема поколенческая, и он здесь сосредотачивается лишь на современности. В тени остались варианты исторической памяти различных групп внутри кубанского казачества, в чем заключена региональная специфика, где культурно-исторические типы не исчерпываются только линейцами и черноморцами, если детально вникать в эту актуальную историческую проблему.

В целом А.В. Дюкаревым предпринята удачная попытка исторического анализа актуальной и еще недостаточно изученной совокупности научных задач, какой является историческая память кубанского казачества. Этот анализ выполнен автором на сложном эмпирическом материале XX столетия, насыщенного глубокими противоречиями и принципиальными для кубанского казачества событиями и явлениями, трансформациями его социокультурного кода. Он реализован с позиций современного уровня исторической науки и открывает достаточно широкий простор для исследовательских дискуссий, причем не только профессиональных историков, но и широкого круга заинтересованной публики, находящейся в курсе рассматриваемого круга вопросов. В своей монографии А.В. Дюкарев раскрывает эвристический потенциал большой научной проблемы исторической памяти и обретения новых историко-антропологических открытий, введения в научный оборот значительного массива исторических источников, использования новейших методик преподавания дисциплин регионоведческого цикла, где историческая память представляет собой важнейший этнокультурный капитал, который составляет основу в социальных эстафетах, в том числе кубанского казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дюкарев А.В. Историческая память кубанского казачества. Попытки осмысления трудных (спорных) вопросов. [Б.м.]: Издательские решения, 2023. 116 с.
2. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 656 с.
3. Мацевский Г.О. Рассказывание как историческая проблема // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 5 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskazachivanie-kak-istoricheskaya-problema?ysclid=lw14lpbwam493803499> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Скорик А.П. Рассказывание: категориально-понятийный и персонифицированный исторический дискурс // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 437–447.
5. Дробязко С.И., Романько О.В., Семёнов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: АСТ; Астрель, 2011. 848 с.
6. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2018. 47 с.
7. Лехович Д.В. Белые против красных: Судьба генерала А.И. Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 366 с.
8. Венков А.В. Гибель донской конницы в феврале 1920 года в Задонской степи // Былые годы. 2011. № 4 (22). С. 17–25.

9. Александров К.М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. 1145 с.
10. Алексеев С.В., Плотникова О.А. Мифы и фальсификации в российской истории // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 162–171.
11. Дюкарев А.В. Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко): дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2017. 211 с.
12. Бардадым В.П. Жизнь генерала Шкуро. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 96 с., ил.
13. Врангель П.Н. Воспоминания: [в 2 частях: 1916–1920]. М.: Центрполиграф, 2006. 782 с.
14. Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л.: Прибой, 1925. 272 с.
15. Макаров П.В. Адьютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму. Л.: Прибой, 1927. 194 с.
16. Елисеев Ф.И. На берегах Кубани и партизан Шкуро. Часть 1, 2. Нью-Йорк: [б. и.], 1955. 52 с.
17. Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб.: Logos, 1994. 300 с., ил.
18. Граф Г.К. На службе Императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2004. 687 с.
19. Науменко В.Г. Великое предательство: [Казачество во Второй мировой войне]. СПб.: Нева, 2003. 446 с.
20. Кознова И.Е. Прошлое в народной памяти: проблемы интерпретации // Проблемы российского самосознания: историческая память народа: мат-лы 12-й Всерос. конф. (г. Москва; г. Махачкала, апрель 2015 г.). М.: Махачкала: Дельта-пресс, 2015. С. 198–211.
21. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразования: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.
22. Панкова-Козочкина Т.В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2016. 617 с.
23. Скорик А.П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект // Клио. СПб: Нестор, 2006. № 1(32). С. 167–176.
24. Белецкая Е.М., Великая Н.Н. Исторические песни линейный казаков Терека и Кубани (дореволюционный период): учебное пособие. Армавир: РИО АГПУ, 2016. 191 с., ил.
25. Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1881. С. 3–125. Паг.
26. Бредихин А.В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2017. № 61. С. 6–18.
27. Трёхбратов Б.А., Бодяев Ю.М. История Кубани, конец XVIII–XIX век. Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений. Краснодар: Перспективы образования, 2005. 143 с.
28. Кубановедение. Учебное пособие для 10 класса общеобразовательных учреждений / В.Н. Ратушняк, О.В. Матвеев, И.А. Терская, А.Н. Криштопа; под ред. д-ра ист. наук В.Н. Ратушняка. Краснодар: Перспективы образования, 2013. 160 с., ил.
29. Кубановедение. Учебное пособие для 8 класса общеобразовательных учреждений / Ю.М. Бодяев, С.А. Лукьянов, Р.М. Гриценко, Б.А. Трёхбратов; под ред. Б.А. Трёхбратова. Краснодар: Перспективы образования, 2011. 135 с., ил.
30. Кубановедение. Кубань в XX – начале XXI века. История. Люди. Общество. Учебное пособие (с электронной версией) для 11 класса общеобразовательных учреждений / А.А. Зайцев Е.В. Морозова, Н.В. Плотицина, О.А. Бориско, М.А. Егупова, А.Б. Сазантович, И.С. Башкаков, Т.И. Беляева; под ред. А.А. Зайцева. Краснодар: Перспективы образования, 2015. 345 с.
31. Кубановедение. Учебное пособие для 9 класса общеобразовательных организаций / В.Н. Ратушняк, А.Н. Еремеева, С.А. Лукьянов, А.В. Шевченко; под ред. профессора В.Н. Ратушняка. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 151 с.
32. Кодекс чести казака / сост. А.В. Дюкарев. М.: РИПОЛ Классик, 2018. 334 с.
33. Скорик А.П. Семейные и индивидуальные микроистории как поиск индивидуальной и коллективной идентичностей (на материалах Донского региона) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. № 14. С. 96–109.
34. Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005. 40 с.

REFERENCES

1. Dyukarev A.V. 2023. *Istoricheskaya pamyat' kubanskogo kazachestva. Popytki osmysleniya trudnyh (spornyh) voprosov* [Historical memory of the Kuban Cossacks. Attempts to comprehend difficult (controversial) issues]. Izdatel'skie resheniya. 116 p.

2. *Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremyon do 1920 g.* [Essays on the history of Kuban from ancient times to 1920] Ratushnyaka. Krasnodar, Sovetskaya Kuban', 1996. 656 p.
3. Macievskij G.O. 2012. *Raskazachivanie as a historical problem. Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern research on social problems (electronic scientific journal)]. No. 5 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskazachivanie-kak-istoricheskaya-problema?ysclid=lw14ljbwam493803499> (accessed: 10.05.2024).
4. Skorik A.P. 2022. *Raskazachivanie: categorical-conceptual and personalized historical discourse. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies]. Vol. 9 (3). P. 437–447.
5. Drobyazko S.I., Roman'ko O.V., Semyonov K.K. 2011. *Inostrannye formirovaniya Tret'ego rejha* [Foreign formations of the Third Reich]. Moscow, AST; Astrel'. 848 p.
6. Ratushnyak O.V. 2018. *Kazach'e zarubezh'e kak social'no-istoricheskij fenomen: obrazovanie, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy, social'no-ekonomicheskoy i kul'turnoj zhizni (1920–1960-e gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossack Abroad as a socio-historical phenomenon: education, structure, problems of socio-political, socio-economic and cultural life (1920s–1960s): SciD Abstract]. Krasnodar, 2018. 47 p.
7. Lekhovich D.V. 1992. *Belye protiv krasnyh: Sud'ba generala A.I. Denikina* [White against Red: The Fate of General A.I. Denikin]. Moscow, Voskresen'e. 366 p.
8. Venkov A.V. 2011. The death of the Don cavalry in February 1920 in the Zadonsk steppe. *Bylye gody* [The old days]. Vol. 4. No. 22. P. 17–25.
9. Aleksandrov K.M. 2015. *Generalitet i oficerskie kadry vooruzhyonnykh formirovanij Komiteta osvobodzheniya narodov Rossii 1943–1946 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Generals and officer cadres of the armed formations of the Committee for the Liberation of the Peoples of Russia 1943–1946: SciD Thesis]. St. Petersburg. 1145 p.
10. Alekseev S.V., Plotnikova O.A. 2015. *Myths and falsifications in Russian history. Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. No. 1. P. 162–171.
11. Dyukarev A.V. 2017. *Kazach'i genealogii v istoriko-kul'turnom kontekste Kubani (na materialah rodoslovnoj atamana V.G. Naumenko): dis. ... kand. ist. nauk* [Cossack genealogies in the historical and cultural context of Kuban (based on the pedigree of Ataman V.G. Naumenko): PhD Thesis]. Armavir. 211 p.
12. Bardadym V.P. 1998. *Zhizn' generala Shkuro* [The life of General Shkuro]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban'. 96 p., il.
13. Vrangeli P.N. 2006. *Vospominaniya*: [v 2 chastyah: 1916–1920]. [Memoirs: [in 2 parts: 1916–1920]. Moscow, Centrpoligraf. 782 p.
14. Kalinin I.M. 1925. *Pod znamenem Vrangelya. Zametki byvshego voennogo prokurora* [Under the banner of Wrangel. Notes by a former military prosecutor]. Leningrad, Priboj. 272 p.
15. Makarov P.V. 1927. *Ad'yutant generala Maj-Maevskogo. Iz vospominanij nachal'nika otryada krasnykh partizan v Krymu* [Adjutant of General May-Mayevsky. From the memoirs of the chief of the Red partisan detachment in the Crimea]. Leningrad, Priboj. 194 p.
16. Eliseev F.I. 1955. *Na beregah Kubani i partizan Shkuro. Chast' 1, 2* [On the shores of the Kuban and the partisans Shkuro. Part 1, 2]. N.-Y. 52 p.
17. Mahrov P.S. 1994. *V Beloj armii generala Denikina: Zapiski nachal'nika shtaba Glavnokomanduyushchego Vooruzhyonnykh Silami Yuga Rossii* [General Denikin's White Army: Notes by the Chief of Staff of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of Southern Russia]. St. Petersburg, Logos. 300 p., ill.
18. Graf G.K. 2004. *Na sluzhbe Imperatorskomu domu Rossii. 1917–1941. Vospominaniya* [In the service of the Imperial House of Russia. 1917–1941. Memories]. St Petersburg: Russko-Baltiiskij informacionnyj centr BLIC. 687 p.
19. Naumenko V.G. 2003. *Velikoe predatel'stvo: Kazachestvo vo Vtoroj mirovoj vojne*. [The Great Betrayal: The Cossacks in World War II]. St. Petersburg, Neva. 446 p.
20. Koznova I.E. 2015. *The past in people's memory: problems of interpretation. Problemy rossijskogo samosoznaniya: istoricheskaya pamyat' naroda. Materialy 12-j Vserossijskoj konferencii. Moskva; Makhachkala, april' 2015 g.* [Problems of Russian identity: the historical memory of the people. Materials of the 12th All-Russian Conference. Moscow; Makhachkala, April 2015]. Moscow; Makhachkala, Del'ta-press. P. 198–211.
21. Skorik A.P. 2009. *Kazachestvo Yuga Rossii v 30-e gody XX veka: istoricheskie kollizii i opyt preobrazovanij: dis. ... d-ra istor. nauk* [The Cossacks of Southern Russia in the 30s of the twentieth century: historical collisions and the experience of transformations: SciD Abstract]. Stavropol', 2009. 540 p.
22. Pankova-Kozochkina T.V. 2016. *Kazaki i krest'yane Yuga Rossii v 1920-h godah: social'no-politicheskaya zhizn' i hozyajstvenno-ekonomicheskaya deyatel'nost': dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossacks and Peasants of Southern Russia in the 1920s: socio-political life and economic activity: SciD Thesis]. Novocherkassk. 617 p.
23. Skorik A.P. 2006. Cossack Corporation on the Don as a modern social project. *Klio* [Clio]. St. Petersburg, Nestor. No. 1(32). P. 167–176.

24. Beleckaya E.M., Velikaya N.N. 2016. *Istoricheskie pesni linejnyj kazakov Tereka i Kubani (dorevolucionnyj period): uchebnoe posobie* [Historical songs of the line Cossacks of the Terek and Kuban (pre-revolutionary period): a textbook]. Armavir, RIO AGPU. 191 p., ill.
25. Bentkovskij I.V. 1881. Materials for the history of colonization of the North Caucasus. Settlement of the Black Sea region from 1792 to 1825. *Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti* [Commemorative book of the Kuban region]. Ekaterinodar, Tipografiya Kubanskogo oblasnogo Pravleniya. P. 3–125. Pag.
26. Bredihin A.V. 2017. The ethnosocial identity of the modern Russian Cossacks. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* (Elektronnyj zhurnal) [Public administration. Electronic Bulletin (Electronic journal)]. No. 61. P. 6–18.
27. Tryohbratov B.A., Bodyaev Yu.M. 2005. *Istoriya Kubani, konec XVIII–XIX vek. Uchebnik dlya 8 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [The history of Kuban, the end of the XVIII–XIX century. Textbook for the 8th grade of educational institutions]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 143 p.
28. Ratushnyak V.N. (ed.), Matveev O.V., Terskaya I.A., Krishtopa A.N. 2013. *Kubanovedenie. Uchebnoe posobie dlya 10 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Kuban studies. Textbook for the 10th grade of educational institutions]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 160 p., ill.
29. Bodyaev Yu.M., Luk'yanov S.A., Gricenko R.M., Tryohbratov B.A. (ed.). 2011. *Kubanovedenie. Uchebnoe posobie dlya 8 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Kuban studies. The textbook for the 8th grade of educational institutions]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 135 p., ill.
30. Zajcev A.A. (ed.), Morozova E.V., Plotichkina N.V., Borisko O.A., Egupova M.A., Sazantovich A.B., Bashkakov I.S., Belyaeva T.I. 2015. *Kubanovedenie. Kuban' v XX – nachale XXI veka. Istoriya. Lyudi. Obshchestvo. Uchebnoe posobie (s elektronnoj versiej) dlya 11 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Kuban studies. Kuban in the XX – early XXI century. History. People. Society. Textbook (with electronic version) for 11th grade of educational institutions]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 345 p.
31. Ratushnyak V.N. (ed.), Ereemeeva A.N., Luk'yanov S.A., Shevchenko A.V. 2017. *Kubanovedenie. Uchebnoe posobie dlya 9 klassa obshcheobrazovatel'nyh organizacij* [Kuban studies. Textbook for the 9th grade of general education organizations]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 151 p.
32. Dyukarev A.V. 2018. *Kodeks chesti kazaka* [The Cossack's Code of Honor]. Moscow, RIPOL Klassik. 334 p.
33. Skorik A.P. 2013. Family and individual microhistories as a search for individual and collective identities (based on materials from the Don region). *Stavropol'skij al'manah Rossijskogo obshchestva intellektual'noj istorii* [Stavropol Almanac of the Russian Society of Intellectual History]. Stavropol': No. 14. P. 96–109.
34. Koznova I.E. 2005. *Istoricheskaya pamyat' rossijskogo krest'yanstva v XX veke: avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk*. [Historical memory of the Russian peasantry in the twentieth century: DSci Abstract]. Samara. 40 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СКОРИК Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (ЮРГПУ (НПИ); Новочеркасск, Российская Федерация

SKORIK Alexander Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation; Platov South Russian State Polytechnic University; Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1283-8137

ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Татьяна Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; г. Новочеркасск, Российская Федерация.

PANKOVA-KOZOCHKINA Tatiana Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russian Federation

E-mail: p_k_t@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4660-0266

© А.П. Скорик, 2025
© Т.В. Панкова-Козочкина, 2025

Дата поступления в редакцию: 06.06.2025.
Дата принятия статьи: 09.06.2025.

ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДОВ

УДК 94(47):314.743

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В ИЗГНАНИИ: ВОПРОСЫ ЭМИГРАЦИИ И РЕЭМИГРАЦИИ XX СТОЛЕТИЯ

© 2025 г. В.В. Федичев

Член Российского межрегионального союза писателей (Луганск, Россия)

Аннотация. Статья о казачьем исходе по окончании Гражданской и Великой отечественной войн в СССР, о выселении, реэмиграции и депортации казачества. Количестве донских казаков, осевших в европейских и других странах после Новороссийской катастрофы и эвакуации Крыма в 1920 году.

Ключевые слова: донские казаки, донцы, Донская область, эмиграция, царские офицеры, ВСЮР, Новороссийская катастрофа, Челенгир, Лемнос, Кабаджа.

DON COSSACKS IN EXILE: ISSUES OF EMIGRATION AND RE-EMIGRATION IN THE 20TH CENTURY

© 2025 г. V.V. Fedichev

Member of Russian Interregional Union of Writers, Lugansk, Russia

Abstract. An article about the Cossack exodus after the end of the Civil and Great Patriotic Wars in the USSR, about the expulsion, re-emigration and deportation of the Cossacks. The number of Don Cossacks who settled in European and other countries after the Novorossiysk catastrophe and the evacuation of Crimea in 1920.

Keywords: Don Cossacks, Don region, Emigration, Tsarist officer, Armed Force of South Russia, Novorossiysk catastrophe, Chelengir, Lemnos, Kabadzha.

В период борьбы с большевиками донские казаки участвовали на всех фронтах Гражданской войны. Основные их массы, конечно, состояли в Донской армии в 1918–1919 гг., в период организации Донской республики атамана П.Н. Краснова. Но и далее значительные силы донских казаков представляли Южный фронт ВСЮР. В 1920 г., после Новороссийской катастрофы, в Крыму в составе Русской армии генерала Врангеля большевикам продолжали противостоять части донских казаков численностью не менее корпуса. Немало донцов находилось в Добровольческой армии генерала А.И.Деникина, особенно в «цветных» полках: Алексеевский пехотный полк был создан в 1918 г. из донской молодежи, он первоначально считался «партизанским полком».

Небольшая группа донских казаков, преимущественно офицеров, служили на Восточном фронте в армии адмирала А.В. Колчака, в Уральской армии, у атамана Г.М. Семёнова и барона Унгерна. В колчаковской авиации был известен летчик, капитан А.Я. Абокуменко из Луганска. А начальником штаба в войске атамана Г.М. Семёнова был казак станицы Луганской генерал Б.Р. Хрещатицкий и др. Отдельные группы

казаков были на Северном фронте в армии генерала Миллера, на Западном фронте у Булак-Балаховича, были и на Польском фронте.

После окончательного поражения Белого движения в России донские казаки выехали в эмиграцию в составе десяти групп.

В марте 1920 г. из Новороссийска вывезли в Болгарию, Турцию, Грецию, Югославию преимущественно раненых, больных, женщин, детей и почти весь состав Донского кадетского корпуса. Другая часть казаков попала в Грузию. Многие из тех, кто под Новороссийском попал в плен к большевикам или были захвачены в районе Сочи, были мобилизованы в Красную армию и направлены на Польско-Советский фронт (около 4000 чел.). Большая часть их перешла на сторону поляков, а после подписания мира с Польшей были там интернированы. Около 500 казаков перешли границу Германии и были интернированы немцами. Позже значительная их часть (из массы 4,5 тыс. человек, после объявления амнистии в СССР для рядовых казаков) вернулась на родину, а остальные разъехались по всему миру: большинство выехало во Францию, Германию, Венгрию, часть осела в Польше, организовав там казачьи станицы в полосе, близкой к границе с СССР. Донцы Северного и Северо-Западного фронтов (по несколько десятков человек) эмигрировали в Эстонию, Латвию и Финляндию. Казаки Восточного фронта (около 500 чел.) вместе с дальневосточными казаками выехали в Китай, Японию, США, Австралию, Канаду и на острова Тихого океана.

В 1920 г. в Грузии оказались те казаки, которые (после эвакуации основных сил Белой армии из Новороссийска в Крым) продолжали оказывать сопротивление Красной армии, сражаясь на юге Кубани в Баталпашинском и Лабинском районах, а также на Черноморском побережье. Небольшая часть донцов вместе с кубанцами и терцами находилась в отряде генерала Фостикова: из донцов был сформирован пеший батальон 500–600 человек. Под станицей Владимирской он почти весь был уничтожен, причина – недостаток патронов. Те, кто уцелел, продолжали отступать на Сочи, перешли грузинскую границу и оказались в Грузии в статусе интернированных, а точнее – арестованных. Грузины очень недоброжелательно отнеслись к казакам, содержали их за высокими монастырскими стенами, кормили очень плохо. Нахождение в Грузии для казаков стало борьбой за выживание, и многие желали перебраться в Крым, в армию генерала Врангеля. Большинству это удалось сделать при почти детективных обстоятельствах: в Батуми из Крыма прибыл пароход с гуманитарным грузом (мука, картофель и проч.) для интернированных, который сопровождался русским военным кораблем. Грузины заставили самих интернированных разгружать продукты. При этом конвой проявил халатность (грузины вообще относились к службе без должной бдительности). Казаки этим воспользовались, мгновенно разоружили охрану и оказались в трюме парохода, который не замедлил выйти в открытое море. Всё произошло благополучно и почти без потерь: была перестрелка, но только один казак получил незначительное ранение [1, с. 12–14].

В ноябре 1920 г. при эвакуации Крыма с эскадрой генерала Врангеля родину покинули 22 000 казаков Донского корпуса. Кроме того, из Крыма было эвакуировано 6515 человек гражданских беженцев – жителей Донской области. Казаков разместили на острове Лемнос и в районе Чаталжи. Многие в 1921–1923 гг. вернулись в советскую Россию, другие переехали в Болгарию, Сербию, Францию, Чехословакию, некоторые – далее, в станы Северной и Южной Америки. Груп-

па донцов (более 100 чел.) изъявили желание поступить во Французский иностранный легион. Всего в 1920 г. из России (вместе с польской и дальневосточной группами) за рубеж выехало около 37 000 донцов, в т.ч. 31 000 мужчин, остальные – женщины и дети до 16 лет (около 1000 чел.), а также беженцы неказачьего населения Дона. Помимо вышеуказанного, в 1920–1930-е гг. русскую эмиграцию пополнили бежавшие из советской России частным путем бывшие царские офицеры, чиновники, все, кто не мог мириться с новым политическим строем в СССР, а также высланный из страны «контрреволюционный элемент» без права возвращения на родину.

Но уже в 1921 г. часть военнослужащих Белой армии, находясь за границей, приняла самостоятельное решение примириться с большевистской властью и возвратиться домой к мирному труду. Для большевиков это выглядело признаком признания их победы в Гражданской войне, а потому они всячески способствовали началу этого процесса. Возвращение на родину бывших белогвардейцев – это одна из самых неосвещенных тем Белого движения. Для многих, в том числе донских казаков, оно происходило как и исход, несколькими этапами.

Организованные формы реэмиграция получила в 1922 г., когда за границей возникли союзы и общества, содействующие всем желающим белоэмигрантам в получении разрешений выезда в советскую Россию. «Союз возвращения на родину» (Совнарод) был создан в Болгарии 6 мая 1922 года. В июле в Софию прибыла миссия Российского общества Красного креста (РОКК), имеющая полномочия от советского правительства на репатриацию русских беженцев. Свою роль в этом играли советские спецслужбы ГПУ и Разведывательного управления Красной армии, выполнявшие задачи по расколу Белого движения за рубежом. Там еще оставалась актуальной тема организации нового похода на советскую Россию, и большевикам было важно нейтрализовать основную массу рядового состава белогвардейцев. Несмотря на серьезные трудности и сложность задачи, большие материальные затраты, нехватку ресурсов (в СССР свирепствовал голод), вернуть на родину белоэмигрантов (под надзор ГПУ) означало ослабить те реваншистские силы, которые представляли реальную опасность для советского строя в России. Этому способствовало и общественное настроение в странах Белой эмиграции, где многие эмигранты испытывали материальные трудности. Местные левые силы оказывали серьезное давление на свои правительства по поводу размещения на территориях их стран Белой армии. Острая ситуация возникла в Болгарии, где вместе с казаками находилось 24 тыс. русских эмигрантов, в т.ч. 8,5 тыс. военнослужащих, имеющих свои склады с оружием. При этом вооруженные силы Болгарии в то время (по условиям Парижского мирного соглашения от 1918 года) составляли общую численность 6,5 тыс. чел. Возникло обоснованное беспокойство со стороны болгарской общественности (и даже в союзной Франции), что в этой маленькой стране вооруженные русские могли совершить всё что угодно, в том числе и военный переворот. Этим воспользовались большевики. За рубежом ГПУ подбросило фальшивку о якобы готовящейся акции по устранению правительства Болгарии с помощью вооруженных сил Белой армии. Союзники отказались ее финансировать, и стало понятно, что новый поход на Россию затягивается. Возникла реальная перспектива бывшим белогвардейцам никогда не увидеть свои семьи в России.

Из дневника М.И. Шаповаленко – представителя Всероссийского Земского союза на о. Лемнос при казачьих частях:

«20.01.1921 г. Константинополь – с берега заметили, что какой-то казак бросился с мостков в воду и поплыл по направлению выхода из бухты в открытое море. Его настигли.

Ты куда плывёшь? – спрашивают его

– В Новороссийск, домой, – ответил казак.

Пловца задержали и отправили в госпиталь. Говорят, что казак сильно тосковал по жене и детям» [2 с. 17].

М.И. Шаповаленко: «17.02.1921 г. Вчера на пароходе «Решид-паша» происходила погрузка казаков, изъявивших желание ехать в Россию. Всего уехало по справке, которую мне дали в штабе – 550 чел. из Донского лагеря» [2, с. 17].

В целом в этот день на пароходе находилось более 3 тыс. чел. беженцев, в т.ч.: 119 офицеров; 38 чиновников, 4 представителя духовенства, 40 женщин. Они сильно рисковали, т.к. на родине ещё не были приняты правовые решения о порядке возвращения беженцев. Никому никаких гарантий не давалось (об этом всех предупредили). Тем не менее в России пароход был принят в Новороссийске, и это стало резонансным шагом со стороны советского правительства, получившим широкую огласку в мировой прессе. В составе пассажиров парохода «Решид-паша» «возвращалась часть казаков станиц Луганской, Гундоровской, Митякинской, города Миллерово и т.д. – об этом пишет, допрашиваемый в ГПУ, казак-реэмигрант х. Герасимова (ст. Луганской) Федичев Филипп Максимович (1885 г.р.), прибывший в Россию этим же рейсом [3].

Сначала судно решили перенаправить в г. Одессу, но для этого его нужно было догрузить углем. Особый отдел 9-й Красной армии высказывал опасения в выгрузке большого количества казаков. Пароход с пассажирами отбуксировали в гавань Новороссийска. Вскоре начальник оперативного управления 9-й Красной армии Курсаков прислал приказ Реввоенсовета о высадке русских беженцев на следующих условиях:

«– всех бывших офицеров снять с транспорта и передать Особому отделу для отправки в центр;

– всех женщин отправить по домам, больных разместить в лазаретах;

– донцов, кубанцев и остальных передать в трудбаты, военхозы, до этого держать на пароходе под строгим контролем.

– всех без исключения пропустить через фильтры Особого отдела, причём вызывающих малейшее подозрение, отправлять вместе с офицерами в Особый отдел» [3, л. 22].

Кроме того, комендант карантинного отряда 9-й Кубанской армии получил секретное распоряжение № 88890 от 12.03.1921, согласно которому, всех офицеров, подхорунжих и вахмистров следует отправить в концлагеря [3, л. 22].

Через 24 часа после выгрузки пошли упорные слухи о расстрелах. Об этом написала газета «Голос России» № 1039 от 23.08.1921. В газете «Известия» от 01.11.1921 их решили опровергнуть, опубликовав письмо группы репатриантов, отрицающих факты расстрелов. Письмо заканчивалось следующим заявлением: *«От имени 3360 чел. (в т.ч. 161 офицеров, чиновников и священников) категорически заявляем, что не только никого не расстреляли, но советская власть приняла нас с большим радушием».*

Люди явно сомневались, ставя свои подписи под заявлением. В числе группы офицеров, подписавших этот документ, были представители Донецкого округа ОВД, в т.ч. полковник Фетисов Алексей Михайлович, казак Луганской станицы войсковой старшина Баранов Иван Григорьевич. Судьба И.Г. Баранова после так называемой фильтрации осталась невыясненной, по крайней мере в станицу он так никогда и не вернулся. Аналогичное обращение к белоэмигрантам с призывом возвратиться на родину подписал хорунжий станицы Луганской И.С. Пономарёв, оно заканчивалось словами: *«Да здравствует Ленин и Троцкий! Да здравствует Третий Интернационал!»*

С.П. Мельгунов в книге «Красный террор в России» пишет о том самом рейсе «Рашид-паши»: 500 человек расстреляли сразу. Очевидец тех событий, доктор медицины М.Е. Игнатов вспоминал еще о расправе над 12 офицерами, прибывшими из Болгарии на фелюге. На самом деле были не только расстрелы, ссылки, концлагеря, иногда люди просто исчезали без следа. Некоторые матери и жены, которые по письмам знали, что их дети и мужья вернулись в Россию, но были арестованы ЧК и домой не возвращались, писали в миссию Ф. Нансена, надеясь на поддержку иностранцев (в 1921 г. это еще было возможно) [4].

Миссия Ф. Нансена контролировала в России судьбу прибывших беженцев. В 1922 г. ее представители посетили станицы Дона, в том числе станицу Луганскую, и при личных встречах с теми, кто недавно прибыл на родину, отметили, что все они испытывают крайнюю материальную нужду. Однако несмотря на все тяготы жизни и ограничения свободы их передвижения по стране, эти люди были в основном счастливы воссоединением с семьями и возможностью работать на земле.

ГПУ пересчитывало всю переписку тех, кто получал письма из-за рубежа. Один учитель – репатриант в своем письме писал сослуживцу за границу, что по приезду сразу был арестован и смог освободиться только благодаря влиятельному другу детства. Письмо проникнуто разочарованием и сожалением, что он не может теперь себе вернуть положения «надничара» т.е. поденного рабочего в Болгарии. В одном из писем из донского хутора Большого казак писал земляку в Болгарию, который спрашивал, можно ли ему возвращаться на Дон: *«приезжать не торопись, потерпи покель не позовем»*. В одном из писем мать, когда узнала, что сын собирается ехать домой, умоляла его не ехать. Было несколько случаев возвращения казаков обратно, в Болгарию [2, с. 442].

Многие возвратившиеся из эмиграции казаки станицы Луганской, прожив некоторое время в СССР, также жалели, что в свое время уехали из Болгарии. Об этом открыто высказывался бывший станичный атаман Соколов Василий Маркиянович (ст. Луганская). Фирсов В.М. (х. Средне-Герасимов, ст. Луганской) говорил: *«...хорошо было жить в эмиграции, особенно в Болгарии: была хорошая работа, выдавалась спецодежда, была возможность пить хорошие вина...»*. Кузюбердин Федор Иванович (1866 г.р. х. Н.-Ольховая, ст. Луганской), реэмигрант: *«...обещали, что в СССР жизнь хорошая, а приехал – здесь плохо»* и т.д.

Вслед за пароходом «Решид-паша» в Россию пришли транспорты «Ало», «Варна», «Михаил Архангел», «Панаиот», «Корнилия», «Иоанти» и др. Все они везли на родину беженцев, офицеров, казаков. В ноябре 1921 г. в честь четырехлетней годовщины Октябрьской революции ВЦИК принял постановление об амнистии отдельных категорий военнослужащих Белых армий, участвовавших в гражданской войне в качестве рядовых. Офицеров всех рангов оно не касалось, при въезде

в Россию, их обязывали дать добровольные письменные согласия о готовности предстать перед судом Ревтрибунала. Под амнистию не попали также юнкера, кадеты (т.е. дети 10–16-летнего возраста), жандармы, военные чиновники. Для них предусматривался особый порядок помилования, который зависел *«от степени их полезности коммунистической власти»*. Многих офицеров, желающих вернуться на родину, не смущала процедура фильтрационной чистки, т.к. им обещали благополучный исход дела.

Очередным пропагандистским успехом большевиков стало возвращение в советскую Россию бывшего командира корпуса Русской армии генерала Я.А. Слащёва. Его образ с большой долей достоверности представлен в художественном фильме «Бег» в лице генерала Хлудова. В период гражданской войны большевики именовали его «Слащёв-вешатель». Причиной возвращения Слащёва стал его личный, обострившийся конфликт с бароном Врангелем. В Севастополе Слащёва встречал сам Ф.Э. Дзержинский. С генералом вернулись в Россию несколько близких ему военных и жена. 24 ноября 1921 г. в «Правде» появилось «Обращение ген. Слащёва к офицерам и солдатам Белой армии, беженцам» с призывом возвращаться в Россию. *(В 1929 году Слащёв был убит в Москве, бывшим комвзвода Красной армии Лазарем Львовичем Коленбергом – из мести за расстрелянного в г. Николаеве, в годы Гражданской войны брата).*

Зампред ГПУ И.С. Уншлихт требовал от народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина продолжать репатриацию казаков [2, с. 442]. На это выделялись новые ассигнования. И дело решалось. Процесс возвращения белоэмигрантов растянулся до середины 1930-х гг., но возвращались и позже, вплоть до 1960-х гг.

Прибывшие на пароходе «Решид-паша» и прошедшие т.н. фильтрацию, группа казаков станицы Луганской дали знать о себе родным, т.к. их направили не домой, а в трудбаты на принудительные работы. В.Б. Усачёв (х. Можеевский Митякинской станицы), возвратившийся в СССР этим же рейсом, вспоминал, что после фильтрации всех направили в концлагерь в Нижний Новгород, многие там находились до 1922 г.

Для окончательного решения вопроса возвращения казаков на родину, за их благонадежность должны были поручиться местная власть и станичное общество. За этим и обратились в станицу Луганскую казаки-реэмигранты, бывшие пассажиры «Решид-паши», попавшие в концлагерь. Текст прошения приводится дословно (с сохранением стилистики и орфографии):

ПРОШЕНИЕ от 02.04.1921 года.

К вам, граждане казаки, обращаемся мы, ваши родные, верные Вам станичники. Мы, прибывшие из далеких берегов Чёрного моря и дальней магометанской страны Турции. Заброшены туда мы были волею судьбы, а главное – бывшими нашими вождями.

Время изменчиво, пора браться за труд! Мы обращаемся к Вам, к нашим семьям, отцам, матерям, женам и детям. Мы измучены до невероятности в этой продолжительной и кровавой войне и вернулись искренним чувством и раскаянной душой на родину. Мы не знаем, кто из Вас еще живой, а Вы не знаете, кто возвратился из нас.

Положили головушки из наших братьев на чужой стороне многие, остатки нас вернулись в Россию – нашу матушку. Мы с горячим сердцем рады теперь

вступить в домашнее хозяйство. А теперь идет весна этого года, которая зачатком и залогом для всего года и будущего. Мы считаем себя недостойными просить у Вас прощения, но знайте, дорогие наши, что вина эта не наша, а вина нашего бывшего начальства. Теперь его нет и не будет. Так что мы решили просить Вас, дорогих, ходатайствовать за нас о скорейшем нашем возвращении на родину. Наши списки ниже. Просим эту просьбу не отклонить на долгое, а просить комитеты станичные и хуторские ходатайствовать за нас.

п о д п и с а л и:

1. Полубедов Терентий Васильевич 1894 г.р. ст. Раздорская. Проживал в х. Камышном, инструктор по садоводству.
2. Сухаревский Семён Никитович 1886 ст. Луганская.
3. Кнышов Иван Григорьевич 1874.
4. Брехунов Иван Панфилович 1878.
5. Краснянсков Николай Васильевич 1892.
6. Валуйсков Фёдор Фёдорович 1900.
7. Макухин Спиридон Александрович 1888.
8. Попов Антон Сергеевич 1891.
9. Коночкин Антон Иванович 1876.
10. Долотин Василий Иосифович 1885 х. Н.-Платина
11. Алимов Аверьян Федотович 1897.
12. Погорелов Иван Иванович 1902.
13. Ткачёв Никифор Иванович 1898.
14. Иванчиков Макар Фомич 1888.
15. Черепяхин Яков Климович 1876.
16. Щепакин Иван Иосифович 1893.
17. Сухаревский Даниил Павлович 1901.
18. Закапырин Павел Парфентьевич 1877 х. Н.-Минченков.
19. Туркин Илья Алексеевич 1898.
20. Сухаревсков Владимир Семёнович 1894.
21. Сухаревсков Петр Александрович 1895.
22. Сухаревсков Терентий Иванович 1884.
23. Сухаревсков Иосиф Александрович 1880 х. Крепи.
24. Алёнкин Иван Филиппович 1873 х. В.-Тёплый.
25. Алёнкин Пётр Иванович 1902.
26. Носиков Михаил Афанасьевич 1902.
27. Миронов Антон Иосифович 1891 х. С.-Тёплый.
28. Сухаревсков Фёдор Евсеевич 1898.
29. Сухаревсков Яков Фёдорович 1872.
30. Сухаревсков Ефим Яковлевич 1902.
31. Золкин Александр Васильевич 1887 х. Н.-Ольховая.
32. Золкин Стефан Васильевич 1892.
33. Черепяхин Евпатт Семёнович 1884.
34. Титов Иван Иванович 1890.
35. Шкоркин Василий Яковлевич ?
36. Пшеничнов Пантелей Николаевич 1892 х. В.-Ольховая.
37. Нагнёткин Стефан Павлович 1873 х. В.-Минченков.

38. Сапельников Стефан Давыдович 1889.
39. Гнутов Филипп Демьянович 1877 х. В.-Чугинский.
40. Черепяхин Фёдор Ефимович 1879 х. В.-Чугинский.
41. Ретивов Степан Матвеевич 1883.
42. Баранцов Исай Фёдорович 1893 х. Гандилов.
43. Фирсов Зиновий Федотович 1891 х. Н.-Герасимов.
44. Домашенков Григорий Стефанович 1890.
45. Федичев Филипп Максимович 1884.
46. Ковалёв Иван Андреевич 1887.
47. Макаров Павел Свиридович 1893 х. Макаров.
48. Сухаревский Гавриил Иванович 1885.
49. Сухаревсков Михаил Фёдорович 1900.
50. Соколов Илья Георгиевич 1900.
51. Макаров Фёдор Симонович 1900.
52. Макаров Емельян Симонович 1897.
53. Попов Емельян Иванович 1883 х. Хрящевский.
54. Данилов Григорий Андреевич 1880 х. Сизый.
55. Голоднов Евгений Киреевич 1872 х. Камышный.
56. Ревунов Михаил Денисович 1901.
57. Черноморов Савва Иванович 1891 х. Паськов.
58. Пономарёв Стефан Алексеевич 1874 х. В.-Герасимов.
59. Валуйсков Стефан Никитович 1874.
60. Голубов Иван Васильевич 1877.
61. Фирсов Захар Григорьевич 1872 х. Благовещенский.
62. Краснянсков Михаил Маркович 1876.
63. Владыкин Иван Фирсович 1902.
64. Черноморов Пателей (Пантелей) Терентьевич 1902 [5].

Дальнейшая процедура возвращения в родные места казаков-эмигрантов сводилась к тому, что в станице и хуторах необходимо было оформить встречное прошение на каждого возвращенца. После этого райисполком оформлял свои прошения и отправлял по назначению. Домой все 64 казака прибыли к середине лета 1921 г.

Всего, начиная с 1921 года, в СССР вернулось не менее 25 000 казаков по линии «Красного креста» и «Союза возвращения на родину»:

- из Константинополя – 300 чел.;
- из лагеря Челингир – 3300 чел.;
- с острова Лемнос – 9891 чел.;
- из лагеря Кабаджа – 580 чел.;

Еще группа казаков до 1000 человек перебралась в советскую Россию самостоятельно, на свой страх и риск, парусными и легкомоторным шхунами.

17 мая 1922 г. на пароходе «Георгиус» в СССР выехал донской генерал Гаврицкий (Гаврицков).

В том же году по линии «Совнарода» вернулись на Дон 3582 его жителя, из них 125 женщин и 67 детей. В 1923 г. по линии «Совнарода» и «Лиги Наций» возвратилось еще 2474 человека.

За 1921–1923 гг. возвратилось на родину 6193 представителя Кубанского казачьего войска, в т.ч. 5823 казака, остальные – женщины и дети.

Нужно еще учесть, что в 1923 г. правительство Болгарии принудительно высла-ло в СССР 632 казака Войска Донского и 416 других представителей как «неже-лательных эмигрантов». В 1924 г. из Болгарии добровольно выехало на родину 824 человека – все жители Донской области. В период с 1924 по 1929 г. небольшо-ми группами в СССР возвратилось около 500 донцов.

Из Польши и Германии за это время (1921–1922 гг.) выехало на Дон 1500 чело-век, в последующие годы – еще около 500 человек. В 1923 г. из Греции в Одессу прибыло 600 казаков и граждан Донской области неказачьего происхождения; из Франции – 1000 человек.

Таким образом к 1935 г. за рубежом, в эмиграции оставалось донских казаков около 9500 человек, в том числе:

Франции	– до 3000 чел.;
Югославии	– 1500 чел.;
Польше	– 600 чел.;
США	– 300 чел.;
Греции	– 200 чел.;
Болгарии	– 2000 чел.;
Чехословакии	– 600 чел.;
Германии	– 200 чел.;
На Дальнем Востоке	– 50 чел.;
Австралии	– 130 чел.;
Парагвае	– 250 чел.;
в северных странах Европы (Англия, Финляндия, Прибалтика)	– 50 чел.;
в Бельгии, Люксембург	– 100 чел.;
в других странах	– 600 чел. [6].

Окончательное изменение численности донских казаков-эмигрантов произошло после окончания Второй мировой войны в Европе и Азии, на которое сказались как безвозвратная убыль казаков– участников войны по обе стороны противостояния, так и приток за счет новых эмигрантов из СССР, бежавших с германскими войсками на Запад целыми семьями, спасаясь от очередных расправ. На численность эми-грации повлияла и депортация в СССР, в 1945 году казаков– бывших белогвардей-цев из европейских стран для организации на родине показательных судебных про-цессов как над участниками контрреволюции и Гражданской войны 1917–1922 гг. и изменников родины, сотрудничавших с фашистами в 1941–1945 гг. Часть каза-ков-эмигрантов первой волны, насильно вывезенных из европейских стран и осу-жденных в СССР советским судом после 1945 г. (которым всё же удалось выжить после отбытия сроков в советских ГУЛАГах), снова возвратились в европейские страны эмиграции, где ранее проживали. Наглядным примером может быть судьба бывшего командующего восставшими (в 1919 г.) казаками Верхнего Дона – Кудино-ва Павла Назаровича (1891–1967 гг.):

В конце 1919 г. вместе с Донской армией он отступал на Кубань. В январе 1920 г. из Новороссийска эвакуировался в Крым. После поражения армии Врангеля, в ноя-бре 1920 года, эмигрировал в Константинополь. Там он прожил 7 месяцев, устроив-шись чернорабочим на цементной фабрике. Весной 1921 г. вместе с женой и братом

Кудинов перебрался в Грецию, где трудился на виноградниках. В начале 1922 г. переехал в Болгарию где и прожил 16 лет. Держал бакалейную лавку, занимался фотографией. Публиковал статьи в журнале «Вольное казачество», издававшемся в Праге. В 1931 г. напечатал свою самую известную работу – «Восстание верхнедонцов в 1919 году». Помимо добровольных пожертвований журнал издавался на средства, получаемые Кудиновым от советского посольства в Болгарии. В августе 1938 г. Павел Кудинов был арестован болгарской полицией по обвинению в связях с советскими спецслужбами и выслан из страны сроком на пять лет. Жил в Румынии, затем в Турции, где также подвергался аресту как «советский шпион». Перед самым началом Второй мировой войны сумел вернуться в Болгарию. Когда началась война, решительно осудил сотрудничество казаков с вермахтом. После вступления в Болгарию Красной армии (в ноябре 1944 г.) П.Н. Кудинов был арестован органами СМЕРШ 3-го Украинского фронта. 31 мая 1945 г. за участие в Вёшенском восстании (событии 26-летней давности. – В.Ф.) был осужден на 10 лет лагерей по статьям 58-4 и 58-11 УК РСФСР. Отбывал заключение в Инте, Туркестане. Освобожден в феврале 1955 г., однако после этого еще полгода провел в лагере для иностранных подданных в Потье. В сентябре 1955 г. получил разрешение на возвращение в Болгарию. По дороге Кудинов заехал в родную Вёшенскую станицу, надеясь встретиться с М.А. Шолоховым. Однако писателя в станице не застал (по другим сведениям, Шолохов не пожелал встречаться с бывшим белогвардейцем – сидельцем ГУЛАГа). Обращался в райком и районное отделение милиции за разрешением поселиться в Вёшенской, но не получил его из-за отсутствия советского гражданства. Вернулся в Болгарию [7].

Общее количество высланных из СССР депортированных эмигрантов в 1950–1960-е гг. – неизвестно. Но это уже относится к вопросам казачьей эмиграции-реэмиграции позднего периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Петров М.А.* Последние донцы на черноморском побережье // Журнал «Часовой». 1931. Париж, Франция.
2. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: док. и материалы. В 10 т. Т. 3: Возвращение... 1921–1924 гг. / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, Федер. служба безопасности РФ, Служба внеш. разведки РФ; отв. сост. И.И. Басик. М.: Трида-ф, 2002. 576 с.
3. Государственный архив Луганской народной республики (ГА ЛНР). Ф. 14591. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–20.
4. ГА ЛНР. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–12.
5. ГА ЛНР. Ф. 2836. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
6. *Падалкин А.* Сколько казаков в эмиграции // Журнал «Станица». № 16. 1935 год. С. 5–10.
7. *Лосев П.П.* Прогулка по родной станице. Исторический очерк о станице Вёшенской Шолоховского района // Донской временник. Год 2005-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 2004. Вып. 13. С. 80–82. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/19/art.aspx?art_id=569 (дата обращения: 17.08.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФЕДИЧЕВ Владимир Васильевич – член Российского межрегионального союза писателей, Луганск, Россия

FEDICHEV Vladimir Vasil'evich – Member of of Russian interregional union of writers

E-mail: vfedichev123@gmail.com

© В.В. Федичев, 2025

Дата поступления в редакцию: 11.06.2025.
Дата принятия статьи: 27.06.2025.

ИСТОРИКИ-КАЗАКОВЕДЫ

УДК 929

ИСТОРИК-КАЗАКОВЕД А.И. КОЗЛОВ (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
(Новочеркасск, Россия)

Аннотация. В текущем году исполнилось 95 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, действительного члена Академии военных наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Александра Ивановича Козлова (18 марта 1930 г. – 18 января 2009 г.). Его перу принадлежат свыше 250 научных работ, а научное творчество достаточно многопланово: в нем соединяются различные ответвления и сюжеты, которые непосредственно связаны и с фактами его биографии, и с процессом развития российской исторической науки, и с процессом личностного переосмысления целого ряда историко-научных проблем в условиях социальных перемен. Однако есть одна объединяющая тема в научных изысканиях Александра Ивановича – это история казачества, что и позволяет отнести его к плеяде выдающихся историков-казакведов, ведь он не только сам пришел к этому научному дискурсу, но и увлек за собой множество молодых исследователей, выступая в качестве талантливого организатора науки. Он был ярким педагогом, человеком с обостренным чувством гражданственности, с волевым характером, и его судьба нередко делала крутые виражи, без чего также невозможно воспринимать личность крупного ученого.

Ключевые слова: декан исторического факультета, диссертация, исследовательская траектория, исторические личности, казачество, «казахы» конференции, научная школа, Октябрьская революция, рассказывание, М.А. Шолохов.

THE COSSACK HISTORIAN A.I. KOZLOV (FOR THE 95TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

A.P. Skorik

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. This year marks the 95th anniversary of the birth of Alexander Ivanovich Kozlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, full member of the Academy of Military Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (March 18, 1930 – January 18, 2009). He wrote over 250 scientific papers, and his scientific work is quite multifaceted: it combines various branches and plots that are directly related to the facts of his biography, the process of development of Russian historical science, and the process of personal rethinking of a number of historical and scientific problems in the context of social change. However, there is one unifying theme in Alexander Ivanovich's scientific research – the history of the Cossacks, which makes it possible to attribute him to the galaxy of outstanding Cossack historians, because he not only came to this scientific discourse himself, but also attracted many young researchers, acting as a talented organizer of science. He was a bright teacher, a man with a keen sense of citizenship, with a strong-willed character, and his fate often took sharp turns, without which, alas, it is also impossible to perceive the personality of a major scientist.

Keywords: Dean of the Faculty of History, dissertation, research trajectory, historical figures, Cossacks, "Cossack" conferences, scientific school, October Revolution, Raskazachivanie, M.A. Sholokhov.

Начало научного творчества А.И. Козлова связано с поступлением в аспирантуру Ростовского государственного университета в 1962 г., и оно лишь косвенно касалось истории казачества. Он успешно защитил в 1965 г. кандидатскую диссертацию на тему «Борьба за власть Советов в Черноморской губернии (1917–1920 гг.)» [1], хотя ему затем пришлось долго противостоять жалобам и прямой клевете невежд, сделавших свою научную карьеру на борьбе с «врагами народа». Многочисленные комиссии ВАК и партийных органов раз за разом вынужденно признавали правоту молодого ученого. Заметим, в целом кандидатская диссертация была выдержана в духе той исторической эпохи, когда большая страна приближалась к празднованию 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. По-другому и быть не могло, но как историк Александр Иванович со временем заметно эволюционировал в своей исследовательской научной траектории.

Временной масштаб переосмысления исторической проблематики у А.И. Козлова не только велик с точки зрения его активной научной деятельности, охватывающей свыше 45 лет, но и трансформации личностного отношения к казачьей тематике. Скажем, если в первые годы своих научных изысканий он четко и однозначно писал о деникинцах как составной части враждебного советской власти Белого движения, то в 2004 г. выходит его монография об А.И. Деникине [2]. И мы находим в этом обстоятельном исследовании А.И. Козлова новую постановку вопроса в начале XXI в. о политическом и полководческом наследии русского генерала А.И. Деникина, что побудило нас подготовить и опубликовать специальную рецензию на монографию Александра Ивановича [3]. Образ прежнего «царя Антона» сменяется в исследовании Козлова иным личностным образом. В монографии мы видим выдающегося генерала русской армии, участника Русско-японской и Великой войны 1914–1917 гг., одного из лидеров Белого движения в России 1918–1920 гг.

В книге замечательно раскрывается эмоционально-чувственный внутренний мир А.И. Деникина. Автор тонко сумел подметить и весьма кстати прописать в тексте целый ряд симптоматичных фабул, выражений, фраз, отражающих бытие и иллюстрирующих движения души русского генерала. Взять хотя бы его эпистолярно-показательную фразу: «Еду в великолепную санаторию – свою дивизию» [2, с. 104]. Или в письмах к К.В. Чиж: «Я не хочу врываться непрошеным в Ваш внутренний мир» [2, с. 109]; «Я же, обычно замкнутый, недоверчивый, немножко отравленный анализом, я изменил себе, открыв Вам душу» [2, с. 111]; «Пробивая себе дорогу в жизни, я испытал и неудачи, разочарования, и успех, большой успех. Одного только не было – счастья. И как-то даже приучил себя к мысли, что счастье – это нечто нереальное, призрак. И вот вдали мелькнуло. Если только Бог даст дней. Надеюсь...» [2, с. 112]. Это всего лишь небольшая толика эмоционально-чувственных красок, профессионально добавленных к историческому портрету русского полководца.

Книга А.И. Козлова, безусловно, является инновационным научным дискурсом в новейшей российской исторической науке. Автор удачно находит и занимает свою исследовательскую нишу в многосторонней и обстоятельной интерпретации биографических и иных материалов, опосредованных профессиональной деятельностью известного военного аналитика и русского полководца начала XX в. А.И. Деникина. Александр Иванович представил научной общественности и довольно широкому кругу любителей исторических повествований систему оригинальных взглядов классика военной мысли и военного интеллигента, фронтового офицера и управленца, политика и человека на традиционно изучаемые российскими историками

проблемы. Так, в общем-то, фрагментарный сюжет, связывающий установление советской власти, казачество и военных лидеров исторической эпохи, постепенно перерос в научном творчестве А.И. Козлова в солидное исследование.

Впервые Александр Иванович основательно подходит к рассмотрению казачьей тематики в фундаментальной монографии о социально-экономических отношениях на Дону и Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв., а затем в подготовленной уже на ее основе докторской диссертации «Социально-экономические, политические отношения и классовая борьба на юго-востоке Европейской России накануне Октября» [4], защищенной в 1978 г. Логическое обоснование исторической справедливости победы большевиков является ключевым сюжетом для научных изысканий А.И. Козлова. Он нисколько не сомневается в исторической необходимости и неизбежности разгрома Рабоче-крестьянской Красной армией войсковых объединений под командованием А.И. Деникина и П.Н. Краснова, значительную часть которых (или полностью) составляло казачество.

В докторской диссертации казачество у А.И. Козлова предстает как крестьянство особого рода, детально выясняются особенности хозяйственно-бытового облика казачества и внимание сосредотачивается на сословных привилегиях. Причем, ученым проводится четкая разграничительная линия между казаками-бедняками, казаками-середняками и казачьими верхами. В диссертации утверждается, что объемом сословных привилегий у казаков нарастал прямо пропорционально занимаемой нише в социальной лестнице, то есть, если бедняки практически их не имели, а середняки держались за свой земельный пай, то наиболее богатая часть казаков широко использовали сословные привилегии и получали от царского политического режима максимум преференций. Средняк, как подчеркивал А.И. Козлов, хотел бы освободиться от военно-полицейских обязанностей, но «при обязательном условии, если это не повлечет за собой ликвидации всего остального из привилегий, и в первую очередь... права на земельный пай» [5, с. 127]. По мнению Александра Ивановича, изначальную двойственную социальную позицию казаков-середняков (составлявших основную массу казачества) задействовали в своих интересах казачьи верхи. Именно это обстоятельство в значительной мере предопределяло социально-классовую ситуацию в казачьих районах, когда большая часть казачества очень долго блуждала в обозе чуждых ему по природе социально-классовых сил. Поэтому политическая борьба между противостоящими сторонами за середняка имела особенно большое значение в Юго-Восточном регионе европейской части России.

Таким образом, казачество концептуально в рамках материалистического понимания истории представало в исторической науке неким социальным аутсайдером, разделяющим идеалы негативизма в отношении социализма и большевизма. Нам представляется, что, несмотря на такую теоретико-методологическую позицию, А.И. Козлов был далек от мысли однозначно интерпретировать казачество лишь в качестве исторического «лузера». Его накопленный фундаментальный научный багаж, богатый жизненный опыт и журналистское, безупречное владение словом и пером никак не выводили на данную исследовательскую траекторию. Тем не менее он какое-то время все же лично разделял идеалы позитивности массовых общественных деяний деструктивного типа.

Руководствуясь своими избранными для проведения исследования теоретико-методологическими постулатами, А.И. Козлов старался привлечь исторические факты, обосновать их значимость и репрезентативность, ибо достоверность историче-

ских фактов позволяет сформировать научные суждения об исторических событиях, из которых складывается исторический процесс развития казачества во второй половине XIX – первых двух десятилетиях XX в. Тем самым, он исходил из того, что исторический факт несет в себе и практическое знание, и теоретическую нагрузку, поскольку непременно восполняет пробел в историческом знании, закрывает очередную лакуну в исторических исследованиях. В результате складываются исторические картины, представляющие собой новое историческое знание, в том числе и о казачестве, к достижению которого стремится каждый исследователь. Без приращения нового исторического знания, как считал Александр Иванович, история будет постепенно заполняться историческими мифами и стереотипами, суждениями недобросовестных литераторов и обывателей, вроде, например, тех, которые подают всю советскую эпоху исключительно как историческое время всеобъемлющего рассказывания. При этом рассказывание для него лично вовсе не было односторонним историческим процессом.

Предметно-теоретическая реконструкция публикаций 1960-х – начала 1980-х гг. позволяет говорить о сочетании отчуждения и самоотчуждения в научном творчестве А.И. Козлова. Это объяснимо, прежде всего, через авторскую историческую рефлексию в отношении Октябрьской революции и советской власти. Означает ли это, что Александр Иванович в столь консервативном времени для научного поиска 1960-х – начала 1980-х гг. смело отказался от идеалов Октября? Отнюдь нет! Он сюжетно в своих работах активно использует историко-политологический подход, как раз уделяющий первостепенное внимание вопросам взаимодействия казачества с властью, политике рассказывания, и т.п. Одновременно на исходе отмеченного периода научного творчества чувствуется эволюция А.И. Козлова в сторону социально-экономических оснований в логико-научном доказательстве избранных локусов исторического повествования.

Думается, вследствие избыточного акцента советской исторической науки на задачах теоретического и конкретно-фактологического обоснования беспрецедентно популярных в этот период идей революционизма и силовых сценариев макроэкономических трансформаций, А.И. Козлов остановился в своем исследовательском развитии как историк Октября. Его даже какое-то время устраивала жесткая замкнутая система теоретических догматов и упрощенной онтологии. Несомненно, это непосредственно связано с его административно-управленческой деятельностью как декана исторического факультета Ростовского государственного университета (1976–1984 гг.), а позже заведующего кафедрой истории СССР советского периода. Он был жестким администратором, но назвать его бездушным бюрократом мы не можем. Его деканство на истфаке РГУ совпадает с сохранением мощного научно-педагогического потенциала и расцветом блестящих имен целой плеяды ученых ростовской исторической научной школы, к которой принадлежали: Н.А. Акимкина, Е.И. Демешина, Ю.П. Денисов, В.А. Золотов, Ю.В. Кнышенко, М.А. Люксембург, Е.Н. и Э.Д. Осколковы, В.С. Панченко, Я.А. Перехов, А.П. Пронштейн, Ю.И. Серый, К.А. Хмелевский и др. Личные отношения А.И. Козлова с рядом ростовских ученых ровными никак не назовешь, но эта биографическая страница к нашему повествованию жесткого императивного отношения не имеет. Руководствуясь принципами логотолерантности, мы считаем возможным обойти эти сюжеты, хотя сам А.И. Козлов порой в научном противостоянии был довольно непреклонен при всей его настроенности к ведению научных дискуссий.

И вот здесь происходит как раз то, что мы называем самоотчуждением. Александр Иванович, будучи одним из лидеров ростовской исторической школы, предпринимает попытку обособления казакovedения как отдельного научного направления в исторической регионалистике. Причем, данная попытка предпринимается на основе создания площадки для научных дискуссий, в качестве которой А.И. Козлов считал проведение Всесоюзных конференций по истории казачества. Это был исключительный личностный выбор. В результате ключевыми событиями в этом научно-исследовательском повороте для него становятся первая казачья Всесоюзная научная конференция «Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне» в Черкесске (12–13 ноября 1980 г.) и статья в академическом журнале «Вопросы истории» с характерным для того времени названием «Октябрь и казачество Дона, Кубани и Терека» [6]. Именно они могут считаться одной из начальных ступеней в развитии современного российского исторического казакovedения.

В вышеназванной журнальной статье в 1981 г. Александр Иванович доказывает незначительность удельного веса бедняцкой прослойки среди казачества и соответственно невысокой степени революционности основной его массы накануне и в ходе Великой Октябрьской социалистической революции. В условиях господствовавшей тогда в исторической науке точки зрения об исключительной победоносности идей Октября исследовательские подходы А.И. Козлова были знаковым сюжетом для научного сообщества.

«При строгой научной оценке фактов острой, вооруженной классовой борьбы, вылившейся в казачьих районах в ходе социалистической революции в Гражданскую войну, – правомерно писал он в логике складывавшейся советской историографии, – становится совершенно очевидно, что различные слои казачества в силу своей мелкобуржуазной социальной природы не могли избежать ошибок на крутом повороте истории, не могли не поддаться обману буржуазии и ее пособников... Обретенный трудящимися слоями казачества в ходе революции и Гражданской войны опыт имел для них историческое значение. Он позволил и середняку, занявшему в период триумфального шествия Советской власти, когда социалистическая революция решала в деревне общедемократические задачи, позиции нейтралитета, но тогда еще не сделавшему своего окончательного выбора, впоследствии стать на единственно верный для него путь – путь строительства социализма» [6, с. 32–33].

Вне всякого сомнения, исследовательский поворот совершался в рамках социально-классового подхода к анализу казачества. Александр Иванович рассматривал казачество как военно-служилое сословие, социально-правовое положение которого позволяло ему обеспечивать довольно высокий жизненный уровень. Социально-экономические сюжеты надолго увлекли ученого, и он объяснял, как и почему казачество постепенно перешло на сторону советской власти. В самом центре его исследовательского внимания оказалось трудовое казачество. Историческая матрица крестьянина-середняка с некоей казачьей спецификой становится у него доминирующей парадигмальной конструкцией. Социально-экономическая парадигма, сочетавшая в себе традиционные диалектико-материалистические подходы с категориально-понятийными изысками и поисками новых исторических фактов, подтолкнула А.И. Козлова, на наш взгляд, к двум принципиальным историческим сюжетам. Во-первых, он скрупулезно попытался разобраться в том, что же такое расказачивание: историческая случайность или целенаправленная политика правящей партии, и кто персонально в большевистском руководстве дал старт этой

жесткой политической кампании [7]. Он раскрывает механизмы деятельности партийного аппарата и показывает сущность формирующейся номенклатуры. Во-вторых, мы видим обстоятельный социально-экономический анализ казачьей окраины России и получаем детальное конкретно-историческое разъяснение, почему в казачьих регионах казаки к 1917 г. уже не составляли большинства жителей, и почему был столь актуален в казачьих областях земельный вопрос. Александр Иванович правомерно подчеркивал, что, в силу исторически сложившегося и юридически закрепленного характера системы землевладения, во всех казачьих местностях подавляющая часть земельных угодий находилась в войсковой собственности. Например, Войско Донское владело 83,5 % всех земель Донской области, а в то же время коренным и иногородним крестьянам принадлежало лишь 10 % земли [8, с. 21–24].

Примечательным фактом научного творчества Александра Ивановича является его трогательное отношение к однажды поднятой им научной проблеме. Скажем, более двадцати лет (с 1963 г. до второй половины 1980-х гг.) его активно занимали исторические сюжеты, непосредственно связанные с Октябрьской революцией. В 1985 г. он с перипетиями в преодолении цензуры выпустил в издательстве Ростовского государственного университета книгу «Во имя революции. (Потопление Черноморского флота по приказу В.И. Ленина в 1918 г.)» [9]. Означает ли это, что после выхода знаковой публикации он вовсе отходил от увлекшей его темы исследования?! Отнюдь нет. Он, так или иначе, связывал свои последующие научные работы с предыдущими. Какие-то интересовавшие его проблемы находили отражение в научных поисках учеников. За свою творческую биографию он подготовил свыше 40 кандидатов и докторов наук. Тем не менее проблемы истории казачества оставались, пожалуй, его главной исследовательской нишей, где весьма продолжительное время ему трудно было найти равных по масштабу понимания казачеведческих проблем, по глубине знания исторических фактов, по авторитетности высказываемых суждений, по определению перспектив научных изысканий. Донское казачество не менее двух десятилетий было прямо связано с именем А.И. Козлова.

Козлов прямо и без обиняков писал в одной из последних работ, что «в решающей степени неудачи возрожденчества – результат отсутствия четких представлений о социальной природе казачества, особенно у многих претендентов на роль его руководителей [10]. При этом Александр Иванович понимал социальные реальности современного казачьего движения, но у него и здесь была «своя колея». Он настаивал на том, что надо бы трезво и объективно разобраться, предельно гласно и свободно, с привлечением широкой общественности повести честный разговор о казачьем возрождении, выслушать специалистов, в том числе тех, кто думает иначе, нежели нынешние казачьи верхи и новые атаманы: «Лишь обстановка откровенной дискуссии позволит отделить зерна от плевел, выбросить шелуху и мифотворчество, разработать научно взвешенную, обоснованную концепцию об использовании казачьего потенциала, отвечающую интересам казаков и всей страны. Только тогда казачье движение прекратит бег на месте и действительно двинется вперед» [11, с. 467]. Он готов был слушать, слышать и дискутировать, но такое желание часто отсутствовало у противоположной стороны.

На наш взгляд, именно стремление к осмыслению процессов возрождения казачества предстает отдельным сюжетом в творчестве А.И. Козлова. При его активной поддержке и под его редакцией издали два сборника, посвященные этой проблема-

тике, в рамках подготовки V Международной (Всероссийской) научной конференции (Ростов н/Д., 26–29 сентября 1995 г.). Один вышел двумя изданиями накануне конференции [12–13], а второй опубликовали уже по итогам научного форума [14]. Кроме того, следует отметить его обстоятельную монографию «Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория)» [15], выпущенную в 1996 г. в издательстве Ростовского государственного университета.

В монографии о возрождении казачества с использованием метода ретроспективного анализа А.И. Козлов предпринял попытку теоретического осмысления вопросов происхождения казачества, раскрыл процессы его сложной исторической эволюции, особое внимание уделил драматической судьбе казачества в XX в., представил личностное понимание современного социально-политического положения казачества, охарактеризовал возможные варианты путей возрождения феноменального социального явления. Книга содержит критический анализ сложившейся историографии по проблеме, детализированное рассмотрение политики прошлого и настоящего в отношении казачества, предлагает авторские ответы на многие спорные и дискуссионные вопросы казачеведения. В содержательном отношении автором монография поделена на 10 относительно небольших, но разновеликих по объему разделов с красноречивыми названиями: 1) Неприятные вопросы без ответов; 2) Чего же ждать от казаков? 3) В кривом зеркале; 4) На изломах истории; 5) Каким быть казачеству? 6) Казаки – нация, сословие? 7) Откуда есть, пошли и кто такие казаки; 8) Воскресение; 9) Главные составляющие возрождения; 10) Последнее – не по важности. Седьмой раздел «Откуда есть, пошли и кто такие казаки» имеет следующую внутреннюю структуру: 7.1 – Возникновение субэтноса; 7.2 – Трансформация в военное сословие; 7.3 – Казачье войско как система; 7.4 – Расказачивание; 7.5 – Возрождение. Также детализированной внутренней структурой представлен в монографии девятый раздел под названием «Главные составляющие возрождения», где только три параграфа: 9.1 – Землевладение и землепользование; 9.2 – Культура; 9.3 – Власть и управление. Вспомогательный научно-справочный аппарат книги включает два раздела: Приложения и Именной указатель. Такая своеобразная структура работы и позиционирующие взгляды автора формулировки названий разделов ориентируют последователей мэтра ростовской научной исторической школы в мире казачеведения.

В своей монографии А.И. Козлов делает ряд принципиальных выводов, на которые следует обратить внимание. Чтобы распутать многочисленные историографические узлы и освободить исследование истории казачества от накопившихся исторических мифов, он обращается к постулатам теории этногенеза Л.Н. Гумилева, положения которой, как считал А.И. Козлов, создают надежные предпосылки к изучению проблемы происхождения этносов, как в целом, так и применительно к отдельным социально-этническим объектам, «в том числе, разумеется, по отношению к казачеству, ибо оно стоит в общем ряду групп и коллективов этнического порядка» [15, с. 52–53]. В итоге А.И. Козлов делает вывод, что «пока вопрос, кто такие казаки – народ или сословие – остается открытым, изученность его пребывает в зачаточном состоянии, он больше запутан, чем распутан» [15, с. 53].

На примере отношения Александра Ивановича к бродницкой теории происхождения казачества прослеживается его внимание к исследовательским наработкам своих коллег: «Бродницкая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей ее заманчивости и при-

влекательности, не особенно убедительна. Вся ее аргументация преимущественно вращается вокруг косвенных свидетельств, к тому же почерпнутых из вторых или даже третьих рук. Н.А. Мининков, исследовав проблему, пришел к заключению, что след, оставленный бродниками, был крайне незначительным [16, с. 87]. Разумеется, такой вывод вовсе не следует рассматривать как отрицание самой гипотезы о бродниках. Точнее всего, это призыв к более основательной ее разработке, которая только и способна сформулировать окончательные выводы» [15, с. 57].

Критически в монографии А.И. Козлова оценивается и миграционно-колониционная теория, считающая казачьими предками свободолюбивых выходцев из Русского и Польско-Литовского государства, часто бежавших на окраины государственных образований от феодальной кабалы. Господство этой теории в российской, а затем в советской историографии Александр Иванович интерпретирует в рамках политологического подхода, ведь она «в предельно выраженном виде отвечала имперским устремлениям самодержавия и планетарным целям носителей идей мировой революции, ассимиляторским методам и установкам тех и других» [15, с. 62]. Однако после вынесения такого жесткого итогового суждения, А.И. Козлов вовсе не игнорирует социальной реальности миграционно-колониционного процесса, сыгравшего важную роль в становлении казачества. Этнологический сюжет в монографии привязан хронологически к XVII в., когда, по мнению Александра Ивановича, казачья масса вступила в полосу этнообразующего процесса, приблизившего казаков к уровню субэтнуса [15, с. 72]. Как подчеркивал А.И. Козлов, весь смысл жизни казаков и их семей в Российской империи определялся военной службой, поэтому этническая сторона не играла существенной роли. Принадлежность к военно-служилому сословию автоматически указывала на его историческое и социальное место в российском сообществе [15, с. 117]. Дословно автор монографии фиксирует внимание читателя на том, что социальное бытие и облик казаков окутывал «толстый слой сословной окраски, через который едва-едва пробивались субэтнические черты». В казачестве исторически довольно сложно «переплелись, образуя неразрывное единство, два начала – этническое и сословное, субэтнос и сословие» [15, с. 131]. В итоге образовался «социосубэтнос», и он, по мнению А.И. Козлова, не имеет полных аналогов во всемирной истории, а потому феномен казачества совершенно уникален. И, конечно же, Александр Иванович не мог пройти мимо истоков возникновения политики расказачивания в годы становления советской власти. Кровавые расправы в станицах, как убежденно считал А.И. Козлов, явились выражением генеральной линии политики большевиков по отношению к казачеству, идейно-теоретические основы которой были разработаны лично В.И. Лениным и его ближайшими соратниками, и они «отлились в непререкаемые догмы о казаках как становом хребте вандейских сил в России» [15, с. 132].

На монографию А.И. Козлова «Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория)» вышла весьма обстоятельная рецензия в журнале «Вопросы истории» профессора К.А. Хмелевского [17], большого знатока истории Гражданской войны, известного специалиста по казачьей проблематике, научного руководителя А.И. Козлова по защищенной им кандидатской диссертации. Мы во многом согласны с опубликованными оценками рецензента, и в настоящей статье их использовали, хотя по-своему многие вещи интерпретировали. Константин Абрамович в рецензии делает следующий вывод: «Отдельные соображения и прогнозы автора относительно начавшегося возрождения казачества могут быть

оспорены. Однако главное здесь, как и во всей книге, составляет подлинно объективный, лишенный политических спекуляций и мифологем подход. В современной России, считает автор, есть возможности для развития казачьего субэтноса. Не возрождение сословности, а продвижение по линии экономики, науки и культуры позволит восстановить утраченные и обрести новые качества казачества, которые помогут ему стать этносом [15, с. 141]. Этот вывод дает пищу для размышлений, стимулирует дальнейшие исследования этой сложной проблемы» [17, с. 156].

Отдельного внимания в научном творчестве А.И. Козлова заслуживает биографическая тема, порой на длительное время увлекавшая его настолько, что иногда казалось, он буквально дышит личностными сюжетами своего очередного исторического визави. В ряду исторических фигур, к которым обращался мэтр: А.И. Деникин, Б.М. Думенко, А.М. Каледин, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов, В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.А. Шолохов и многие другие. Большинство из этих исторических деятелей, так или иначе, оказывались связаны с казачеством.

По-разному к ним относился сам Александр Иванович. Принципиально осуждая казачий коллаборационизм, неоднократно обращаясь к этому сложному историческому сюжету в рамках авторских суждений о Великой Отечественной войне, он считал П.Н. Краснова фашистским прихвостнем и довольно жестко характеризовал этого донского атамана. «В решающий час, когда на волоске висела судьба Отчизны, – писал А.И. Козлов, – он сознательно и расчетливо, играя на объяснимой обиде казаков, сбил с пути неискушенную в политике и просто неграмотную их часть, толкнув ее на путь предательства» [11, с. 526–527]. Тем самым, Александр Иванович категорически осуждал любые попытки героизации П.Н. Краснова как «истинного и непримиримого борца с большевизмом и невинной жертвы несправедливого политического режима», выступал против любой формы его вероятностной реабилитации.

Известно, что сам А.И. Козлов как человек и ученый долгое время буквально боготворил И.В. Сталина. Не оправдывая нашего коллегу и Учителя, все же заметим, что в тот исторический период не могло быть иначе, ибо его становление как личности проходило в сложные послевоенные годы. Конечно же, полученное военное образование тоже оказало соответствующее влияние. Тем не менее Александр Иванович сумел найти силы и переломить себя. Сталинскую проблематику А.И. Козлов развил в большой монографии «Сталин: борьба за власть» [18], вышедшей в издательстве Ростовского государственного университета в 1991 г., где он показал деятельность ближайших сподвижников В.И. Ленина: Л.Д. Троцкого, В.А. Антонова-Овсеенко, Л.П. Серебрякова, Е.А. Преображенского, Г.Л. Пятакова и др., репрессированных Сталиным и осужденных как «враги народа».

Среди множества работ, изданных в последние два десятилетия и посвященных жизни и творчеству М.А. Шолохова, особое место занимает обстоятельная монография Александра Ивановича Козлова [19], благодаря примененному инновационному научному подходу к изучаемой проблеме, заключающемуся в целевом установлении явных связей и отчетливых зависимостей между созданным великим донским писателем литературным миром и миром реальным, современным ему. По справедливому замечанию А.И. Козлова, художественная сторона романов М.А. Шолохова самым детальнейшим образом подвергнута исследованию многочисленных любителей и специалистов-шолоховедами, а вот конкретно-историческая обстановка, в которой жил и творил великий донской писатель, нуждается в даль-

нейшем углубленном научном анализе. Между тем, именно окружавшая художника жизненная среда, социокультурная повседневность и идейно-политическая обстановка оказывали определяющее влияние на его творчество, и потому, действительно, «для суждений о деятельности любого творца, в данном случае М.А. Шолохова, необходимо конкретное знание того времени, в котором ему приходилось творить, воссоздание основных параметров, определявших атмосферу общества, настроения, психологию, нравственные устои его сограждан вообще и каждого его члена в отдельности» [19, с. 327]. Подобного рода задача не может быть в полной мере выполнена авторитетным биографом, или же специалистом-литературоведом. Здесь необходимы профессиональные знания и навыки повествования ученого-историка, как раз в силу специфики своей деятельности ориентирующегося, прежде всего, на поиск и установление закономерностей и особенностей общественного развития, на глубокое и всестороннее освещение определенной исторической эпохи. Так понимал свои исследовательские задачи сам Александр Иванович в отношении литературного творчества М.А. Шолохова.

В содержательном плане в исторической монографии А.И. Козлова отчетливо выделяются и раскрываются две крупные исследовательские проблемы, – рассказывание и раскрестьянивание, – освещению которых посвящена большая часть работы. Иначе и быть не могло, поскольку, во-первых, Гражданская война, сопровождавшаяся массовыми репрессиями против казачества, и коллективизация, соединившая в себе и рассказывание, и раскрестьянивание, безусловно, выступают в ряду важнейших, знаковых исторических явлений советской эпохи, без которых наши нынешние представления об этом периоде страдают известной фрагментарностью. Во-вторых, в литературных произведениях М.А. Шолохова вольно или невольно самое пристальное внимание уделено именно трагедии казачества и крестьянства Дона, когда казаки и крестьяне, к сожалению, оказались не в состоянии хотя бы как-то ненадолго приостановить «социалистический модернизационный каток», когда прежний социальный опыт уже никого не спасал, когда их просто раздирали внутренние противоречия, когда мысли и чувства находились в отчаянной ситуации непонимания происходящего, когда конфликт интересов был практически неизбежен и по определению оказывался проигран в пользу императивного начала власти.

Историческая картина рассказывания раскрывается М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон», где писатель с потрясающей смелостью указал на чудовищную жестокость большевиков по отношению к жителям донских станиц. Через исторический анализ этих сюжетов А.И. Козлов показывает, что рассказывание выступило не эволюционным преодолением неких сословных предрассудков, а прямым насилием власти над народом, над его традиционным жизненным укладом, над его выстраданной болью, над его глубинной культурой, над его реальными историческими заслугами перед Россией. Это была долговременная политика формирования советских фигур умолчания, групповой мести одних людей другим, политика полного стирания имени (этнонима) в национальной истории. Особое внимание А.И. Козлов уделит прототипу Григория Мелихова – Харлампии Ермакову (о нем Александр Иванович вначале опубликовал большую работу в третьем выпуске «Казачьего сборника» [20]), который своей славной жизнью и трагической смертью являет пример печальной участи казаков в Советской России. Выводы и суждения автора о Харлампии Ермакове оригинальны и основаны на массе архивных

материалов. В частности, нам представляется правомерным объяснение исследователем причин того, почему Харлампий Ермаков достаточно часто появляется на страницах «Тихого Дона» при описании Вешенского восстания донских казаков и почему он вдруг исчезает после Новороссийска, поступив на службу к красным [19, с. 124–133]. Действительно, логичнее всего данные сюжеты объясняются тем, что М.А. Шолохов вел негласную борьбу с советскими службами безопасности, доказывая на страницах романа полную надуманность выдвинутых обвинений против Харлампия Ермакова (был очень жесток по отношению к пленным красноармейцам и матросам, командовал дивизией и пр.), которого он хорошо знал лично [19, с. 125]. Исчезновение же Харлампия Ермакова со страниц романа после Новороссийска исчерпывающим образом объясняет тот факт, что «к боевому пути Ермакова в составе Красной армии у органов ОГПУ не нашлось претензий» [19, с. 132], и, следовательно, М.А. Шолохов мог пропустить такие сведения из биографии уважаемого на Дону героя-казака. Проанализировав большой массив исторических источников, А.И. Козлов уточнил сведения о «служивском пути» [19, с. 23] Харлампия Ермакова и с полным основанием опроверг утверждения шолоховедов о «зверствах» последнего во время боев с красными, справедливо указав, что исследователей подвело не критическое восприятие обвинительного заключения, состряпанного работниками ОГПУ против Харлампия Ермакова [19, с. 132–133]. Думается, вполне убедительно выглядит и авторское мнение А.И. Козлова о том, почему писатель не продолжил сюжетную линию о судьбе Григория Мелехова [19, с. 132]. Здесь сказались не только трагизм развернувшихся в 1930-х гг. событий (коллективизация, массовый голод и террор), которые гениальный демиург лично тяжело переживал и которые препятствовали его творческой писательской активности. Сыграл свою роль и расстрел Харлампия Ермакова в 1927 г., как теперь выяснилось, по совершенно ложному обвинению. Гибель реального прототипа поставила точку и на литературной жизни Григория Мелехова.

Нам представляется наиболее значимым обращение А.И. Козлова к роману «Поднятая целина» – одному из лучших художественных произведений о коллективизации советской деревни, о «раскулачивании», раскрестьянивании и расказачивании как составном компоненте осуществленного большевиками глобального насильственного социального эксперимента по социалистическому преобразованию традиционного крестьянства. Вовсе не случайно внимание А.И. Козлова приковано к тайной повстанческой организации Александра Степановича Сенина, послужившего реальным прототипом для шолоховского литературного героя – есаула Александра Анисимовича Половцева. На знаковых материалах ведомственного архива УФСБ по Ростовской области исследователь убедительно доказал, что противниками коллективизации были вовсе не мифические кулаки, а самая что ни на есть трудолюбивая, рачительная часть крестьянства; советская же власть воевала в деревне не с «классовыми врагами» рабочих и крестьян, а с самими крестьянами, ведя войну на уничтожение с собственным народом. Об этом непреложно свидетельствуют результаты проведенного А.И. Козловым анализа социального состава организации А.С. Сенина, подавляющее большинство членов которой составляли середняки (62 человека), то есть самые что ни на есть настоящие, истинные крестьяне. Помимо середняков, в организацию также входили 11 бедняков, 1 рабочий, 1 служащий, 1 священник. Что же касается тех, кого советская пропаганда именovala кулаками и зажиточными, то таковых в организации оказалось 20 человек, при-

чем, только 9 из них охарактеризованы ОГПУ как «бывшие зажиточные» и «бывшие кулаки» [19, с. 263]. В этом случае, по ироничному замечанию А.И. Козлова, ОГПУ просто навешивало на обвиняемых «дохлых собак» [19, с. 331], то есть припоминало мнимые прошлые прегрешения, чтобы придать вес обвинению или, в других случаях, чтобы хоть как-то оправдать свои неправомерные действия «классовой чуждостью» лиц, против которых это обвинение было выдвинуто.

Раскрестьянивание по М.А. Шолохову в интерпретации А.И. Козлова выступает как долговременная социально-политическая акция по советизации социальной группы крестьянства (превращению его в сторонников советской власти), перераспределению социальной власти на местах и объектов собственности между самими крестьянами, между крестьянами и новыми партийно-советскими управленцами, унификации форм сельскохозяйственного производства и жизненного уклада. Раскрестьянивание осуществлялось преимущественно методами массового террора. Раскрестьянивание на Дону практически неотделимо от расказачивания.

Можно ли в рамках одной статьи полностью исчерпать тему «А.И. Козлов и казачество»? Безусловно, нет. Однако для нас очевидно, что эпистема казачества в научном творчестве Александра Ивановича на протяжении четырех десятков лет проделала очень заметную эволюцию от исключительно контрреволюционной силы до трудового казачества, а затем к социально-классовой группе, имеющей весьма значительный социально-экономический потенциал для своего развития. Готов ли был мэтр признать в современном казачестве этническую составляющую? Думаем, нет. Но он совершенно искренне переживал по поводу противоречивого протекания процессов возрождения казачества и сожалел, что его так и не поняли после нашедшей тогда статьи «Ряженые» в журнале «Родина» [21].

Профессор А.И. Козлов, как историк, писал ярко, самобытно, порой осознанно вступал в многоцветную область художественного вымысла. Однако его литературные пассажи опираются на конкретно-исторический материал. Исследовательские умозаключения осмысленно помещаются в ткань **живаго** русского языка с его полифоничным звучанием, с его динамикой и статикой, с его чувственным переживанием и метафорическими образами, с его текстом, непременно с подтекстом и обязательно с контекстом, с его одномоментными совершенством и несовершенством, с его победным ликованием и трагическим поиском смысла, открывающим неограниченные возможности для глубокого осмысления жизнедеятельности действительно великой исторической фигуры, каких он описал немало. Александр Иванович к месту употреблял «живые выражения», например, «строеросовая российская дубина», «четыреххвостка» в отношении всеобщего, равного и тайного голосования, и др. [2, с. 58, 76].

В своем научном творчестве Александр Иванович с разных сторон подходил к казачеству, внимательно рассматривал его в избранном для исследования контексте, совершая замечательные экскурсии в хронологически отдаленные друг от друга исторические эпохи. Можно отчаянно спорить с ним, не соглашаться с предложенной логикой его суждений и выводов, но ему никак нельзя отказать в очень искреннем стремлении понять исторический феномен казачества, в заинтересованном поиске все новых и новых исторических фактов о казачестве, в непременном наличии четкой авторской позиции по любому сюжету, какой бы он не излагал в своих научных и научно-популярных публикациях. «Как нередко бывало

в прошлом... – писал А.И. Козлов, – чиновники, паразитируя, являются своего рода удавкой на шее казачества, а подпевалы бюрократов всегда находятся» [11, с. 544].

Для нас имя Александра Ивановича Козлова отчасти является личной историей. Познакомившись с ним при обучении в аспирантуре Ростовского государственного университета (1986–1989 гг.), мне довольно длительное время приходилось общаться только в пределах обычного приветствия коллег по цеху и общих разговоров накоротке. Более предметными наши отношения стали в ходе развернувшейся подготовки к V Международной (Всероссийской) научной конференции (26–29 сентября 1995 г.) и в связи выходом в том же 1995 г. коллективной монографии «Казачий Дон: очерки истории» в двух томах [22–23], где волею творческих судеб нам удалось плодотворно два года поработать над ней в качестве научного редактора, а А.И. Козлов с удовольствием получил результат нашего труда в виде двух книг с множеством иллюстраций. Особенно мы сблизились в последние годы жизни Александра Ивановича. Незадолго до смерти вышла его книга «Каменистыми тропами» [11], в которой он подвел итоги своей научно-исследовательской и учебно-методической работы, и для меня остался приятным воспоминанием лично подаренный А.И. Козловым экземпляр. Несколько встреч у нас было в его ростовской квартире, но самой запоминающейся для меня стала беседа у него на даче (в домике) в станице Старочеркасской, где его хлебосольная супруга Вера Сергеевна всё стремилась угостить приготовленными блюдами и дарами местной природы. Мы сидели с Александром Ивановичем тогда, в августе 2008 г., рядом с его рабочим столом, заваленном книгами, газетами, фрагментами рукописей, газетными вырезками, и более двух часов дружески беседовали. Он дал свое согласие выступить рецензентом по моей монографии «Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории» [24], которая находилась в завершающей стадии подготовки. Но самым главным для меня биографическим событием явилась поддержка Александра Ивановича моих творческих планов по развертыванию монографии во вторую докторскую диссертацию по историческим наукам, когда он согласился выступить научным консультантом. Это было совершенно так неожиданно для меня, и было очень приятно, не скрою, уезжать из станицы Старочеркасской воодушевленным мудрым напутствием мэтра ростовской исторической научной школы. Мы встречались и обстоятельно беседовали с А.И. Козловым за три месяца до его ухода из жизни. Он предложил написать мне совместную статью по проблематике казачьего возрождения, которую позже полагал развернуть в брошюру, или даже монографию. Согласование плана-проспекта научной работы мы наметили на январь 2009 г., «после праздников», когда он рассчитывал закончить ранее намеченные дела. Увы, этим планам не суждено было сбыться. Статью не написали, а моим научным консультантом по докторской диссертации по историческим наукам стал декан исторического факультета Ставропольского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор А.А. Кудрявцев, хорошо знавший А.И. Козлова. После ухода из жизни Александра Ивановича мы много лет поддерживали добрые отношения с Верой Сергеевной Козловой, практически до самой ее смерти, и в наших с ней разговорах за непременно чаем в ростовской квартире (ул. Садовая, 142, кв. 20) Александр Иванович всегда оставался центральной темой: она стремилась максимально сберечь его творческое наследие, обязательно переиздать кни-

гу о М.А. Шолохове с включением всех материалов (общим объемом около тысячи страниц), которые Александр Иванович успел дополнительно наработать.

Эволюция эпистемы казачества в научном творчестве известного ученого показывает, что и в самом избранном предмете для научного анализа далеко не все понятно и однозначно. Это довольно противоречивое историческое явление еще долго будет занимать умы исследователей. Совершенно ясно лишь одно: разобраться в том, что есть такое казачество невозможно без обращения к работам мэтра донской исторической научной школы – заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии военных наук, доктора исторических наук, профессора Александра Ивановича Козлова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Козлов А.И. Борьба за власть Советов в Черноморской губернии (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ростов н/Д., 1965. 18 с.
2. Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М.: Собрание, 2004. 440 с.
3. Скорик А.П. Белый свет для белого генерала Деникина (о монографии А.И. Козлова «Антон Иванович Деникин – человек, полководец, политик, ученый». М., 2004. 440 с.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 112–113.
4. Козлов А.И. Социально-экономические, политические отношения и классовая борьба на юго-востоке Европейской России накануне Октября: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Ростов н/Д., 1978. 443 с.
5. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 214 с.
6. Козлов А.И. Октябрь и казачество Дона, Кубани и Терека // Вопросы истории. 1981. № 3. С. 20–33.
7. Козлов А.И. Рассказывание // Родина. 1990. № 6. С. 64–71; № 7. С. 43–47.
8. Козлов А.И. Казачья окраина России. Ростов н/Д.: МГП «Гаудеамус-XXI», 1992. 40 с.
9. Козлов А.И. Во имя революции: (Потопление Черноморского флота по приказу В.И. Ленина в 1918 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1985. 221 с.
10. Козлов А.И. О сущности возрождения казачества // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тез. регион. науч.-практ. конф. (г. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 46–52.
11. Козлов А.И. Каменистыми тропами... Исторический очерк. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2008. 576 с.
12. Возрождение казачества: история и современность: мат-лы к V Всерос. (Междунар.) науч. конф.: сб. науч. статей / Новочеркас. гос. техн. ун-т; Ростов. гос. ун-т. Новочеркасск: НГТУ, 1994. 127 с.
13. Возрождение казачества: история и современность: сб. науч. ст. к V Всерос. (Междунар.) науч. конф. [сентябрь 1995 г. / редкол.: А.П. Скорик (отв. ред.) и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Новочеркасск: НГТУ, 1995. 163 с.
14. Возрождение казачества: (История, современность, перспективы): тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Междунар. (Всерос.) науч. конф. [26–29 сентября 1995 г. / отв. ред. А.И. Козлов]. Ростов н/Д.: Логос, 1995. 98 с.
15. Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996. 248 с.
16. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья, до 1671 г.: в 2-х т.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д., 1995. 761 с.
17. Хмелевский К.А. [рец. на:] А.И. Козлов. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996. 248 с. // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 155–156.
18. Козлов А.И. Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 412 с.
19. Козлов А.И. М.А. Шолохов: Времена и Творчество. По архивам ФСБ. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 480 с.
20. Козлов А.И. Хроника трагедии Харлампия Ермакова (или документальный эпилог «Тихого Дона»). По материалам ФСБ // Казачий сборник / отв. ред. Е.И. Дулимов. Ростов н/Д.: Донской юрид. ин-т, 2002. Вып. 3. С. 86–216.
21. Козлов А.И., Козлов А.А. Ряженые. Возрождение казачества: мифы и реалии // Родина. 2004. № 11. С. 11–14.

22. Казачий Дон: Очерки истории. Ч. I. / под ред. А.П. Скорика. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского облИУУ, 1995. 192 с.

23. Казачий Дон: Очерки истории. Ч. II. / под ред. А.П. Скорика. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского облИУУ, 1995. 208 с.

24. Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: очерки истории. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 344 с.

REFERENCES

1. Kozlov A.I. 1965. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Chernomorskoj gubernii (1917–1920 gg.)* [The struggle for Soviet power in the Black Sea Province (1917–1920)]. PhD Abstract. Rostov-on-Don. 18 p.

2. Kozlov A.I. 2004. *Anton Ivanovich Denikin (chelovek, polkovodec, politik, uchenyj)* [Anton Ivanovich Denikin (man, commander, politician, scientist)]. Moscow, Sobranie. 440 p.

3. Skorik A.P. 2005. Review: White light for the white General Denikin (about Kozlov's monograph A.I. Anton Ivanovich Denikin – a man, commander, politician, scientist. Moscow, 2004. 440 p.). *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences]. No. 1. P. 112–113.

4. Kozlov A.I. 1978. *Social'no-ekonomicheskie, politicheskie otnosheniya i klassovaya bor'ba na yugo-voštoke Evropejskoj Rossii nakanune Oktyabrya. Dissertaciya ... doktora istoricheskikh nauk* [Socio-economic, political relations and class struggle in southeastern European Russia on the eve of the October Revolution. SciD Thesis]: 07.00.02. Rostov-on-Don. 443 p.

5. Kozlov A.I. 1977. *Na istoricheskom povorote* [At a historical turn]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 214 p.

6. Kozlov A.I. 1981. The October Revolution and the Cossacks of the Don, Kuban and Terek. *Voprosy istorii* [History issues]. No. 3. P. 20–33.

7. Kozlov A.I. 1990. *Raskazachivanie*. Rodina [Homeland]. No. 6. P. 64–71; No. 7. P. 43–47.

8. Kozlov A.I. 1992. *Kazach'ya okraina Rossii* [The Cossack outskirts of Russia]. Rostov-on-Don, MGP "Gaudeamus-XXI". 40 p.

9. Kozlov A.I. 1985. *Vo imya revolyucii: (Potoplenie Chernomorskogo flota po prikazu V.I. Lenina v 1918 g.)* [In the name of the Revolution: (The sinking of the Black Sea Fleet by order of V.I. Lenin in 1918)]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 221 p.

10. Kozlov A.I. 2007. On the essence of the renaissance of the Cossacks. *Kazachestvo Yuga Rossii v processah stanovleniya i razvitiya Rossijskoj gosudarstvennosti. Tezisy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Uryupinsk, 26–29 aprelya 2007 g.* [The Cossacks of Southern Russia in the processes of formation and development of Russian statehood. Abstracts of the regional scientific and practical conference, Uryupinsk, April 26–29, 2007]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 46–52.

11. Kozlov A.I. 2008. *Kamenistymi tropami...* Istoricheskij ocherk [Rocky trails... A historical sketch]. Rostov-on-Don, SFU Publisher. 576 p.

12. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennoost': Materialy k V Vserossijskoj (Mezhdunarodnoj) nauchnoj konferencii: Sbornik nauchnyh statej* [The Revival of the Cossacks: history and modernity: Materials for the V All-Russian (International) Scientific Conference: Collection of scientific articles]. Novocherkassk, NGTU. 1994. 127 p.

13. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennoost': Sbornik nauchnyh statej k V Vserossijskoj (Mezhdunarodnoj) nauchnoj konferencii* [The Revival of the Cossacks: history and modernity: A collection of scientific articles for the V All-Russian (International) Scientific Conference (September 1995)]. Novocherkassk: NGTU, 1995. 163 p.

14. *Vozrozhdenie kazachestva: (Istoriya, sovremennoost', perspektivy): Tezisy dokladov, soobshchenij vystuplenij na V Mezhdunarodnoj (Vserossijskoj) nauchnoj konferencii* [The Revival of the Cossacks: (History, modernity, prospects): Abstracts of reports and presentations at the V International (All-Russian) Scientific Conference] [26–29 September 1995]. A.I. Kozlov (ed.). Rostov-on-Don, Logos, 1995. 98 p.

15. Kozlov A.I. 1996. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennoost' (evolyuciya, politika, teoriya)* [The Revival of the Cossacks: history and Modernity (evolution, politics, theory)]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 248 p.

16. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego srednevekov'ya, do 1671 g.* [The Don Cossacks in the Late Middle Ages, before 1671: in 2 volumes: SciD Thesis]: 07.00.02. Rostov-on-Don, 1995. 761 p.

17. Hmelevskij K.A. [review of the monograph by A.I. Kozlov]. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennoost' (evolyuciya, politika, teoriya)*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1996. 248 p. [Review by:

A.I. Kozlov. The Revival of the Cossacks: history and Modernity (evolution, politics, theory)]. *Voprosy istorii* [History issues]. 1997. No. 12. P. 155–156.

18. Kozlov A.I. 1991. *Stalin: bor'ba za vlast'* [Stalin: the struggle for power]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 412 p.

19. Kozlov A.I. 2005. *M.A. Sholohov: Vremena i Tvorchestvo. Po arhivam FSB* [M.A. Sholokhov: Times and Creativity. According to the FSB archives]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 480 p.

20. Kozlov A.I., Dulimov E.I. (ed.). 2002. Chronicle of the tragedy of Kharlampy Ermakov (or the documentary epilogue of the Quiet Don). According to the materials of the FSB. *Kazachij sbornik* [Cossack collection]. Rostov-on-Don, Donskoj yuridicheskij institut. Vol. 3. P. 86–216.

21. Kozlov A.I., Kozlov A.A. 2004. Ryazhenye. The Revival of the Cossacks: myths and realities. *Rodina* [Homeland]. No. 11. P. 11–14.

22. Skorik A.P. (ed.). 1995. *Kazachij Don: Ocherki istorii. Ch. I.* [Cossack Don: Essays on history. Part I]. Rostov-on-Don. Izdatel'stvo Rostovskogo oblasnogo Instituta usovershenstvovaniya uchitelej. 192 p.

23. Skorik A.P. (ed.). 1995. *Kazachij Don: Ocherki istorii. Ch. II.* [Cossack Don: Essays on history. Part II]. Rostov-on-Don. Izdatel'stvo Rostovskogo oblasnogo Instituta usovershenstvovaniya uchitelej. 208 p.

24. Skorik A.P. 2008. *Mnogolikost' kazachestva Yuga Rossii v 1930-e gody: Ocherki istorii* [The Diversity of the Cossacks of Southern Russia in the 1930s: Essays on History]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publisher, 344 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Российская Федерация.

SKORIK Alexander Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

© А.П. Скорик, 2025.

Дата поступления в редакцию: 19.03.2025.

Дата принятия статьи: 01.07.2025.